Въ подполь̀ѣ.

Очерки изъ жизни русскихъ революціонеровъ 70—80 гг.

Переводъ съ французскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгоиздательство „Другъ Народа“.
1907.

ф. 30-

20072315Z8

ՄՈՒԶԵՒՄ ՀԱՅԿԱԿԱՆ
ԱՐՎԵՍՏԻ ԵՒ ՊԱՏՄՈՒԹԵԱՆ ՀԱՄԱՐ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая читателю книга имѣла въ виду дать французской публикѣ нѣсколько картинокъ изъ жизни русскихъ революціонеровъ. Книга эта не претендуетъ на историческую полноту изложенія, не пытается дѣлать какихъ-либо историко-философскихъ обобщеній; она есть почти точное изложеніе нѣкоторыхъ эпизодовъ упорной борьбы русскихъ революціонеровъ съ русской полиціей, и только.

Борьба эта велась между наиболѣе активными силами страны—революціонерами начала 70-хъ годовъ и представителями реакціонныхъ силъ—царскимъ правительствомъ.

Послѣ освобожденія крестьянъ правительство одумалось и немедленно принялось за уничтоженіе созданнаго, только усиливъ свое политическое фиглярство; ему удалось разъединить либераловъ и радикаловъ, разрушить назрѣвавшій между ними союзъ и тѣмъ самымъ ослабить революціонное движеніе. Время отъ времени вспыхивавшія слабыя конспиративныя попытки подавлялись безпощадно сурово.

Отъ 1867 до 1874 г. правительство считало себя сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Сергѣй Нечаевъ, фанатикъ, но человѣкъ съ удивительно сильной волей, организовалъ заговоръ, послѣ подавленія котораго революціонная Россія, казалось, погрузилась въ полнѣйшую прострацію. Въ дѣйствительности же она подготовлялась, концентрировала всѣ свои силы, которыя и проявила послѣ 1874 года. Начиная съ 1871 года во всѣхъ большихъ городахъ Россіи, особенно среди молодежи, создаются кружки; первоначально это были просто группы друзей, товарищей, которыя совсѣмъ не имѣли какой-нибудь опредѣленной революціонной цѣли, хотя и были безусловно охвачены безсознательно революціоннымъ духомъ. Группировавшаяся такимъ образомъ молодежь мечтала о великой соціальной революціи, но эта революція должна быть совершена не иначе, какъ самимъ населеніемъ страны, переродившейся умственно и морально.

Кружки, о которыхъ я говорю, должно разсматривать, какъ первоначальные зародыши грядущей эволюціи; ихъ члены помогали другъ другу въ самообразованіи и самовоспитаніи, чтобы облегчить себѣ рѣшеніе самыхъ важныхъ соціальныхъ вопросовъ. Эти апостолы грядущаго возрожденія должны были служить, главнымъ образомъ, примѣромъ своей личной жизни.

Революціонный дѣятель прежде всего долженъ самъ быть человѣкомъ безупречнымъ, безусловно честнымъ, безукоризненно нравственнымъ, всегда готовымъ помочь своему ближнему, защищать благо и бороться со зломъ. Онъ долженъ оказать человѣчеству возможно большія услуги, самъ же могъ пользоваться отъ него только тѣмъ, что безусловно необходимо для жизни. Люди дѣлались мало-по-малу настоящими аскетами.

Мы—должники народа. Народъ долженъ былъ страдать очень долго для того, чтобы каждый изъ насъ имѣлъ возможность получить высшее научное образованіе и нравственное воспитаніе. Въ теченіе столѣтій народъ былъ лишенъ самаго необходимаго, былъ приведенъ къ рабству и крайнему огрубѣнію нравовъ. Нужно заплатить этотъ неоплатный долгъ, долгъ настолько большой, что все наше существованіе посвященное исключительно народному дѣлу, не въ состояніи окупить его.

Эта мысль являлась господствующей во всѣхъ умахъ, настроенныхъ революціонно.

Самый выдающійся кружокъ того времени, названный по имени одного изъ его основателей—былъ кружокъ Н. Чайковскаго. Онъ образовался въ Петербургѣ въ 1871—1872 году и, мало-по-малу распространяясь, основалъ развѣтвленія въ Москвѣ, въ Одессѣ и пр. Кружокъ этотъ соединилъ въ себѣ много людей очень талантливыхъ, которыхъ впослѣдствіи мы часто будемъ встрѣчать во главѣ различныхъ конспиративныхъ дѣлъ. Вліяніе его было настолько глубоко и существенно, что его исторія есть подлинно одна изъ блестящихъ страницъ русской исторіи.

Двѣ первыя главы настоящихъ очерковъ посвящены выясненію роли, которую игралъ именно этотъ кружокъ, при чемъ дѣйствующія лица очерковъ есть только общіе типы, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и не трудно узнать дѣйствительныхъ членовъ кружка; такъ, напримѣръ, подъ именемъ Макара и Сергѣя обрисованъ выдающійся пропагандистъ 70-хъ годовъ Сергѣй Силычъ Синегубъ, а подъ именемъ Нади—его жена Лариса Васильевна.

Всѣ члены тогдашнихъ кружковъ начинали свое дѣло съ собственнаго своего усовершенствованія, съ пропаганды всеобщаго просвѣщенія и нравственнаго возрожденія среди молодежи и всего образованнаго класса.

Съ этой цѣлью кружокъ Чайковскаго всячески способствовалъ появленію въ свѣтъ и особенно распространенію значительнаго числа лучшихъ литературныхъ произведеній. Его пропаганда въ своемъ поступательномъ ходѣ дошла постепенно и до рабочей среды.

Около этого времени между пропагандистами произошелъ своего рода расколъ, что и создало въ русскомъ языкѣ два новыхъ слова. Одни, которыхъ называли о б р а з о в а н н и к а м и, стояли за пропаганду исключительно въ классѣ образованныхъ людей; другіе—н а р о д н и к и (демократы)—требовали перенесенія пропаганды въ народъ. Первые имѣли настолько мало успѣха, что даже имя ихъ постепенно исчезло изъ русскаго языка; народники же одержали побѣду. Здѣсь, въ этой борьбѣ народниковъ, кружокъ Чайковскаго, хотя и не былъ въ авангардѣ движенія, показалъ себя самымъ храбрымъ полкомъ арміи. Какъ и ранѣе, во время пропаганды среди молодежи и образованнаго класса, онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ десять другихъ кружковъ, взятыхъ вмѣстѣ, такъ и теперь онъ широко и умѣло организовалъ пропаганду среди рабочихъ. Въ 1872—1873 году эта пропаганда сдѣлалась предметомъ наибольшей заботы и дѣятельности его членовъ.

Русскіе революціонеры того времени не именовали себя какой-либо партіей, крайняя скромность и боязнь фразъ внушала имъ отвращеніе къ громкимъ словамъ; въ большинствѣ случаевъ они именовались просто р а д и к а л а м и.

Въ то время въ русскомъ образованномъ классѣ существовали совмѣстно два теченія: одно отдавало преимущество развитію и совершенствованію отдѣльныхъ лицъ и видѣло въ этомъ средство возрожденія Россіи; другое мечтало вызвать народныя массы къ сознательной политической жизни, въ томъ убѣжденіи, что эти народныя массы сами сумѣютъ создать дѣйствительно справедливый общественный порядокъ. Это былъ культъ индивидуума, съ одной стороны, и массы—съ другой.

До 1874 года господствовало первое теченіе; но уже начавшіяся сношенія пропагандистовъ съ рабочими пробуждали новую силу, второе теченіе. Люди работающіе непосредственно въ народѣ, скоро увидѣли въ немъ такъ много хорошаго, что не могли не привязаться къ нему всей душой, и эта привязанность скоро достигла самой сильной степени и перешла въ уваженіе и благоговѣніе.

Но тогда къ чему-же эта медленная, обдуманная и научная пропаганда? Она становилась совершенно не нужною. Торжеству этого-же мнѣнія, съ своей стороны, способствовало правительство своими энергичными преслѣдованіями, чрезвычайно затруднявшими организацію правильной пропаганды среди рабочихъ.

Кружокъ Чайковскаго къ началу 1874 года потерялъ половину своихъ членовъ. Собственно говоря, фактически, кружокъ пересталъ существовать. Подкрѣпленный нѣкоторымъ числомъ новыхъ членовъ онъ въ то же время утратилъ свои традиціи, свои опредѣленныя качества и смѣшался съ общей революціонной массой всей Россіи.

Движеніе измѣнило свое направленіе, но не распалось. Оно нашло въ своемъ энтузіазмѣ новые пути въ обширныхъ равнинахъ родины. Началось „безумное лѣто“, лѣто 1874 года, когда сотни, быть можетъ, тысячи молодыхъ людей устремились въ народъ, чтобы обучать его, помочь ему, изучить его, чтобы, наконецъ, воспитаться самимъ среди него.

Это было очень могущественное, но и очень сложное движеніе.

Здѣсь перемѣшивались люди всевозможныхъ направленій: недавно появившійся анархизмъ, якобинство, соціализмъ, русскія демократическія идеи (народничество), стремившіяся осуществить волю народа,—всѣ эти оттѣнки мнѣній сходились, какъ въ одномъ руслѣ, въ этомъ общемъ движеніи.

Не мало было и такихъ людей, которые хотѣли жить только честною жизнью, т. е. жизнью рабочаго, получая средства къ существованію своимъ собственнымъ трудомъ.

Тогда-же явились на сцену и антиреволюціонныя доктрины, какъ напримѣръ, Маликова, доктрины очень близкія къ ученію графа Льва Толстого. Онѣ послужили нѣкоторымъ отвлеченіемъ отъ общаго движенія, такъ какъ увлекли нѣсколькихъ революціонеровъ за собою въ обратную отъ движенія сторону.

Среди разнокалиберности мнѣній этого волнующагося потока всегда слышалась одна, настойчиво вибрирующая нота—протестъ противъ несправедливостей современной цивилизаціи, протестъ, который въ своемъ увлеченіи часто доходилъ до отрицанія самой цивилизаціи. Наиболѣе экзальтированные люди понемногу начали отрицать науку и смѣялись надъ эгоизмомъ личнаго совершенствованія.

Цивилизація-то и заставляетъ пропадать съ голода весь народъ,

она-то и разрушила зародыши того справедливаго соціальнаго поря-
ка, которые и до сихъ поръ еще не вытравлены изъ народной душ
Такъ долой цивилизацію! Нужно „обрасти волосами“!

Эта острота прекрасно рисуетъ тенденціи характеризуемой групп
Члены ея стараются подражать народу въ его костюмѣ, языкѣ, част
даже преувеличивая грубость послѣдняго; уходятъ изъ школъ, нач
наютъ изучать ремесла: переплетное, столярное и др.

Я зналъ людей, которые такъ хорошо сумѣли „обрасти волосами
что не могли уже больше говорить литературнымъ языкомъ. При слу
чаѣ иные изъ нихъ съ успѣхомъ сходили за мужиковъ.

Одинъ изъ такихъ людей однажды долженъ былъ бѣжать изъ го
рода. Полиція выслѣживала его на вокзалѣ. Какъ быть? Онъ одѣлс
мужичкомъ и съ мѣшкомъ на плечахъ направился прямо къ жандарму

— Будьте милостивы, Ваше почтенье, скажи мнѣ, что стоитъ до
ѣхать до N ?

— Четыре рубля, отвѣчалъ тотъ.

— Нельзя-ли уступить подешевле?

— Дуракъ!

Жандармъ отправился по своимъ дѣламъ, а глупый мужикъ остал
ся на мѣстѣ, даже и не думая итти въ кассу. Скоро прозвонилъ зво-
нокъ. Жандармъ, снова обративъ на него вниманіе, сказалъ нѣсколь-
ко словъ кондуктору; кондукторъ подошелъ къ мужику.

— Сколько ты хочешь дать за мѣсто?

— Да полтора рубля, Ваше почтенье!

— Живо давай два рубля!...

Крестьянинъ далъ требуемое и кондукторъ самъ тайкомъ свелъ
его въ вагонъ.

Наблюдая одежду, манеры, языкъ этого человѣка и слыша, какъ
онъ торгуется, было бы чрезвычайно трудно признать въ немъ грозз-
наго революціонера.

Но, однако, не много лицъ могли оставаться „въ народѣ“ настоль-
ко долго, чтобы съ нимъ совершенно слиться.

Правительство, испуганное силой движенія, организовало ужасаю-
щую охоту на пропагандистовъ. Тюрьмы быстро переполнились, аре-
стованные оставались два, три, четыре года въ одиночномъ заключе-
ніи и, такимъ образомъ, въ 1875—1876 гг. все огромное движеніе было
заторможено.

Однако, оно не осталось безъ результатовъ. Прежде всего непо-
средственное соприкосновеніе съ крестьянствомъ разрушило преобла-
дающія недавно тенденціи идеализировать мужика и привело къ рѣ-
шенію, что необходимо дѣйствительное и разумное сближеніе съ наро-
домъ, а не благоговѣніе передъ нимъ.

Народники сдѣлались господствующей партіей, и въ то же
время стали относиться скептически къ этому необыкновенному кре-
стовому походу 1874 года. Вторженія въ народную среду вовсе не нужно;
съ нимъ надо жить, изучать его, формулировать его желанія. Нужно
составить настоящую народную программу дѣйствій, организовать, если
не крестьянскую партію, то рядъ тайныхъ крестьянскихъ обществъ.
Дѣйствовать съ надеждою на успѣхъ можно только осуществивъ эту
первую задачу.

Это новое теченіе господствовало въ 1876—1877 гг. Первенствую-

щее значеніе въ этотъ періодъ имѣло тайное общество, которое называлось „Земля и Воля“; названіе было выбрано вполнѣ удачно; оно ясно формулировало назрѣвшіе вопросы и даже внушено было самимъ крестьянствомъ. Впрочемъ, непосредственно намѣченная цѣль не была достигнута.

Всѣ тайныя общества, состоявшія изъ людей болѣе зрѣлыхъ и практическихъ, иногда даже изъ людей выдающихся способностей, правительствомъ всегда систематически преслѣдовались и вырывались съ корнемъ.

Однако, эти народническія идеи глубоко запечатлѣлись на господствующемъ движеніи, взгляды революціонеровъ сдѣлались болѣе умѣренными и болѣе практическими. Еще недавно существовавшій анархизмъ исчезъ совершенно; революціонные дѣятели старались создать болѣе осуществимыя программы.

Съ другой стороны, преслѣдованія правительства, уничтожающаго всѣ усилія революціонеровъ, мало-по-малу приводятъ къ убѣжденію, что при настоящемъ политическомъ положеніи Россіи организація какой бы то ни было партіи, и особенно партіи крестьянской, невозможна.

Прежде всего нужно защищаться отъ самого правительства, и вотъ около 1877 года явилось новое направленіе—террористическое. Возникла мысль, что революціонерамъ необходимо имѣть свой отрядъ для самозащиты, который долженъ защищать ихъ отъ шпіоновъ, жандармовъ, отражая силу силой, и наказывая правительство за слишкомъ жестокія дѣйствія.

Разъ возникнувъ, эта мысль привилась преимущественно на югѣ Россіи, въ Украйнѣ. Одни надѣялись, что открытая борьба съ правительствомъ захватитъ весь народъ и приведетъ къ общей революціи; другіе полагали, что и безъ этой общей революціи террористическая борьба съ правительствомъ устрашитъ его и принудитъ дать конституцію. Несмотря на противоположность этихъ двухъ мнѣній всѣ были согласны съ той точкой зрѣнія, что необходимо бороться съ правительствомъ вооруженной рукой. 1878 годъ отмѣченъ рядомъ политическихъ убійствъ, вооруженныхъ сопротивленій, побѣговъ и пр. Правительство отвѣчало висѣлицами, которыми еще больше толкало революціонеровъ на путь террора.

Около 1879 года возникла новая мысль, пропитанная еще недавнимъ якобинствомъ. Нужно не только устрашить правительство терроромъ, или принудить его къ уступкамъ; необходимо прямо свергнуть его путемъ общаго возстанія.

Эта идея резюмируетъ программу партіи „Народной Воли“, которая создалась къ концу 1879 года.

Мысль о политической конспираціи съ цѣлью сверженія правительства невольно приводитъ опять революціонеровъ къ обществу и къ народу.

Для сверженія правительства необходимо имѣть непосредственную поддержку либераловъ, арміи и рабочихъ, слѣдовательно, необходимо создать, такъ сказать, партію всенародную. Такимъ образомъ, въ этотъ періодъ времени въ русской революціонной средѣ вновь нарождается сознаніе необходимости союза между всѣми оппозиціонными элементами подобнаго тому, который былъ разрушенъ 20 лѣтъ тому назадъ; но и теперь среди самихъ революціонеровъ-террористовъ

раздаются голоса, не согласные съ этой точкой зрѣнія партіи, кото-рые образовали ей въ нѣкоторомъ родѣ оппозицію. Однако, эта мысл о союзѣ, хотя и нѣсколько ослабленная указанной оппозиціей, придал новой партіи на нѣкоторое время неслыханную дотолѣ силу.

Партія приступила къ своей небывалой еще въ исторіи героиче-ской борьбѣ, отъ которой вскорѣ правительство начало трепетать. Вполнѣ вѣроятно, что если бы либеральные элементы общества был способны поддержать революціонеровъ въ ихъ идеѣ союза и еслибы революціонеры, въ свою очередь, были глубже охвачены духомъ низ-верженія самодержавнаго правительства, это послѣднее было-бы уж свергнуто или, по меньшей мѣрѣ, вынужденно согласиться на самы широкія уступки.

Этой удивительной борьбѣ посвящено нѣсколько разсказовъ „Взрывъ“, „Шпіоны и контръ-шпіоны“ и пр. Но такъ какъ здѣсь по-ставлена задача только обрисовать нравы, а не писать исторію рус-скаго революціоннаго движенія, то для роли героевъ выбраны не глав-ные вожаки движенія, а тѣ, кто наиболѣе живо и ярко характери-зуютъ тогдашнее положеніе революціонной Россіи.

Во главѣ „Шпіоны и контръ-шпіоны“ подъ псевдонимомъ Дмитрія скрытъ выдающійся дѣятель Народной Воли—Александръ Михайловъ, а подъ именемъ M-lle Marie—А. В. Якимова.

I.

Пропагандисты.

— Угловъ проводитъ Васъ къ Макару, сказалъ мнѣ В... Желаю всего хорошаго!

Обоихъ я зналъ очень мало.

Макаръ бывалъ одновременно со мной на засѣданіяхъ нашего кружка. Онъ мнѣ очень понравился, хотя мы обмѣнялись съ нимъ едва нѣсколькими словами.

Углова я видѣлъ въ первый разъ. Это былъ очень интеллигентный рабочій; еще очень молодой, небольшого роста, живой и смѣлый, онъ очень заинтересовалъ меня— какъ ученикъ нашихъ пропагандистовъ. Для меня это былъ первый живой примѣръ ихъ успѣха и побѣды.

Петербургскій кружокъ, знаменитый тогда своими успѣхами среди рабочихъ, во всѣхъ рабочихъ кварталахъ имѣлъ собственные центры пропаганды, совершенно аналогичные тому, куда я долженъ былъ теперь отправиться. А за нѣсколько дней до этого, я пріѣхалъ въ Петербургъ нарочно для того, чтобы изучить систему пропаганды, принятую тогдашними дѣятелями.

Дорога была длинная. Нужно было пройти городъ изъ конца въ конецъ, чтобы добраться до отдаленнаго предмѣстья одной изъ заставъ.

Черезъ полтора часа ходьбы мы достигли, наконецъ, нашего предмѣстья. Это была широкая улица, которая тянется подъ разными названіями на протяженіи 4 верстъ; два ряда домовъ ограничены съ одной стороны Невой, которая протекаетъ здѣсь свободно, не стѣсненная гранитными набережными, сжимающими ее въ городѣ. Съ другой стороны, сейчасъ же позади домовъ, начинается широкое, болотистое, совершенно пустынное пространство. Это—улица фабрикъ. Ихъ высокія трубы обрисовываются на фонѣ небесной синевы съ обѣихъ

сторонъ улицы. Всѣ прилегающіе дома были переполнены рабочимъ людомъ.

Чаще всего это были простыя фабричныя казармы, большія и однообразныя пятиэтажныя зданія, выстроенныя съ цѣлью дать убѣжище сотнямъ рабочихъ. Изрѣдка мрачная и грязная линія этихъ домовъ прерывается, чтобы уступить мѣсто богатому помѣстью того или иного изъ королей промышленности. Довольно часто встрѣчаются портерныя, кабаки и трактиры.

Въ этой-то улицѣ, очень дурно вымощенной и вмѣсто тротуара имѣющей гнилыя деревянныя доски, мы и остановились передъ однимъ двухъэтажнымъ деревяннымъ домомъ, почернѣвшимъ отъ времени и фабричнаго дыма.

Пройдя до невозможности грязный дворъ, мы вошли въ темный коридоръ нижняго этажа.

— Здѣсь, сказалъ мой проводникъ, стучась въ дверь.

Дверь не открывалась. Тогда только мы замѣтили на ней замокъ, указывающій на отсутствіе хозяевъ квартиры. Это обстоятельство было тѣмъ печальнѣе, что я расчитывалъ совсѣмъ остаться у Макара: въ этой части города я не имѣлъ рѣшительно никакого другого пристанища. Разговаривая, мы подождали нѣкоторое время, но Макаръ не приходилъ. Угловъ объявилъ мнѣ наконецъ, что онъ не можетъ оставаться долѣе.

— Замокъ, мнѣ кажется, не очень крѣпокъ; его можно сломать. Мы разсмѣялись при мысли, что самыя простыя идеи приходятъ послѣдними и, легко сорвавъ замокъ, вошли въ двери.

Квартира была изъ двухъ комнатъ и кухни. Досчатыя стѣны были покрыты рваными обоями. Грубый некрашенный полъ плясалъ подъ тяжестью нашихъ ногъ.

Въ кухнѣ два или три глиняныхъ горшка на большой русской печи, топоръ, валяющійся на полу, расколотыя дрова, самоваръ и ведро для воды. Спальня была заперта. Другая комната, квадратная, была меблирована простымъ деревенскимъ столомъ и полудюжиной разбитыхъ стульевъ. Карта Россіи украшала стѣну.

Таково было мое новое жилище. Окончивъ свою миссію, Угловъ отправился въ обратный путь. Тѣмъ временемъ явился хозяинъ квартиры съ своей женой, поэтическимъ созданьемъ, особенно оттѣняемымъ этой

бѣдной до крайности обстановкой. Правда, что бѣдность эта была добровольная, и на нее, обыкновенно, не обращали никакого вниманія.

Я помню домъ за Невскою заставой;
Тамъ жили бѣдность, дружба и любовь.
Нужда друзьямъ казалася забавой,
И часто кровь ихъ грѣла вмѣсто дровъ...

Эти стихи одного изъ узниковъ Петропавловской крѣпости были написаны позднѣе въ воспоминаніе именно объ этой бѣдной квартирѣ.

Но ею были довольны, а это - главное.

Достаточно было нѣсколькихъ дней, чтобы мы съ Макаромъ сдѣлались друзьями. Жена же Макара была, очевидно, натурою менѣе экспансивной и болѣе сдержанной.

Сказать, что она была красавицей, это еще недостаточно. Она была рѣдкой красоты, достойной благородной расы сѣвера, сумѣвшей такъ хорошо сохранить древній славянскій типъ. Темно-каштановые волосы обрамляли ея мраморный лобъ. Черты интеллигентнаго лица поразительной правильности были полны той стойкой смѣлости, которая характеризуетъ женщинъ необычайной красоты. Глаза же поражали выраженіемъ дѣтской невинности. Судя по внѣшности, можно было сказать, что эта женщина еще не страдала.

Ихъ бракъ не былъ обыкновеннымъ банальнымъ бракомъ. Всего только годъ назадъ Надя жила еще у своихъ родителей въ отдаленной Вятской губерніи. Ея отецъ былъ священникъ; человѣкъ достаточно умный, даже образованный, онъ отличался упорнымъ характеромъ и крѣпко держался идей добраго стараго времени.

Надя, кончившая курсъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи, мечтала о продолженіи своего образованія, о независимой жизни и не хотѣла быть безполезной для человѣчества. Всѣ эти „глупости“ раздражали отца, который просто думалъ выдать свою дочь замужъ за какого-нибудь долговолосаго попа съ достаточно богатымъ приходомъ. Постоянныя столкновенія дочери съ отцомъ были тѣмъ ужаснѣе, что вся семья, кромѣ этой возмущавшейся Нади, трепетала передъ своимъ главою.

Надя жаловалась на свою печальную жизнь болѣе счастливымъ подругамъ, которымъ удалось уже вырваться и уѣхать въ Петербургъ, чтобы изучать тамъ медицину или какую-нибудь другую науку.

Нашъ добрый Макаръ, прослышавъ о молодой жертвѣ родительскаго деспотизма, былъ этимъ крайне возмущенъ и предложилъ свои услуги для ея спасенія.

Найти для этого способъ не представляло большой трудности; онъ заключался въ томъ, что въ Россіи называютъ фиктивнымъ бракомъ; такъ какъ подобнаго рода случаи бывали нерѣдко, то для выраженія этого понятія уже былъ изобрѣтенъ даже спеціальный терминъ.

Одна подруга Нади написала ей обо всемъ подробно, и Надя чрезвычайно обрадовалась возможности вырваться изъ засасывающей провинціальной среды. Правда, ее нѣсколько безпокоила мысль, что, прибѣгая къ этому средству, она отчасти связывала себѣ руки на будущее время, еслибъ когда-нибудь ей вздумалось выйти замужъ серьезно; но, въ сущности, не было ли это только глупостью и предразсудкомъ? Словомъ, она согласилась на сдѣланное ей предложеніе съ благодарностью.

Что же касается до Макара, то съ его стороны это не было даже жертвою. Онъ оказывалъ только услугу, правда, довольно непріятную, потому что необходимо было ѣхать на край свѣта для освобожденія неизвѣстной ему дѣвицы и играть тамъ чрезвычайно глупую роль претендента на ея руку; но этотъ предполагаемый бракъ отнюдь не могъ его чѣмъ-нибудь связывать: вполнѣ понятно, что онъ никогда и впослѣдствіи не втюрится въ такую глупышку, которая могла бы потребовать отъ него офиціальнаго, церковнаго брака.

Итакъ, Макаръ отправился въ путь и скоро пріѣхалъ на родину своей невѣсты. Это былъ молодой человѣкъ, — быть можетъ, даже слишкомъ молодой, такъ какъ ему шелъ всего 21 годъ,—красивый, веселый, симпатичный, съ открытыми и пріятными манерами дворянина малоросса, при этомъ онъ имѣлъ довольно извѣстное имя и, хотя теперь не обладалъ уже какими-ни-

будь помѣстьями, но—и это когда-то у него было... Наконецъ, въ будущемъ у него рисовалась карьера, такъ какъ онъ былъ студентъ. Короче, такой женихъ былъ не дурнымъ женихомъ для какой-то п о п о в н ы.

Претенденту удалось завоевать симпатіи отца семейства и его предложеніе было принято.

Самая трудная сторона всего дѣла, разсказывалъ мнѣ, смѣясь, Макаръ, заключалась въ томъ, что сама невѣста была строга и дика, какъ чертъ. Ни малѣйшаго проявленія симпатіи, хотя по роли, выпавшей на ея долю, она должна была изображать страстно влюбленную! Вполнѣ довѣряясь Макару, Надя все-таки держалась на сторожѣ и леденила его своей холодностью.

Ни единаго поцѣлуя!

Разъ вечеромъ, прогуливаясь съ своей невѣстой по саду и съ жаромъ разъясняя ей утилитарную теорію Бентама, онъ замѣтилъ матушку невѣсты, подсматривавшую за ними изъ-за опущенныхъ оконныхъ занавѣсокъ. Тогда внезапно опять войдя въ роль влюбленнаго жениха, онъ началъ страстно цѣловать собственную руку, сдерживая смѣхъ и повторяя: „Ахъ! какъ я васъ люблю“!

Надя нахмурила брови.

— Вотъ-те на! замѣтилъ онъ, развѣ я не имѣю права цѣловать свою собственную руку?

— Пожалуйста перестаньте, я предпочитаю видѣть васъ серьезнымъ!

Бѣдная мать: она потомъ строго внушала Надѣ, въ виду ея явнаго легкомыслія и неблагоразумія, быть какъ можно осторожнѣе!

Начали праздновать свадьбу, поздравляли и чествовали молодыхъ, но Макаръ, продолжавшій играть роль безконечно счастливаго, не зналъ, какому святому молиться, чтобы поскорѣе окончилась вся эта комедія.

Дѣло въ томъ, что самъ онъ начиналъ чувствовать, что и его сердце въ этомъ опасномъ сосѣдствѣ съ красотою, въ соединеніи со всѣми очарованіями столь тонкаго ума и столь чистой души, мало-по-малу начало подаваться. Онъ долженъ былъ употреблять всѣ усилія воли, чтобы скрывать нарождающееся чувство, обнаруженіе котораго въ настоящихъ обстоятельствахъ могло показаться невѣстѣ настоящей измѣной.

Но и кромѣ этого жизнь становилась для него все болѣе и болѣе непріятной. Молодымъ супругамъ отвели одну комнату съ одной кроватью. Онъ долженъ былъ, такимъ образомъ, спать на полу, не упуская изъ виду ни малѣйшей предосторожности, чтобы родители не могли замѣтить такихъ странностей ихъ медоваго мѣсяца. При этомъ онъ не могъ даже и раздѣваться.

Время, которое онъ проводилъ съ глазу на глазъ со свой жёною, становилось для него часъ отъ часу тяжелѣе, такъ какъ она, еще болѣе строгая, чѣмъ раньше, едва лишь позволяла ему говорить съ собою.

Наконецъ, всѣ свадебныя торжества благополучно кончились, и молодые супруги отправились въ путь.

— Послушайте, мой другъ, сказала Макару его жена, какъ только ея отческій домъ скрылся изъ глазъ,—я должна поблагодарить васъ. Вы оказали мнѣ услугу, которую я, разумѣется, никогда не забуду. Кромѣ того, я должна признать, что вы оказались человѣкомъ очень ловкимъ и вполнѣ честнымъ. Но мы навсегда должны остаться чуждыми другъ другу. Я вѣрю, конечно, что и вы никогда не забудете этого и не буду скрывать отъ васъ моихъ дальнѣйшихъ намѣреній.

— Но я и не требую ничего большаго, объявилъ, обидѣвшись, молодой супругъ.

Положительно такой избытокъ предосторожности превышаетъ всякую мѣру! Зачѣмъ эти призывы къ порядку, когда никто не думаетъ его нарушать? Вотъ награда за всѣ усилія, которыя онъ употреблялъ, чтобы скрыть свои истинныя ощущенія! Макаръ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ молодые люди немедленно разстались.

Онъ старался забыть свою жену, предавшись съ удвоеннымъ рвеніемъ дѣлу, т. е. своимъ рабочимъ, своему кружку.

Надя отправилась въ провинцію, гдѣ она нашла мѣсто школьной учительницы.

Черезъ три или четыре мѣсяца она получила письмо отъ своего мужа. Онъ увѣдомлялъ ее, что одновременно онъ нашелъ необходимымъ послать ея родителямъ ложное извѣстіе о несчастныхъ родахъ Нади.

Надя отвѣчала, что это было придумано недурно.

Прошло еще шесть мѣсяцевъ. Макаръ долженъ былъ отправиться куда-то съ опредѣленнымъ порученіемъ отъ своего кружка. Его путь лежалъ недалеко отъ мѣста жительства его жены, и имъ овладѣло страстное желаніе повидаться съ нею. Постоянно упрекая себя въ слабости и легкомыслiи, онъ все же нѣсколько измѣнилъ свой маршрутъ и сдѣлалъ крюкъ, чтобы проѣхать черезъ деревню, въ которой жила Надя. Онъ ожидалъ суровой встрѣчи съ удивленной и строгой миной, быть можетъ, даже съ упреками.

На самомъ же дѣлѣ онъ былъ принятъ въ высшей степени дружелюбно.

Смущенная, но радостная Надя разсказывала ему о своихъ впечатлѣніяхъ, полученныхъ отъ жизни въ деревнѣ, показывала ему свою школу, хотѣла, чтобы онъ въ свою очередь узналъ ея знакомства въ деревнѣ среди крестьянъ и пр.

Удивленный и очарованный Макаръ остался въ деревнѣ день, потомъ другой, потомъ третiй. На этотъ разъ онъ вооружился всѣмъ своимъ хладнокровiемъ, чтобы не испугать чѣмъ-нибудь снова свою „супругу“, какъ это было у нея на родинѣ, и тѣмъ не потерять ея благорасположенія.

Пришло, наконецъ, время ѣхать дальше. Надя опечалилась. На другой день, вздрагивая и плача, она объявила ему, что она его любитъ, что она не можетъ жить безъ него.

Удивительная вещь это женское сердце!

Очень можетъ быть, что уже она любила Макара въ домѣ своихъ родителей, когда дѣлала ему выговоръ и просила быть посерьезнѣе!

Какъ бы то ни было, съ этихъ поръ они поселились вмѣстѣ, всегда неизбѣжно нѣжные и застѣнчивые, какъ два голубка. Это чувство впослѣдствiи пережило долгiе годы разлуки, безчисленное множество испытанiй и страданiй...

* * *

Начался перiодъ дождей, когда я поселился у Макара. Наше предмѣстье было отдѣлено отъ Петербурга

нѣсколькими верстами чрезвычайно грязной дороги, по которой намъ приходилось ходить только пѣшкомъ. Насъ посѣщали поэтому не очень часто, и мы въ свою очередь ходили въ городъ только изрѣдка. Наше обычное общество составляли только рабочіе.

Колонія наша состояла изъ пяти человѣкъ; двое товарищей занимали отдѣльную квартиру недалеко отъ нашей и мы видѣлись съ ними ежедневно. Такимъ образомъ, мы не составляли одной семьи, но и не были гостями другъ у друга и потому не могли доставить себѣ большого развлеченія. Однако же наша изолированная жизнь не была скучна. Всегда занятые, всегда за работой, въ движеніи, мы не замѣчали, какъ проходили часы.

Утромъ мы вставали рано. Было уже достаточно холодно, чтобы не озаботиться своевременно о самоварѣ. Я лично прежде всего долженъ былъ подумать о томъ, чтобы поскорѣе убрать со стола, на которомъ я спалъ, свою постель.

Если у насъ кто-нибудь оставался ночевать я часто уступалъ занимаемый мною второй этажъ, а самъ устраивался, какъ мы говорили, въ нижнемъ этажѣ, т. е. подъ столомъ; мѣсто занимаемое столомъ было лучше другихъ защищено отъ сквозного вѣтра. Спать подъ нимъ было удобно, но зато здѣсь всегда лежала кучами грязь, которую ежедневно натаскивали сюда десятки грубыхъ сапогъ.

На томъ же столѣ мы пили чай и обѣдали.

Послѣ чая являлась необходимость болѣе или менѣе подмести полъ, а отъ времени до времени мы даже мыли его. Потомъ слѣдовало подготовиться къ вечеру, когда, обыкновенно, являлись рабочіе. Необходимо было приготовить заранѣе кой-какіе простые физическіе аппараты или какіе-нибудь небольшіе химическіе опыты и т. д.

Кромѣ того я посвящалъ тогда много времени литературнымъ работамъ. Мнѣ казалось, что я могъ писать для народа, поэтому я внимательно изучалъ языкъ рабочаго люда, приготовлялъ небольшіе разсказцы, которые тутъ же потомъ и читалъ. Слѣдя за впечатлѣніями, отражавшимися на моихъ слушателяхъ, я дѣлалъ въ своей тетрад-

кѣ замѣтки и поправки, старался уловить тонъ народнаго говора. Макаръ и его жена много времени посвящали своему образованію. Все это не было простымъ времяпровожденіемъ, а представляло изъ себя для насъ дѣло большого и серьезнаго интереса. Чаще всего они читали вмѣстѣ и я охотно и съ жаромъ принималъ участіе въ обсужденіи съ ними всякихъ научныхъ и соціальныхъ вопросовъ. Наши товарищи изъ другой квартиры и наши гости также присутствовали при этихъ диспутахъ, которымъ мы придавали очень большое значеніе.

Иногда мы читали что-нибудь вмѣстѣ и вслухъ, напримѣръ, соціалистическую газету „Впередъ“, которая выходила заграницей. Время отъ времени мы должны были являться на засѣданія нашего кружка въ Петербургѣ. Эти засѣданія также имѣли для насъ огромную важность, такъ какъ тамъ составлялась программа кружка. До этого времени не существовало еще никакой сколько-нибудь обязательной программы. Мы не имѣли никакого статута, который регламентировалъ бы нашу организацію и наши взаимныя отношенія. Мы просто составляли кружокъ друзей, симпатизировавшихъ другъ другу и случайно занимавшихся, соотвѣтственно своимъ склонностямъ, почти однимъ и тѣмъ же, и отнюдь не представляли изъ себя какого-нибудь тайнаго общества.

Такое положеніе вещей до сихъ поръ удовлетворяло всѣхъ, такъ какъ каждый изъ насъ скорѣе былъ занятъ своимъ личнымъ совершенствованіемъ, чѣмъ какимъ-либо политическимъ дѣломъ. Если мы и занимались пропагандою, то и это было скорѣе случайностью, результатомъ личнаго нашего желанія, чѣмъ какимъ-либо обязательствомъ. О б я з а т е л ь с т в о! Одно только это слово само по себѣ уже возбуждало въ то время всеобщее отвращеніе!

Тѣмъ не менѣе нашъ кружокъ однажды исключилъ изъ своего состава одного члена (человѣка, впрочемъ, выдающагося), который имѣлъ несчастіе поухаживать за одной молодой барышней, не порвавъ еще старой связи, на что у него не хватало силы. Боже мой! сколько порицанія возбудила противъ себя такая б е з н р а в с т в е н н о с т ь!

Другому члену рѣшеніемъ кружка было предложено остаться съ рабочими, съ которыми онъ до этого времени занимался, тогда какъ ему хотѣлось уйти въ иное мѣсто. Онъ вынужденъ былъ остаться вопреки своему желанію, и кружокъ не уступилъ ни іоты изъ своего требованія.

Эти примѣры прекрасно рисуютъ общее настроеніе нашего кружка. Дружескія отношенія, связывавшія его, оказывались достаточными и для управленія имъ.

Но времена мѣнялись, кружокъ расширялся, и одной только дружбы, какъ связующаго элемента, становилось недостаточно, главнымъ образомъ, благодаря многочисленности и разбросанности его членовъ. Цѣли чисто политическаго характера обрисовывались болѣе и болѣе ясно во всей ихъ безпредѣльности и скоро стало необходимымъ составить и редактировать статуты.

Этотъ вопросъ о конституціи повлекъ за собою многочисленные диспуты въ предмѣстьяхъ, и мы должны были не мало воевать по этому поводу въ нашей ш т а б ъ - к в а р т и р ѣ, какъ мы шутя называли наше обиталище. Программа будущей конституціи была составлена въ духѣ крайняго анархизма. Анархія въ то время была совершенно свѣжею новостью и имѣла огромный успѣхъ. Но были ли мы на самомъ дѣлѣ анархистами? Я не скажу этого. Для меня ясно только, что безпредѣльныя проблемы и формулы анархизма прекрасно согласовались съ неопредѣленностью и колебаніемъ нашихъ чисто п о л и т и ч е с к и х ъ идей.

Однако-жъ среди насъ было нѣсколько дѣйствительно убѣжденныхъ анархистовъ; другіе же довольствовались не вполнѣ ясными мечтаніями о будущемъ, объ абсолютной свободѣ, о безграничномъ братствѣ, о всеобщемъ счастіи. Но это была еще далеко не программа, это была скорѣе мечта, замѣнявшая для насъ утраченную вѣру въ б у д у щ у ю ж и з н ь.

Что касается до настоящей программы, то, по правдѣ сказать, у насъ ея не существовало вовсе, составить ее было не легко, и даже когда она была уже написана, мы долго продолжали еще обсуждать ее и дополнять. Само собою разумѣется, я говорю только о большинствѣ.

Но возвратимся къ нашему предмѣстью.

Обѣдъ не отнималъ у насъ много времени, тѣмъ

болѣе, что частенько его не было вовсе, и мы довольствовались селедкой, кислой капустой, рѣдькой... Послѣдней мы пользовались особенно часто и въ большомъ количествѣ. Иногда мы доставали студень, который тогда, сдобренный уксусомъ, составлялъ весь нашъ обѣдъ вмѣстѣ съ достаточнымъ количествомъ хлѣба. Чаще всего все-таки мы себѣ что-нибудь приготовляли, напримѣръ, яичницу, супъ, макароны; вина или чего-либо другого изъ спиртныхъ напитковъ мы никогда не пили, но чай зато бывалъ у насъ въ теченіе дня по нѣскольку разъ. Хозяйствомъ и кухней занимались всегда мужчины. Надя ничего не понимала въ этой области и если начинала, напримѣръ, мести комнаты, мы всегда поднимали крикъ, потому что, страшно близорукая и разсѣянная, она всегда выбрасывала въ огонь или въ помойницу наши бумаги, замѣтки, табакъ — словомъ все, что имѣло несчастіе попасть ей подъ руку. Вечеромъ приходили рабочіе. Для нихъ, какъ и для меня, это наступалъ часъ урока—вѣдь я явился сюда съ цѣлью изучить искусство и пріемы пропаганды.

Задача пропагандиста тогда раздѣлялась на двѣ части. Прежде всего нужно было найти рабочихъ, т.-е. завести съ ними знакомства. Въ томъ случаѣ, если этихъ знакомствъ еще не имѣлось, задача представляла не мало трудностей, такъ какъ предстояло выискивать разнообразныя случайности, пригодныя для этой цѣли, а это было не легко. Кабачки и трактиры были для этого не вполнѣ пригодны, такъ какъ здѣсь собираются обыкновенно далеко не самые лучшіе элементы рабочаго класса, и при томъ знакомства, пріобрѣтенныя здѣсь, обыкновенно бываютъ мимолетны и не позволяютъ сколько-нибудь серьезно изучить человѣка. Предпочтительнѣе было искать знакомствъ путемъ рекомендаціи со стороны уже извѣстныхъ намъ рабочихъ либо на родинѣ, либо въ какомъ-нибудь другомъ городѣ. Чтобы пріобрѣсти знакомства среди рабочихъ въ Москвѣ, напримѣръ, брали рекомендаціи въ Петербургѣ, гдѣ недостатка въ этомъ быть не могло, такъ какъ пропаганда предшествовавшихъ лѣтъ уже установила здѣсь прочныя отношенія между классомъ образованныхъ людей и рабочими.

Въ Петербургѣ нашъ кружокъ имѣлъ подъ своимъ

вліяніемъ уже сотни рабочихъ, но этого было еще недостаточно; нѣкоторые изъ нашихъ товарищей помѣстились уже на различныхъ фабрикахъ, какъ простые рабочіе, чтобы расширить сношенія съ послѣдними.

Въ нашемъ рабочемъ предмѣстьѣ подъ нашимъ вліяніемъ рабочихъ было сколько угодно, и однако-жъ нетерпѣливый Макаръ этимъ не довольствовался и продолжалъ снова и снова подыскивать ихъ. Человѣкъ чрезвычайно общительный, онъ обладалъ секретомъ внушать каждому симпатію и довѣріе съ перваго же момента. Знакомства у него завязывались очень легко. Иногда въ жаждѣ пріобрѣтенія новыхъ прозелитовъ онъ доходилъ до неблагоразумія. Такъ, напримѣръ, онъ очень долго и безъ успѣха пытался проникнуть на одну изъ фабрикъ и напрасно подыскивалъ для этого соотвѣтственныхъ рекомендацій.

— Чего я буду еще ждать?—подумалъ онъ однажды въ нетерпѣніи и, забравши нѣсколько экземпляровъ нелегальныхъ книжекъ, не долго думая, отправился на эту фабрику. Рабочіе жили здѣсь въ особыхъ казармахъ, принадлежавшихъ фабриканту, были всегда подъ надзоромъ и вели жизнь строго регламентированную. Послѣ 8 или 9 часовъ, не помню точно, дверь по обыкновенію была уже заперта. Макаръ позвонилъ.

— Что тебѣ надо?—спросилъ его дворникъ.

— Повидаться съ землякомъ.

— Слишкомъ поздно, теперь не пускаютъ.

Этотъ землякъ былъ одинъ рабочій, котораго Макаръ зналъ только по имени и не имѣлъ къ нему никакой рекомендаціи. Тѣмъ не менѣе онъ просилъ дворника впустить его въ казарму.

— Я цѣлый день на работѣ и могу притти повидаться только вечеромъ, убѣждалъ онъ.

Дворникъ долго оставался непреклоннымъ, а Макаръ сердился и ругалъ его, пока не удалось, наконецъ, побѣдить его упорство и пока онъ не ввелъ его въ помѣщеніе рабочихъ.

— Ей, такой-то!—крикнулъ онъ, къ тебѣ пришелъ твой землякъ.

Дворникъ возвратился на свое мѣсто, а Макаръ прошелъ къ рабочимъ въ довольно обширную залу, об-

ставленную простыми досками, помѣщенными на деревянныхъ подпоркахъ и замѣнявшими для рабочихъ кровати. Рабочіе уже собирались спать и стлали на нарахъ свои мѣшки и тряпки, замѣняющіе имъ матрацы. Добрая сотня ихъ шумѣла въ этой комнатѣ, едва освѣщаемой небольшими огарками свѣчъ, зажженными тамъ и сямъ самими же рабочими. Атмосфера была ужасная.

Землякъ прибѣжалъ живо,—всегда вѣдь, радуешься при встрѣчѣ съ человѣкомъ изъ своихъ мѣстъ. Макаръ разочаровалъ его и очень удивилъ.

Онъ вынужденъ былъ объяснить, что землякъ-то собственно не онъ, но что онъ хорошо зналъ многихъ его земляковъ и кромѣ того онъ очень интересуется жизнью рабочихъ, что, однимъ словомъ, онъ желаетъ съ нимъ познакомиться.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ положеніе было довольно глупое. Удивленные рабочіе, не зная что и подумать о немъ, окружили нашего друга. Макаръ же не смутился.

— Я школьный учитель, но безъ мѣста,—объяснялъ онъ. Теперь я даю уроки, и уже много рабочихъ научились у меня читать и писать.

Это объясненіе значительно сгладило трудность положенія. Очевидно было, что этотъ странный человѣкъ добывалъ свой хлѣбъ собственнымъ трудомъ и потому-то, вѣроятно, искалъ знакомства среди рабочихъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Макаръ уже чувствовалъ себя прекрасно и бесѣдовалъ съ рабочими самымъ дружескимъ образомъ.

Это смѣлое приключеніе могло бы и закончиться на этомъ. Но почти всѣ рабочіе казались такими симпатичными Макару, что онъ совсѣмъ забылся. Сперва онъ поднялъ щекотливый вопросъ о заработкѣ, о хозяевахъ и кончилъ тѣмъ, что вытащилъ изъ кармана свои книжки и принялся читать ихъ и объяснять.

— Да вѣдь на васъ завтра же донесутъ, — вскричалъ я, когда онъ мнѣ разсказалъ о всемъ происшедшемъ.

— Да, это было-таки непредусмотрительно. Но что же дѣлать? рано или поздно и гдѣ-нибудь да донесутъ же на меня! Но это вышло глуповато!..

Таковъ былъ этотъ очень способный, но мало осторожный человѣкъ. Это, однако, не мѣшало ему быть чрезвычайно ловкимъ пропагандистомъ.

Разъ знакомства съ рабочими были установлены, пропаганда была уже дѣломъ очень простымъ. Это просто-напросто были курсы для взрослыхъ. Предлагали рабочимъ научить ихъ читать и писать, на что каждый рабочій охотно соглашался. Но какимъ образомъ и ради чего давались уроки даромъ? Этотъ вопросъ неизбѣжно долженъ былъ удивлять каждаго и вынуждалъ насъ давать нашимъ ученикамъ объясненія или неопредѣленныя, туманныя, или же, подчасъ, вполнѣ ясныя.

Если рабочій былъ хорошо знакомъ и не внушалъ никакихъ подозрѣній, ему откровенно говорили: ложь и несправедливость царствуютъ въ мірѣ и такой порядокъ вещей окончится лишь тогда, когда народъ будетъ достаточно образованъ и сможетъ самъ управлять собою; мы же только стремимся помочь такому преобразованію.

Если рабочій былъ сомнителенъ, ему говорили кратко, что мы желаемъ быть полезными народу и потому посвящаемъ ему наше свободное время.

Я съ удовольствіемъ вспоминаю эти вечера. Нашъ столъ посреди комнаты освѣщался двумя или тремя керосиновыми лампами; до пятнадцати человѣкъ рабочихъ усаживались вокругъ него на стульяхъ, ящикахъ или полѣньяхъ; нѣсколько человѣкъ оставались въ другой комнатѣ. Ихъ верхнее платье, брошенное на полу, загромождало уголъ комнаты въ видѣ большой кучи. Рабочіе брали у насъ всевозможные уроки; одни только начинали учиться читать и писать, другіе были поглощены рѣшеніемъ математическихъ задачъ. Мы—профессора—не имѣли ни минуты отдыха. Одни изъ нашихъ учениковъ не знали ровно ничего; другіе умѣли читать, но не могли ничего понять изъ прочитаннаго, третьи умѣли читать, но не имѣли никакого понятія въ ариѳметикѣ; нѣкоторые желали изучать географію, и т. д. Намъ приходилось, такимъ образомъ, давать разомъ нѣсколько уроковъ. Я, напримѣръ, диктовалъ ариѳметическую задачу одному рабочему и въ то же время, пока онъ рѣшалъ ее, показывалъ буквы другому. Затѣмъ я

выбиралъ такого, который умѣлъ уже читать, и заставлялъ его слѣдить за этимъ вторымъ урокомъ. Направивъ такимъ образомъ занятія первыхъ, я обращался къ новымъ и объяснялъ имъ географическую карту, и т. д. Говоря правду, руководилъ этими занятіями Макаръ, а я былъ только его ассистентомъ, хотя и самъ я былъ достаточно опытнымъ педагогомъ.

Я долженъ сказать вполнѣ искренно, что у меня никогда не было учениковъ такихъ старательныхъ, какъ эти рабочіе! Трудились они много и охотно, заниматься съ ними было истиннымъ наслажденіемъ. Интересовало ихъ рѣшительно все.

— Ну, вскричалъ одинъ, послѣ того, какъ внимательно выслушалъ мое объясненіе о пропорціяхъ, значитъ можно сосчитать, сколько нужно сдѣлать шаговъ, чтобы пройти изъ нашей деревни до Питера?

Онъ положительно былъ счастливъ отъ своего открытія и тутъ же началъ свои исчисленія, а спустя нѣсколько минутъ торжественно объявилъ аудиторіи:

— Чтобы пройти отъ насъ до Питера, нужно передвинуть ногами столько-то милліоновъ разъ.

— Въ деревнѣ этому не повѣрятъ, скажутъ „какъ это можно узнать?“ Никто-бы и не захотѣлъ считать шаговъ, да и нѣтъ на это времени: въ дорогѣ есть о чемъ подумать и помимо того.

Я вызвалъ всеобщій энтузіазмъ, вычисливъ высоту комнаты посредствомъ геометрическаго построенія.

Пользуясь аналогичными случаями, мы объясняли нашей аудиторіи, какимъ образомъ измѣряютъ, напр., разстояніе между землей и солнцемъ, и пр.

По поводу нашихъ физическихъ и химическихъ опытовъ насъ всегда спрашивали о чертяхъ и о тысячѣ фантастическихъ существъ, населяющихъ поля и лѣса.

— Значитъ, блуждающіе огни это есть явленіе фосфоресценціи?

— Значитъ, лѣшій,—это не больше, какъ наша тѣнь, или нѣчто похожее на тѣни волшебнаго фонаря?

Мы объясняли; аудиторія вся цѣликомъ бросала свои карандаши и перья. Говорили о чудесахъ, о святыхъ, и т. д.

Наши уроки не отличались систематичностью, но они

упражняли умственныя способности учениковъ, которые въ общемъ дѣлали большіе успѣхи; каждый изъ нихъ помогалъ слабѣйшему, и это дѣлалось тѣмъ легче, что мы снабжали ихъ книгами съ соотвѣтственными указаніями, гдѣ нужно искать свѣдѣній для освѣщенія того или иного вопроса.

Но всѣмъ этимъ нашимъ ученикамъ нужно было работать на фабрикѣ отъ 12 до 14 часовъ въ сутки!

Послѣ одного или двухчасового урока видно было уже, насколько утомилась вся аудиторія. Время отъ времени раздавалось такое замѣчаніе:

— Обождите минутку—нужно мозги почистить.

Это значило, что ученикъ хотѣлъ закурить папиросу. Тогда Макаръ предлагалъ чаю и начиналъ бесѣды общаго характера или предлагалъ что-нибудь прочесть. Нерѣдко и сами рабочіе просили его объ этомъ.

— Ну, Макаръ, прочти-ка намъ что-нибудь... Мы немного притомились.

Макаръ читалъ очень хорошо, особенно юмористическія вещи, и слушатели покатывались отъ смѣха. Иногда онъ выбиралъ отрывки изъ жизни рабочихъ и крестьянъ, часто читались политическія статьи изъ газетъ, какіе-нибудь разсказы, и пр.

Книгъ чисто революціоннаго содержанія, мнѣ кажется, мы никогда не читали рабочимъ. Да это было бы и безполезно, такъ какъ и чисто литературное чтеніе всегда давало поводъ и мѣсто для самыхъ воодушевленныхъ бесѣдъ, которыя волей неволей приводили къ чисто-политическимъ и соціальнымъ вопросамъ, какъ положеніе народа, женщины, обязанности дѣтей и родителей, арміи, министровъ, и пр.

Я полагаю, ни для кого не будетъ удивительнымъ, если я скажу, что вызывать рабочихъ на эти разговоры не представлялось никакой надобности; совершенно напротивъ, именно они сами и приводили своего собесѣдника къ вопросамъ чисто соціальнымъ и политическимъ. Но мы тогда уже ничѣмъ не смущались, говорили вполнѣ откровенно обо всемъ, включая и вопросъ о революціи. Мы говорили даже о надзорѣ и преслѣдованіи, которымъ подвергаются люди, посвятившіе себя просвѣщенію народа; мы предупреждали рабочихъ, что и сами

мы когда-нибудь внезапно подвергнемся обыску, быть можетъ, будемъ арестованы, и что даже ихъ самихъ могутъ также арестовать.

Уже совсѣмъ поздно вечеромъ рабочіе расходились, пожимая намъ руки и благодаря насъ. Утомленнымъ, но довольнымъ, намъ оставалось только приготовить свои постели и крѣпко уснуть.

* * *

Я могу сказать, что позднѣе, когда настало время преслѣдованія, наши рабочіе показали себя людьми вполнѣ достойными. Правда, они не могли быть настолько ловкими, чтобы противустоять всѣмъ хитростямъ допросовъ, но между ними не оказалось ни одного, котораго можно было бы назвать безчестнымъ или измѣнникомъ.

Были ли они убѣжденными соціалистами и революціонерами? Конечно, нѣтъ.

Среди цѣлыхъ сотенъ рабочихъ, находившихся подъ вліяніемъ пропаганды нашего кружка, развѣ небольшое число, всего какихъ-нибудь 20 человѣкъ сдѣлались дѣйствительно убѣжденными соціалистами. Это были рабочіе очень образованные, которые слушали курсы политической экономіи, организованные нашимъ кружкомъ, которые очень много читали, которымъ удалось сдѣлаться почти равными намъ по образованію. Общая же масса была только затронута, такъ сказать, пробуждена.

Ихъ умъ, спавшій до тѣхъ поръ, началъ работать, думать, критиковать. И это было началомъ того движенія, о которое разбивались всѣ преслѣдованія послѣдующихъ лѣтъ, движеніе всеобщаго пробужденія, постоянно возраставшее, даже независимо отъ тайныхъ двигателей, и создавшее въ концѣ концовъ рабочую революціонную массу.

Увѣряютъ, что Халтуринъ, этотъ энергичный организаторъ рабочаго класса, этотъ вполнѣ установившійся революціонеръ, произведшій взрывъ въ зимнемъ дворцѣ, вышелъ изъ нашего предмѣстья, что онъ зналъ насъ и испытывалъ на себѣ нѣкогда наше вліяніе. Но въ то

время онъ былъ настолько незначителенъ и незамѣтенъ, что я не могу даже припомнить его имени.

Говоря исключительно по личному опыту и какъ очевидецъ, я могу сказать, что у насъ, въ нашемъ предмѣстьѣ, пропагандисты не старались во что бы то ни стало ни отстранить отъ своихъ воспитанниковъ соціалистическія теоріи, ни навязывать ихъ. Мы только не скрывали собственныхъ убѣжденій, но были всегда очень снисходительны къ возраженіямъ и сомнѣніямъ слушателей. Мы старались всегда заинтересовать рабочихъ соціальными проблемами, внушали имъ, что люди могутъ (до извѣстной степени) управлять соціальными явленіями по ихъ собственному усмотрѣнію.

Несправедливость современнаго строя въ Россіи для нихъ была даже яснѣе, чѣмъ для насъ. Но каковы же были средства выйти изъ этого положенія?

Мы часто говорили о царѣ; рабочіе сами начинали эти разговоры, такъ какъ они достаточно долго уже жили въ Петербургѣ, чтобы знать о царѣ многое, не очень лестное для него. Крестьянская точка зрѣнія, что царь всегда стоитъ за народъ, исчезала у нихъ очень скоро. Они сами разсказывали нѣсколько случаевъ о несчастныхъ ходокахъ, посылавшихся ихъ земляками къ царю съ жалобами на разныя несправедливости. Никогда царь не обращалъ на нихъ вниманія, и судьба этихъ ходоковъ всегда бывала очень плачевна.

— Говорятъ, что дворяне мѣшаютъ царю притти къ намъ на помощь, замѣчали рабочіе. Но вѣдь около него всегда есть стража; если-бы онъ сказалъ только одно слово солдатамъ, они сумѣли бы помочь ему противъ дворянъ и офицеровъ.

— А если царь вовсе не стоитъ за народъ, что же тогда дѣлать? Развѣ революцію?

— Знаешь ли, говорили мы однажды Ефиму, одному изъ нашихъ рабочихъ, знаешь ли ты, что революція—это дѣло очень трудное. Нашъ народъ ненавидитъ администрацію и полицію, но онъ и боится ихъ.

— По моему мнѣнію, сказалъ онъ ироническимъ тономъ, есть только одинъ способъ произвести революцію: въ одинъ прекрасный день надо забрать всѣ кабаки и открыть ихъ народу безплатно. Это будетъ велико-

лѣпно! тогда всѣ наберутся храбрости и сумѣютъ сдѣлать все, что нужно...

Ефимъ былъ веселый малый, полный силы; онъ только что начиналъ читать, но былъ очень уменъ. Нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе онъ умеръ. Это произошло уже въ годину преслѣдованій, и всѣ мы были въ тюрьмѣ; онъ также былъ арестованъ и оставался въ тюрьмѣ до смерти. Его послѣднія слова товарищамъ, окружавшимъ его постель, были:

— Не оставляйте начатаго дѣла; это дѣло справедливое и святое,—берегите его.

Но какое же дѣло? Для рабочихъ въ этомъ отношеніи было нѣсколько пунктовъ вполнѣ опредѣленныхъ и ясныхъ. Прежде всего земля должна принадлежать крестьянамъ; нужно, чтобы правительство относилось по человѣчески къ народу; нужно, чтобы народъ былъ образованъ, просвѣщенъ. Тогда все пойдетъ хорошо, тогда не будетъ богатыхъ скупщиковъ, которые эксплуатируютъ рабочаго. Значитъ, нужно проповѣдовать народу истинные принципы справедливости, нужно просвѣтить его.

Все приводило насъ, въ концѣ концовъ, къ пропагандѣ.

Среди нашихъ рабочихъ-учениковъ былъ одинъ уже достаточно пожилой, лѣтъ около 40. Мы научили его читать. Онъ читалъ охотно и очень много. Съ виду это былъ совершенный мужикъ-крестьянинъ: очень скроменъ, слушалъ во сто разъ больше, чѣмъ говорилъ, потому что съ трудомъ находилъ нужныя выраженія, всегда былъ спокоенъ и флегматиченъ. Онъ никогда не выходилъ изъ себя, даже когда приходилось говорить о вещахъ самыхъ возмутительныхъ. Я не предполагалъ встрѣтить въ немъ человѣка съ установившимися убѣжденіями. И какъ же я былъ удивленъ впослѣдствіи, когда узналъ, что онъ арестованъ! Оказалось, что человѣкъ этотъ посвятилъ себя исключительно пропагандѣ. Послѣ ареста онъ вскорѣ былъ освобожденъ, но по выходѣ изъ тюрьмы снова занялся усиленной пропагандой, что опять привело его къ аресту, который на этотъ разъ окончился для него каторжными работами. Во время суда, съ привычнымъ ему спокойнымъ видомъ онъ объявилъ, что протестуетъ про-

тивъ исключительнаго суда и поэтому совершенно отказывается отвѣчать на вопросы судей.

Вмѣстѣ съ знаменитымъ Петромъ Алексѣевымъ это были единственные рабочіе, протестовавшіе на судѣ.

Революціонныя убѣжденія не всегда однако жъ такъ основательно вкоренялись въ умахъ нашихъ рабочихъ.

Былъ у насъ нашъ фаворитъ, нѣкто Филиппъ, очень молодой, большой энтузіастъ, всегда добивавшійся истины, справедливости, человѣкъ съ темпераментомъ истоваго мученика. Если онъ во что-нибудь вѣрилъ, то вѣрилъ безъ всякихъ оговорокъ. Раньше онъ былъ очень религіозенъ; теперь его вѣра была значительно подорвана, но въ извѣстной мѣрѣ онъ оставался все-таки вѣрующимъ. Мы, въ концѣ концовъ, были довольны этимъ обстоятельствомъ, такъ какъ оно рисовало его человѣкомъ не легкомысленнымъ, и, обучая его естественной исторіи, старались щадить свободу его совѣсти. Мы говорили ему:

— Мы не вѣримъ въ Бога, ты—вѣришь въ него. Это твое дѣло: вѣрь, если это тебѣ нравится. И послѣ этого мы никогда уже больше не поднимали подобныхъ разговоровъ. Что-же касается до пропаганды и даже революціи, Филиппъ былъ однимъ изъ нашихъ лучшихъ учениковъ. Какъ человѣкъ нетерпѣливый и страстный энтузіастъ, подчасъ онъ дѣлалъ не мало ошибокъ. Онъ протестовалъ противъ хозяевъ, противъ малѣйшей несправедливости, упрекалъ товарищей за излишнее терпѣніе и, несмотря на свою молодость, былъ лучшимъ пропагандистомъ на своей фабрикѣ. Когда его арестовали, онъ не пытался скрывать своихъ мнѣній. Передъ лицомъ слѣдствія онъ велъ себя, какъ человѣкъ убѣжденный и гордый своими убѣжденіями.

Въ Петербургѣ въ это время была одна высокопоставленная дама, очень умная, вѣрующая христіанка и большая филантропка. Она затрачивала не мало труда, чтобъ оказать какую-нибудь помощь политическимъ заключеннымъ, чтобы облегчить ихъ бѣдственное положеніе въ тюрьмѣ и въ то же время, чтобы обратить ихъ къ истинной вѣрѣ. Съ этой цѣлью она часто посѣщала заключенныхъ въ тюрьмахъ и между прочимъ видѣла Филиппа. Онъ мужественно защищалъ свои ре-

волюціонныя убѣжденія, но въ то же время призналъ себя вѣрующимъ...

— Не хотите ли вы, сказала она ему, чтобъ я доказала вамъ съ евангеліемъ въ рукахъ, что вы только грѣшникъ, который совсѣмъ забылъ божественные законы?

Филиппъ принялъ вызовъ.

Конечно, благотворительной дамѣ было не трудно доказать его грѣховность, и Филиппъ скоро былъ разбитъ.

Дѣло кончилось тѣмъ, что послѣ нѣкотораго размышленія онъ попросилъ вызвать себя на допросъ; тутъ онъ бросился въ ноги прокурору и молилъ о прощеніи за совершенныя имъ многочисленныя преступленія.

— Я долженъ быть наказанъ, объявилъ онъ, но я хочу помочь вамъ помѣшать распространенію зла.

И онъ далъ самыя подробныя показанія, выдалъ Макара, который былъ почти страстно привязанъ къ нему, разсказалъ все, что зналъ, все, что сдѣлалъ.

Несчастный! Мнѣ очень жаль, что я знаю лишь въ общихъ чертахъ, что сталось съ нимъ послѣ этого. Его, конечно, сейчасъ же выпустили на свободу, но сохранилъ ли онъ спокойствіе духа, совершивъ свой отвратительный долгъ, или впослѣдствіи его обуревали сомнѣнія? Я знаю только, что онъ умеръ вскорѣ послѣ этого въ своей деревнѣ.

Этотъ эпизодъ въ свое время сильно огорчилъ меня. Но жизнь пропагандиста бывала часто богата болѣе рѣзкими впечатлѣніями. Вѣдь Филиппъ, сдѣлавшись доносчикомъ, подчинялся все же своимъ, по существу все-таки честнымъ убѣжденіямъ.

Какъ описать, напримѣръ, то необычайно горькое чувство, которое испытываешь, сталкиваясь въ народной жизни съ проявленіями страшной грубости и дикости нравовъ? И какъ далеки эти сцены отъ того идеала, который тутъ же самъ проповѣдуешь этому народу!

Я помню: однажды къ намъ прибѣжалъ одинъ изъ нашихъ учениковъ, рабочій Никифоръ, лѣтъ 20—21. Въ описываемый моментъ онъ былъ ужасенъ: пьяный, окровавленный, въ разорванномъ тулупѣ, онъ тяжело опустился на стулъ.

Я былъ одинъ дома.

— Что такое съ вами?

Онъ задыхался.

— Подлецы... Негодяи!.. Я ихъ безпремѣнно зарѣжу!..

Онъ жилъ въ Петербургѣ со своимъ старшимъ братомъ въ артели земляковъ. Братъ, артельный с т а р о с т а, думалъ по своему исполнить свой долгъ по отношенію къ младшему брату, подвергая его строгому надзору. При этомъ, конечно, не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ прижималъ его и даже частенько оскорблялъ. Никифоръ особенно жаловался на то, что старшій братъ всегда удерживалъ его жалованье, выдавая ему только гроши на личныя потребности.

— У тебя все есть, что тебѣ нужно: пища, одежда, какого еще тебѣ лѣшаго! А намъ надо посылать деньги въ деревню за землю да для уплаты податей.

Никифоръ протестовалъ.

— Я ѣмъ—это правда; но лучшій кусокъ всегда беретъ онъ, да и наши общія деньги онъ тратитъ на свои личныя нужды.

Трудно сказать, кто изъ нихъ былъ правъ. Въ этотъ вечеръ Никифоръ, совершенно пьяный, дошелъ до того, что нанесъ оскорбленіе своему брату, который въ свою очередь раскричался на него и пообѣщалъ поколотить его. Никифоръ внѣ себя схватилъ ножъ и бросился на брата. Сбѣжалось нѣсколько товарищей — членовъ той же артели и, со старшимъ братомъ во главѣ, стали у ч и т ь п о р я д к у этого бунтовщика. Они такъ избили его, что онъ вырвался изъ ихъ рукъ окровавленный, съ разбитымъ лицомъ, оставивъ въ ихъ рукахъ нѣсколько клочьевъ своей одежды и прибѣжалъ ко мнѣ.

Качаясь на стулѣ, онъ плакалъ и, не переставая угрожать брату, обратился ко мнѣ:

— Скажите, развѣ я не правъ? Будьте нашимъ судьей... Вы мнѣ говорили, продолжалъ онъ, что нужно протестовать противъ эксплуататоровъ. Мой братъ это и есть настоящій эксплуататоръ! Онъ меня эксплуатируетъ, долженъ или нѣтъ я ему перерѣзать горло?

Съ пьянымъ человѣкомъ спорить невозможно.

— Нѣтъ, объясни мнѣ, я хочу знать, правъ ли я...

Онъ мой эксплуататоръ? Что я долженъ съ нимъ сдѣлать?

— Ну, ужъ если ты хочешь, ты ни въ какомъ случаѣ не правъ и не имѣешь права убивать брата.

— Какъ! Послѣ всего того, что онъ мнѣ сдѣлалъ?..

Онъ былъ изумленъ... И я чувствовалъ себя не особенно ловко.

Скоро Никифоръ заснулъ подъ столомъ, куда я свалилъ его, но я уже не могъ спать всю эту ночь. Эти братья, эксплуатирующіе другъ друга и готовые взаимно перерѣзать другъ другу горло; эта артель, поддерживающая порядокъ такимъ прекраснымъ и справедливымъ способомъ; этотъ бѣдный Никифоръ, такъ ловко перетолковывающій нашу пропаганду,—все это проходило передъ моими глазами и висѣло надо мною какимъ-то кошмаромъ.

Никифоръ ушелъ очень рано, прежде чѣмъ всѣ мы успѣли встать съ постели.

Нѣкоторое время послѣ этого онъ совсѣмъ не показывался намъ на глаза, и когда, наконецъ, пришелъ, былъ смущенъ и сконфуженъ, едва осмѣливался поднимать на меня глаза. На самомъ же дѣлѣ былъ ли онъ виноватъ настолько, насколько казался таковымъ?

II.

Арестъ.

11 ноября 1873 года я шелъ по Казарменной улицѣ къ Сергѣю, чтобы сообщить ему резолюцію нашего собранія по поводу организаціи спеціально рабочаго кружка. Сергѣй почему-то не могъ присутствовать на всѣхъ дебатахъ по поводу этого вопроса.

Преобладающее мнѣніе въ кружкѣ было, что русскіе рабочіе, даже самые лучшіе, слишкомъ мало развиты, слишкомъ мало подготовлены для серьезной организаціи. Таково именно было убѣжденіе тѣхъ изъ насъ, которые хорошо знали рабочихъ и которые въ общемъ были людьми практическими.

Въ кружкѣ было однако же два-три теоретика, которые держались обратнаго мнѣнія. Я примыкалъ къ нимъ.

— Это—рутина, удвоенная предубѣжденіемъ интеллигенціи, говорили мы и рѣшили сорвать рѣшеніе. Не помню, кто-то изъ насъ смѣло предложилъ принять въ нашъ кружокъ одного рабочаго... Это была уже революція. Всѣ кричали и подавали голосъ противъ предложенія и только двое изъ насъ поддерживали его.

Мы были разбиты, но нѣсколько успокоенные общимъ духомъ примиренія, характернымъ для нашего кружка, выставили болѣе умѣренное предложеніе: организовать смѣшанную группу, составленную частію изъ рабочихъ, частію изъ интеллигенціи. Эта группа должна была стоять, такъ сказать, въ федеративныхъ отношеніяхъ къ нашему кружку, говоря жаргономъ того времени.

Нашъ проектъ встрѣтилъ опять не малую оппозицію, но все же меньшую и, какъ бы то ни было, былъ принятъ. Скептики волей неволей должны были примириться съ состоявшимся рѣшеніемъ и только говорили:

— Ну, поживемъ—увидимъ, не поведетъ ли это къ дурнымъ послѣдствіямъ.

Именно это окончательное рѣшеніе я шелъ сообщить Сергѣю, который былъ избранъ въ составъ создающейся группы.

Давно уже мнѣ не приходилось бывать на Петербургской сторонѣ, и я шелъ туда сегодня съ тяжелымъ чувствомъ, какое я начиналъ испытывать довольно часто. Я чувствовалъ безсознательно, что мы были наканунѣ очень тяжелыхъ испытаній. Прежде всего, чѣмъ болѣе серьезно и рѣшительно начиналъ дѣйствовать нашъ кружокъ, тѣмъ больше въ немъ проявлялось несогласій и столкновеній противоположныхъ мнѣній. Какъ долго при такихъ условіяхъ можемъ мы держаться вмѣстѣ? Эта мысль была для меня очень тяжела, потому что дружба самая искренняя соединяла меня именно съ тѣми лицами, чьи мнѣнія теперь расходились съ моими, чьи принципы болѣе не согласовались съ моими принципами.

Съ другой стороны, и полиція тамъ и сямъ выказывала по отношенію къ намъ нѣкоторые признаки вра-

ждебности, и это служило явнымъ доказательствомъ, что наши дѣйствія болѣе или менѣе открыты. Нѣкоторые изъ насъ были уже арестованы. Николай, мой ближайшій другъ въ нашемъ кружкѣ, разыскивался съ такимъ усердіемъ, что обыскивались цѣлыя улицы въ студенческомъ кварталѣ, гдѣ предполагали, что онъ скрывается. Кравчинскій также долженъ былъ скрыться, благодаря арестамъ, произведеннымъ въ артиллерійской школѣ, гдѣ нашли слѣды его пропаганды. Леонидъ *), тоже разыскиваемый, нашелъ необходимымъ измѣнить свою физіономію и побриться.

Я зналъ, что и меня также искали.

Въ провинціи тѣмъ временемъ уже было произведено нѣсколько арестовъ.

Въ Казарменной улицѣ наши товарищи часто выслѣживались шпіонами вплоть до нашей штабъ-квартиры. Обыскъ казался намъ столь вѣроятнымъ, что мы были вынуждены изобрѣсти особый знакъ безопасности, присутствіе котораго должно быть констатировано каждымъ посѣтителемъ, прежде чѣмъ войти въ квартиру. О такомъ знакѣ я услышалъ тогда впервые въ моей жизни.

Приближающаяся буря волновала почти такъ же, какъ волновала бы уже разразившаяся. Въ иныя минуты, недовольный собою, я чувствовалъ, что чего-то побаиваюсь. Эти минуты, правда, проходили быстро, но на душѣ всегда оставалось какое-то предчувствіе угрожающей бѣды. Я, какъ очень многіе, былъ полонъ наслѣдственнаго предразсудка русскаго общества, которое считаетъ свое правительство всемогущимъ, и торжество моихъ идей представлялось мнѣ только въ отдаленномъ будущемъ, на много лѣтъ позднѣе нашей неизбѣжной гибели. Для насъ лично дѣло состояло не въ окончательной побѣдѣ, а въ болѣе или менѣе продолжительномъ противодѣйствіи нашимъ врагамъ.

Эти мысли и страхи копошились въ глубинѣ моей души, когда я пробирался по снѣжнымъ кучамъ, нагроможденнымъ на пустынныхъ улицахъ Петербургской стороны.

---

*) Леонидъ Шишко.

Было уже очень холодно: мои грубые, разорванны сапоги и изношенное пальто очень плохо защищали мен отъ пронзительнаго вѣтра. Нужно было перейти Неву, к въ этотъ день впервые было разрѣшено ходить по льду Ледяной вечерній холодъ пробиралъ меня и моего спут ника Леонида вплоть до костей.

Бесѣда съ Леонидомъ развлекала меня. Не знаю былъ ли онъ въ дѣйствительности бо́льшимъ скепти комъ, чѣмъ я, но, во всякомъ случаѣ, онъ всегда шутилъ и зубоскалилъ.

Когда мы проходили по сосѣдству съ Третьимъ Отдѣленіемъ, онъ мнѣ сказалъ:

— Не хотите ли сдѣлать визитъ M-lle Marie? Еще не поздно...

M-lle, нашъ сочленъ по кружку, въ самомъ дѣлѣ жила въ Третьемъ Отдѣленіи, такъ какъ была арестована уже нѣсколько дней.

Позднѣе я вспомнилъ про эту забавную и пророческую шутку.

На этомъ мы разстались съ Леонидомъ; онъ пошелъ на одинъ край свѣта, я—на другой.

Рабочее предмѣстье, къ которому я направлялся, было поистинѣ краемъ свѣта. Послѣ необычайно утомительнаго и долгаго пути въ нѣсколько верстъ, я, наконецъ, добрался до цѣли. Чѣмъ болѣе я подвигался впередъ, тѣмъ болѣе возрастало мое безпокойство. Эти хорошо извѣстныя мнѣ мѣста, толпа рабочихъ, входившихъ и выходившихъ изъ кабаковъ,—все указывало мнѣ на крайнее неблагоразуміе моего путешествія. Меня искали, а я шелъ въ эту часть города, гдѣ сотни рабочихъ, дюжина кабаковъ—мѣсто нашихъ свиданій съ рабочими—слишкомъ хорошо знали меня. Тѣмъ не менѣе было поздно, надо было двигаться впередъ.

Сергѣй жилъ на старой квартирѣ въ настоящей крестьянской избѣ; двѣ комнаты, раздѣленныя перегородкой, деревянныя бревенчатыя стѣны, покрытыя обрывками почернѣвшихъ обоевъ, грязные, какъ тротуары, полы, вѣтеръ, свистящій въ плохо запирающихся окнахъ. Два простыхъ стола и нѣсколько плохо обтесанныхъ деревянныхъ скамеекъ—вмѣсто мебели, два или три хромыхъ стула и двѣ желѣзныя кровати—вотъ внѣшній

видъ и обстановка квартиры. Дымъ и грязь отъ сапоговъ дѣлали воздухъ очень тяжелымъ; зато въ комнатахъ было тепло.

Я засталъ Сергѣя одного; его жена не возвратилась еще изъ города, куда она пошла навѣстить свою подругу.

Сергѣй разсказалъ мнѣ, что онъ уже очистилъ свою квартиру отъ всякихъ революціонныхъ брошюръ и пр., въ виду неизбѣжнаго обыска. Я былъ извѣстенъ всему предмѣстью, въ этомъ не было никакого сомнѣнія, но погода была ужасна, и при этомъ я страшно усталъ... Наконецъ, пробило уже семь часовъ, а я не имѣлъ опредѣленной квартиры и проводилъ ночи то тамъ, то сямъ. Куда бы я ни пошелъ въ этотъ часъ, я не могъ бы притти раньше 9 часовъ, а въ это время вездѣ ворота уже запирались, и мои хозяева ложились спать.

Словомъ, несмотря на всѣ наши соображенія о неблагоразуміи моего путешествія въ предмѣстье, я былъ еще болѣе неблагоразуменъ и рѣшилъ остаться ночевать въ домѣ, гдѣ всѣ до самаго послѣдняго мальчугана знали мое имя.

Сергѣй и Т., пришедшій повидаться съ нимъ, совѣтовали мнѣ итти въ другое какое-нибудь мѣсто, но, принявъ все во вниманіе, я все-таки остался.

Поставили самоваръ; вскорѣ воротилась жена Сергѣя и принесла великолѣпный кусокъ жаренаго мяса. Она попала на экстраординарный обѣдъ къ своей подругѣ, и та послала съ нею этотъ кусокъ жаренаго для Сергѣя. Мы съ удовольствіемъ съѣли его, попивая чай и мирно бесѣдуя.

Потомъ Сергѣй притащилъ для меня изъ другой комнаты кровать, которую я поставилъ по срединѣ комнаты подальше отъ стѣнъ, чтобы сквозной вѣтеръ не былъ такъ чувствителенъ, легъ и скоро уснулъ.

Не знаю, какъ долго я спалъ, но, еще не вполнѣ проснувшись, почувствовалъ присутствіе въ квартирѣ чужихъ людей.

Какой-то торопливый голосъ крикнулъ:

— Смотрите, чтобы никто не выходилъ!

Сначала я не могъ разобрать, былъ ли это сонъ или дѣйствительность, пока не увидалъ форму и блестящія серебряныя пуговицы. У порога стоялъ здоровый дон-

ской казакъ; около него сидѣлъ частный приставъ съ саблей и галунами. Все это я видѣлъ какъ бы въ полуснѣ, съ полузакрытыми глазами, и всѣ эти люди, очевидно, принимали меня за спящаго. Вслѣдъ за этимъ я началъ понимать разговоръ. Въ эту минуту Сергѣй слегка толкнулъ меня и сказалъ:

— Вставай, пришла полиція!

Офицеръ остановилъ его.

— Оставьте его, пусть спитъ.

Все происходившее казалось мнѣ мало похожимъ на дѣйствительность. Если это полиція, почему же она ничего не дѣлала и даже позволяла мнѣ спать?

Все еще не понимая ясно, что такое происходило, я все же убѣдился, что я не сплю. Вмѣсто того чтобы вставать, я продолжалъ лежать, недоумѣвая, что мнѣ дѣлать?

Прежде всего я констатировалъ тотъ фактъ, что въ этотъ рѣшительный моментъ я нисколько не испугался, а чувствовалъ себя только немного огорченнымъ. Это полнѣйшее хладнокровіе доставило мнѣ минуту удовлетворенія и удовольствія; затѣмъ я снова началъ размышлять.

— Если я скажу имъ свое имя, они меня арестуютъ. Если же я выдумаю другое имя? и эта мысль ударила мнѣ въ голову. Но я былъ такъ неопытенъ, такъ мало зналъ дѣйствительную жизнь, что не могъ рѣшить этого вопроса.

Мнѣ казалось, что меня тогда должны отпустить, потому что вѣдь приказъ объ арестѣ долженъ имѣть мое имя, а не вымышленное мною... Еслибъ даже меня отправили въ мою предполагаемую квартиру, съ дороги я могъ бы убѣжать. Мнѣ казалось, что я хорошо обсудилъ свое положеніе, и, довольный собою, всталъ съ постели.

При видѣ полиціи я сдѣлалъ видъ крайняго изумленія и потребовалъ объясненій.

Офицеръ объявилъ мнѣ, что имѣютъ произвести обыскъ въ квартирѣ и ожидаютъ только прибытія прокурора, чтобы приступить къ нему. Обыкновенно прокуроръ исполняетъ функцію слѣдственнаго судьи въ случаяхъ экстраординарныхъ.

Тутъ мнѣ стало понятно то, чему я удивлялся минуту раньше, а именно бездѣятельность полиціи.

Мысль о побѣгѣ не оставляла меня.

Я просилъ частнаго пристава позволить мнѣ пойти по естественной надобности, для чего нужно было выйти на дворъ. Онъ мнѣ это разрѣшилъ, и казакъ, вдвое выше меня ростомъ, сопровождалъ меня, не давая мнѣ отойти отъ себя ни на одинъ шагъ.

Въ воротахъ двора двигались свидѣтели — понятые въ побѣлѣвшихъ отъ снѣга шубахъ. За воротами виднѣлось нѣсколько каретъ. Въ темную ночь, при свѣтѣ, исходившемъ только изъ фонарей — это была довольно живописная картина, которая меня однако же только разстраивала: мнѣ становилось болѣе и болѣе ясно, что устроить себя побѣгъ было не легко.

Когда я снова вошелъ въ квартиру, то услыхалъ громкіе протесты въ сосѣдней комнатѣ.

— Мнѣ нельзя одѣваться, онъ смотритъ на меня!

Это былъ голосъ жены Сергѣя.

Она была въ постели и хотѣла одѣться, жандармъ же, помѣщенный въ дверяхъ ея комнаты, ни на минуту не хотѣлъ оставить ее одну.

Я всегда поражался, и удивляюсь этому до сихъ поръ, что русская полиція, привыкшая каждонощно обыскивать спальни множества людей, не пользуется для этого услугами женщинъ, чтобы хоть нѣсколько щадить стыдливость своихъ жертвъ женскаго пола.

Я не помню, чѣмъ кончился настоящій конфликтъ между профессіональнымъ долгомъ и простымъ приличіемъ, потому что именно въ этотъ самый моментъ явился прокуроръ.

Безупречной бѣлизны манжеты прокурора, выступающаго въ черной рамкѣ своего костюма, серебряныя пуговицы, блестящія на небесной синевѣ жандармской формы, подозрительныя лица нѣкоторыхъ свидѣтелей, вѣроятно, шпіоновъ... Чувство отвращенія терзаетъ меня еще и теперь при этихъ воспоминаніяхъ!

Сухимъ и короткимъ голосомъ прокуроръ объявилъ, что онъ долженъ произвести обыскъ.

— Къ вашимъ услугамъ,—отвѣчалъ Сергѣй съ иронической вѣжливостью.

Начали рыться повсюду. Иглами протыкали обои на стѣнахъ; подъ одной скамейкой нашли свернутый въ комокъ старый пиджакъ. Жандармы заинтересовались и старательно начали его развертывать.

— Тише господа!—крикнулъ Сергѣй.

Они съ испугомъ остановились.

— Почему? Что тутъ можетъ быть завернуто?

— Кошка нагадила прямо на моемъ пиджакѣ...

Одни улыбнулись, другіе нахмурили брови.

— Чьи это стихи?

Прокуроръ прочиталъ двѣ строчки:

„Эй, работники, несите
Топоры, ножи съ собой“...

— Чья это бумага?

— Это мои стихи,—отвѣчалъ бѣдный Сергѣй, который былъ недюжиннымъ поэтомъ.

— А-га! Вы пишете стихи?..

— Съ вашего позволенія... немного...

У него бывали стихи очень недурные, но, надо сознаться, онъ все же довольно дурно очистилъ свою квартиру, если оставилъ этотъ лоскутокъ бумаги. Эти стихи, впрочемъ, были единственной добычей полиціи; кромѣ нихъ не нашли ничего, что могло бы компрометировать Сергѣя.

Окончивъ обыскъ, приступили къ составленію протокола.

— Ваши фамиліи, господа!

— Вотъ моментъ,—подумалъ я, и тотчасъ же изобрѣлъ себѣ новую фамилію.

Мнѣ показалось, что губы прокурора сложились въ неуловимую улыбку. Для меня было ясно, какъ день, что въ этотъ моментъ полиція знала, кто я такой. Никто другой, какъ я, вызвалъ этотъ обыскъ въ настоящій моментъ, они же хотѣли сдѣлать его нѣсколько позднѣе, и, такимъ образомъ, всѣ мои чисто ребячьи выдумки о вымышлённомъ имени, побѣгѣ и пр. были только смѣшны.

— Пусть будетъ такъ, думалъ, я полагаю, прокуроръ. Тѣмъ лучше, онъ будетъ еще болѣе скомпрометированъ.

— Гдѣ вы живете?

Я назвалъ первую пришедшую въ голову улицу студенческаго квартала и номеръ дома, котораго, какъ оказалось впослѣдствіи, въ дѣйствительности не существовало вовсе.

— У васъ есть студенческій билетъ?

— Онъ остался дома.

— Хорошо, вы переночуете въ полиціи, а утромъ удостовѣрятъ вашу личность.

Это было очень мило! Я никакъ не думалъ, что развязка будетъ такъ проста. А мой побѣгъ?

Казакъ тѣмъ временемъ подталкивалъ меня.

— Ну же, подвигайтесь,— говорилъ онъ.

Это былъ бравый донской казакъ, настоящій гигантъ, но очень далекій отъ желанія быть вѣжливымъ съ своимъ плѣнникомъ. Я былъ глубоко оскорбленъ, чувствуя на своемъ плечѣ его грубую и тяжелую руку.

— Подождите, — крикнулъ я прокурору, который уходилъ уже, отобравъ отъ Сергѣя подписку о невыѣздѣ изъ столицы безъ разрѣшенія полиціи.

— Стой,—кричалъ мнѣ мой казакъ, сжимая мнѣ руку.

Къ счастью прокуроръ услышалъ меня.

— Ну-съ?!..

Я просилъ послать меня прямо на мою квартиру.

— Хорошо, вотъ этотъ господинъ будетъ сопровождать васъ, и онъ указалъ на одного человѣка изъ сопровождавшихъ его, который если не былъ шпіономъ, то былъ чрезвычайно на него похожъ.

Сергѣя и его жену арестовали черезъ нѣсколько дней.

Чернявскій, кажется, такъ звали моего спутника, и я сѣли въ карету и отправились въ путь. Мое положеніе начинало забавлять меня и напоминало мнѣ сатиры Щедрина. Мой шпіонъ наполнилъ карету винными испареніями, старался быть любезнымъ и занималъ меня разговорами. Особенно онъ жаловался на свою службу.

— Всегда вотъ такъ, какъ сейчасъ... вѣрите ли? я не спалъ всю эту ночь. Что будешь дѣлать, постоянные обыски и обыски! Хорошо, что я успѣлъ еще воспользоваться свободной минуткой, чтобъ мимоходомъ забѣжать въ трактиръ... Стаканъ чая все-таки согрѣваетъ немного...

Я отлично чувствовалъ, какой чай онъ пилъ въ этомъ трактирѣ.

Однако-жъ мысль о побѣгѣ не оставляла меня... Но какъ его устроить? Мой спутникъ гораздо меня сильнѣе и пристально слѣдитъ за мною... При малѣйшемъ моемъ движеніи онъ спрашиваетъ:

— Хорошо ли вамъ? Сядьте вотъ такъ...

— Какъ вы хотите переѣзжать на ту сторону?—спросилъ я.

— Объ этомъ-то я и думаю... Полагаю по мосту, ледъ еще недостаточно крѣпокъ.

Я былъ разочарованъ и старался доказать ему, что черезъ мостъ дорога гораздо длиннѣе, что я переходилъ Неву по льду и что видѣлъ много каретъ, ѣхавшихъ тѣмъ же путемъ. Мой планъ былъ воспользоваться для побѣга именно этимъ временемъ переѣзда по льду, посреди пустыннаго пространства этой широкой замерзшей рѣки.

Мой шпіонъ оставался непоколебимымъ.

Наконецъ, мы въѣхали на мостъ. Все было кончено, нѣтъ больше никакой надежды.

— Велите вашему кучеру повернуть карету, сказалъ я. Безполезно ѣхать дальше.

Онъ притворился очень удивленнымъ.

— Почему же?

— Я живу не на той сторонѣ Невы... Я...

Несмотря на всю мою наивность я замѣтилъ, что это было для него не ново. Онъ, казалось, былъ очень озабоченъ тѣми послѣдствіями, какія это обстоятельство будетъ имѣть для меня.

— Но почему же тогда вы заставили меня сдѣлать этотъ путь съ вами? Развѣ вы думаете, что я недостаточно усталъ? Вотъ наша служба! А потомъ и для васъ это очень дурной знакъ. Васъ обвинятъ, что вы хотѣли сбѣжать отъ полиціи. О молодость, молодость!.. Эй, кучеръ, поворачивай!

— Готово, продолжалъ онъ, чтобы утѣшить меня.

Я хорошо это зналъ и самъ. Черезъ пять минутъ мы были на крыльцѣ Градоначальства.

III.

«Безумное лѣто».

... Кто не испыталъ самъ описываемаго, никогда не сможетъ понять тѣхъ радостныхъ замираній сердца, съ какими я дѣлалъ мои первые шаги.

Всѣ предосторожности, трудности и сомнѣнія, страхи и надежды, все это возбужденіе, эта суматоха предствляются теперь моимъ глазамъ освѣщенными особымъ поэтическимъ свѣтомъ и выдвигаются изъ отдаленнаго прошлаго, какъ розовыя грезы ранняго дѣтства, прекрасныя, но навсегда утраченныя.

Вотъ моя маленькая комната на Средней Подъяческой улицѣ.

Она вся загромождена, вся въ поэтическомъ безпорядкѣ; имущество, книги, платье разбросаны повсюду на столахъ и на стульяхъ.

Товарищей собралось здѣсь много и, несмотря на это, въ квартирѣ царитъ строгая и торжественная тишина. Лица присутствующихъ важны, задумчивы и озабочены. Иногда раздаются короткія фразы, еще рѣже кто-нибудь рискнетъ на легкую шутку.

Здѣсь заняты приготовленіями къ путешествію далекому и опасному.

Четверо изъ нашихъ друзей отправляются, а другіе помогаютъ имъ, кто чѣмъ можетъ.

Наконецъ, все кончено.

Путешественники снабжены должными паспортами, быть можетъ, и не вполнѣ хорошо изготовленными, полушубки ихъ исправлены и весь костюмъ вполнѣ приноровленъ.

Гдѣ карты?

Карты совершенно необходимы, чтобы оріентироваться въ этомъ океанѣ невѣдомыхъ людей, и наши друзья снабжены ими.

Они имѣютъ также адреса извѣстныхъ и неизвѣстныхъ имъ друзей въ различныхъ городахъ.

Мѣшки-котомки наполнены и завязаны. Все въ порядкѣ, въ путь!

Одѣвшись по крестьянски въ своихъ полушубкахъ

съ котомками на плечахъ, они выходятъ по двое, внимательно вглядываясь кругомъ себя, чтобы кто-нибудь въ домѣ не замѣтилъ ихъ переодѣванія.

Черезъ нѣсколько минутъ мы, я и Д.., выходимъ также, чтобы проводить ихъ до вокзала.

Проводить своихъ друзей до вокзала. Можно ли представить себѣ что-либо проще этого? Но въ данныхъ обстоятельствахъ осторожность не излишня. Мы одѣваемся и идемъ, стараясь избѣгать какихъ бы то ни было встрѣчъ; а если насъ кто-нибудь встрѣтитъ? Если будетъ кто-либо изъ III отдѣленія? Не догадаются ли они тотчасъ же, что мы провожаемъ идущихъ въ народъ?

Эта мысль приводитъ насъ въ нѣкоторое смущеніе.

Вотъ Невскій проспектъ. Торопливая какъ всегда толпа людей идетъ бокъ о бокъ съ нами, встрѣчаетъ и обгоняетъ насъ...

Возможно ли, чтобы изъ этихъ тысячъ людей никто не заподозрилъ насъ.

Я улыбаюсь при воспоминаніи объ этихъ страхахъ, но тогда мы были рады, придя на вокзалъ безъ всякихъ приключеній.

Вотъ, наконецъ, этотъ Николаевскій вокзалъ, но гдѣ же наши друзья?

Нѣтъ никакой возможности найти ихъ въ этой густой толпѣ; мы повсюду осматриваемся и уже при отходѣ поѣзда, не видя тѣхъ, кого мы провожаемъ, кричимъ „добрый путь“ этому авангарду нашего развѣдочнаго отряда.

Ночь окутываетъ городъ своимъ чернымъ покровомъ на нашемъ обратномъ пути, но мы не опасаемся уже непріятныхъ встрѣчъ и испытываемъ какое-то особое радостно-тревожное состояніе духа, не поддающееся описанію; это неопредѣленное чувство безповоротности сдѣланнаго шага. Что-то торжественное, религіозное наполняло наши души.

Описанное происходило 2 или 3 марта 1874 года; 7-го марта, т. е. черезъ четыре дня мы отправились въ свою очередь.

Передъ началомъ путешествія происходило собраніе нашего кружка, на которомъ я присутствовалъ въ по-

слѣдній разъ въ моей жизни. Много времени спустя я видѣлъ нѣкоторыхъ изъ членовъ его только въ тюрьмѣ. Естественно, что на этомъ собраніи всѣ наши товарищи выражали самыя пылкія пожеланія нашему предпріятію.

Я шелъ еще впервые послужить дѣлу, которому большая часть присутствующихъ въ теченіе уже долгаго времени посвящали свои силы. Съ этого момента все—люди и вещи—совершенно измѣнились въ моихъ глазахъ. Никогда я не могъ забыть этихъ людей, очаровывавшихъ меня своей искренней преданностью дѣлу, своей готовностью пожертвовать за него собою, живой примѣръ которыхъ, а не слова, завербовалъ и меня. Глубочайшую симпатію, почти благоговѣніе я чувствую къ нимъ теперь при воспоминаніи о нихъ!

* * *

Наконецъ, мы въ вагонѣ и уѣзжаемъ изъ Петербурга съ возможной скоростью для поѣзда Николаевской желѣзной дороги. Я чувствую себя и радостнымъ и въ то же время смущеннымъ. Наконецъ-то мы разбили цѣпи, приковывавшія насъ къ русской государственной колесницѣ, мы осмѣлились искать иныхъ путей, мы перешли на сторону народа. Я былъ переполненъ торжественнымъ сознаніемъ этого, съ другой же стороны наше новое положеніе было настолько внѣ сферы обычныхъ явленій, что я чувствовалъ себя нѣсколько не по себѣ.

Намъ предстояло отнынѣ играть роль. Мы назвались рабочими, идущими въ свою деревню съ заработковъ, но мы не были готовы еще къ той массѣ разнообразныхъ вопросовъ, съ какими обращались къ намъ наши случайные спутники. А это были солдатъ, дворянинъ и нѣсколько мѣщанъ изъ городовъ Твери и Новгорода. Они допрашивали насъ только для препровожденія времени, намъ же казалось, что мы внушаемъ имъ подозрѣніе и что они въ чемъ-то уже заподозрили насъ. Но все шло великолѣпно, и мы побѣдоносно выдержали перекрестный огонь этого перваго допроса.

Нашъ спутникъ изъ дворянъ удостоилъ даже моего товарища нѣсколькими шуточками по поводу его жены,

якобы остававшейся одинокой въ деревнѣ. Когда мужа нѣтъ дома, жена не всегда остается вѣрною. Мой товарищъ защищалъ вѣрность своей супруги, опираясь на мое свидѣтельство, что эта женщина была выше всякихъ подозрѣній.

Наступила ночь, и по примѣру нашихъ спутниковъ-мужиковъ мы прикурнули подъ скамейками вагоновъ, подбросивъ подъ себя свои полушубки.

— Ну вотъ, подумалъ я засыпая, пишутъ (въ соціалистическихъ журналахъ того времени), что никогда и ни въ чемъ не нужно лгать передъ народомъ. Но что же мы дѣлали сегодня? Мы лгали на каждомъ шагу и лгали во имя истины, носить которую мы приняли на себя обязательство. Ну развѣ это не противорѣчіе теоріи съ практикой?—Сонъ разомъ прервалъ мои размышленія, и я проснулся только уже пріѣхавъ въ Клинъ.

Клинъ—маленькій городокъ Московской губерніи—былъ конечнымъ пунктомъ нашего желѣзнодорожнаго пути. Отсюда намъ предстояло начать наше хожденіе въ народъ пѣшкомъ.

Мы придерживались еще господствовавшаго тогда мнѣнія, что русская полиція вездѣсуща и всевидяща. Мы считали себя счастливыми, что благополучно, не будучи арестованными, добрались до Клина.

Теперь во что бы то ни стало было необходимо увѣдомить товарищей о нашемъ прибытіи сюда. Въ моей котомкѣ былъ почтовый бланкъ, но не было чернилъ, да и не совсѣмъ удобно расположиться писать на улицѣ. Къ счастію подвернулась аптека, гдѣ навѣрное не откажутъ дать перо бѣдному крестьянину.

И вотъ я вхожу въ аптеку и скромно излагаю мою просьбу; мой пріятель остается на улицѣ, безпокойно ожидая результатовъ моей попытки. Разумѣется, не было никакой опасности, и аптекарь очень вѣжливо далъ мнѣ перо и чернила.

Эта встрѣча представителя цивилизаціи въ лицѣ аптекаря съ отрѣшеніемъ отъ нея въ лицѣ насъ была очень забавна.

— Рубиконъ перейденъ, подумалъ я, когда мы вышли изъ Клина.

Уйдя, такимъ образомъ, отъ цивилизаціи, мы едва

могли удержаться, чтобы не запрыгать отъ радости. Мы торжественно отрясли, за отсутствіемъ праха, снѣгъ отъ нашихъ ногъ.

— Прощай навсегда, старый цивилизованный міръ!

Велико было наше презрѣніе къ нему, особенно моего пріятеля, который, не далѣе какъ въ слѣдующемъ же маѣ мѣсяцѣ, долженъ былъ снова оказаться если не среди самой цивилизаціи, такъ какъ домъ предварительнаго заключенія—послѣднее слово ея—еще не существовалъ, то по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ изобрѣтенныхъ и порожденныхъ ею положеній—въ одиночномъ заключеніи.

Довольные собою, мы храбро шли впередъ вплоть до вечера. При закатѣ солнца слѣдовало подумать о мѣстѣ для ночевки. Первая ночь у настоящихъ крестьянъ—это задача! Тутъ было о чемъ подумать.

Въ первой деревнѣ намъ отказали въ ночлегѣ.

Мы отправились въ другую; въ этой части нашей страны селенія многочисленны и разстоянія между ними не велики.

— Ищите десятника, отвѣчали намъ.

Десятника! Да на что онъ намъ? Я удивленно взглянулъ на своего товарища, который тоже ровно ничего не понималъ.

Мы встревожились, но дѣло объяснилось очень просто. Жители этой деревни рѣшили пускать для ночевки прохожихъ по очереди, и десятникъ наблюдалъ за очередью.

* * *

Мы рѣшили итти черезъ Дмитровъ къ Москвѣ, а потомъ въ какую-нибудь деревню Владимірской губерніи.

Надо признаться, что наше знакомство съ условіями мѣстности было не важно, несмотря на тщательное изученіе ихъ въ Петербургѣ. Мы хотѣли выбрать мѣсто населенное, гдѣ легко можно было бы найти работу. Статистическій ежегодникъ, который мы изучали, указывалъ намъ на значительное число мелкихъ ремеслъ, существующихъ здѣсь. Эти указанія были вполнѣ правильны, но требовались нѣкоторые коррективы. На

обоихъ берегахъ р. Клязьмы было множество ремесленниковъ, но всѣ они уходили искать работы въ другомъ мѣстѣ и иногда очень далеко. Жители естественно были удивлены, встрѣтивъ людей, пришедшихъ за работою въ ихъ деревни, гдѣ сами они не находили таковой. Мы еще не знали, что въ такого рода случаяхъ слѣдуетъ совѣтоваться съ опытными и знающими людьми, а не съ одними книгами.

Такъ мы шли вплоть до Москвы, останавливаясь только по ночамъ, ѣли только черный хлѣбъ и не позволяли себѣ даже такой роскоши, какъ зайти въ деревенскій трактиръ, чтобы выпить тамъ чаю. Чай вѣдь былъ нѣкоторой частицей цивилизаціи!

Позднѣе мы однако убѣдились, что и сами крестьяне не смотрятъ на чай, какъ на непозволительную роскошь, и позволяютъ себѣ нерѣдко немного имъ побаловаться. Только тогда и мы стали разрѣшать себѣ такую невоздержанность.

Однажды мы купили себѣ копченую селедку; величайшее событіе! И сейчасъ еще я испытываю удовольствіе при воспоминаніи о томъ аппетитѣ, съ какимъ мы ее уничтожали.

Несмотря на недостаточное питаніе мы чувствовали себя вполнѣ здоровыми и счастливыми. Это ощущеніе счастья нарушалось только нашимъ безпокойствомъ, такъ какъ мы всегда подозрѣвали каждаго прохожаго въ томъ, что онъ угадываетъ наши истинныя намѣренія.

Разъ молодой парень на дровняхъ обогналъ насъ и весело предложилъ подвезти насъ до города. Онъ, конечно, и мысли не имѣлъ попользоваться отъ насъ деньгами, но мы отвѣчали ему:

— Пѣшкомъ-то будетъ подешевле!

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на насъ, и этого было достаточно, чтобы у насъ возникло множество подозрѣній.

Такимъ образомъ, ежеминутно мы измышляли тысячи смѣшныхъ страховъ.

Необходимость лгать на каждомъ шагу была также для насъ чрезвычайно непріятна, особенно для моего товарища, относившагося съ ненавистью ко всякой лжи, даже самой безобидной. Но всѣ эти непріятности были

только маленькими шипами на розахъ постоянно жившаго въ насъ сознанія исполняемаго нами тяжелаго и труднаго долга.

Во время всего этого предварительнаго знакомства съ условіями хожденія въ народъ вплоть до самой Москвы и даже далѣе мы не очень-то серьезно думали о настоящей пропагандѣ; мы должны были прежде всего испытать самихъ себя во всѣхъ деталяхъ предстоящаго намъ дѣла. Но если представлялся подходящій случай, особенно во время нашихъ ночевокъ, мы иногда начинали разговоръ по поводу, напримѣръ, военной службы или выражали жалобы на несправедливость и бѣдность, о которыхъ слышали въ каждой избѣ, на каждомъ шагу. Конечно, это далеко еще не было пропагандой, но пріучало насъ понемногу вести разговоры съ крестьянствомъ.

На Пасхѣ работы повсюду останавливаются. Мы воспользовались этимъ періодомъ всеобщаго отдыха и отправились въ Москву, чтобы провести тамъ этотъ праздникъ; оказалось же, что мы шли туда на срокъ гораздо болѣе продолжительный, чѣмъ предполагали.

Квартира, которую мы знали въ Москвѣ, уже не существовала, адресъ же новой намъ былъ неизвѣстенъ, и мы оказались такимъ образомъ въ очень трудномъ положеніи, пока къ счастію, совершенно случайно, не встрѣтили на улицѣ одного изъ нашихъ друзей, послѣ чего сразу же попали въ самый разгаръ и водоворотъ этого „безумнаго лѣта“. Это время, характеристической чертой котораго были самоотверженность и юношескій энтузіазмъ, описать достойно я не вижу для себя никакой возможности!

Всего только два слова создали всеобщее движеніе отъ одного конца Россіи до другого, и эти два слова: въ народъ!

Для интеллигенціи пришло, наконецъ, время уплатить свой историческій долгъ народу.

Все рѣшительно было приведено въ движеніе и волновалось, начиная отъ самой розовой юности нѣкоторыхъ нашихъ товарищей, вплоть до сѣдинъ стараго хозяина, домъ котораго служилъ мѣстомъ нашихъ сборищъ и свиданій.

Чудное время!

Отовсюду являлись новые люди; въ Москвѣ встрѣчались, знакомились, строили безчисленное множество плановъ и потомъ разсѣивались по лицу всей Россіи. Эти друзья всего на одинъ моментъ, позднѣе, иногда встрѣчались въ какой-нибудь дырѣ, въ народѣ; всѣ стремились итти туда и обсуждали подробно образъ своего будущаго поведенія въ народѣ.

Двѣ или три недѣли промчались, какъ минута въ водоворотѣ этого броженія. Наше перемиріе, заключенное мною и моимъ пріятелемъ по случаю Пасхи, пришло къ концу, и пора было вновь начинать кампанію... Но на сѣверѣ вышла изъ береговъ Волга—это было время ея разлива, а на югѣ появилась новая религія.

Первоначально эта новая религія обнаружилась въ г. Орлѣ; слухи о ней скоро подтвердились и одинъ изъ нашихъ друзей явился горячимъ апостоломъ Маликова *). Такое неожиданное перерожденіе одного изъ самыхъ уважаемыхъ и самыхъ любимыхъ нашихъ товарищей было для насъ событіемъ необычайной важности. Отнынѣ онъ совершенно отрицалъ наши принципы, хотя догматическая сторона его новаго вѣрованія была обработана довольно неясно.

— Она еще не выработана, говорилъ онъ. Но тѣмъ ожесточеннѣе была его полемика съ революціонерами.

Это поистинѣ была бомба, выпущенная изъ Орла, какъ говорилъ мой товарищъ по дѣлу.

— Человѣчество возродится любовью и добровольнымъ убѣжденіемъ... Революціонеры! Вы также насчитывали много лѣтъ своему существованію и вы обращаетесь только къ уму, но забываете чувство. Не ждите какого-нибудь блага отъ кровавой войны между людьми: война родитъ войну и такъ далѣе, безъ конца... Бойтесь насилія, лжи, лицемѣрія. Всѣ люди—люди, слѣдовательно, враговъ не существуетъ...

Эта проповѣдь, произносимая съ страстнымъ убѣ-

*) М. Маликовъ, основатель этой неудавшейся религіи, которую называли бого-человѣчествомъ, т. е. религіей человѣка-бога. Мнѣ кажется, эта религія утверждала, что человѣкъ есть богъ, или что богъ есть совокупность всѣхъ нравственныхъ способностей человѣка. (Авт.).

жденіемъ вчера еще нашимъ товарищемъ единомышленникомъ, наполняла мою душу необычайной горечью. Не было никакой возможности доказать то фіаско, которое неизбѣжно предстояло этой новой доктринѣ, и я уже представлялъ себѣ глубокій, непримиримый разладъ среди самихъ революціонеровъ, могущій произойти отсюда.

Печальные, полные самыхъ мрачныхъ мыслей и предчувствій, оставались мы въ нашей маленькой комнатѣ послѣ ухода этого новаго апостола, и хотя мы собрались въ интимномъ кружкѣ, но совсѣмъ не имѣли охоты разговаривать. Только отъ времени до времени раздавался подавленный вздохъ.

Наконецъ М... съ усиліемъ прервалъ наше общее молчаніе и напомнилъ намъ, что нужно было приниматься за свое дѣло.

Это замѣчаніе нѣсколько воодушевило присутствующихъ, и М., обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Да, дружище, народъ—это цѣлый океанъ, попытайся погрузиться въ его волны... Ты увидишь тогда, что волны эти смоютъ рѣшительно все, и печали, и огорченія, и разочарованія... Все!

Онъ тысячу разъ былъ правъ. Тамъ, въ глубинахъ этого океана, мнѣ предстояло найти столько новыхъ впечатлѣній, тяжелыхъ и печальныхъ! Но мною скоро овладѣли еще болѣе печальныя и тяжелыя воспоминанія недавняго прошлаго изъ только что покинутаго мною цивилизованнаго міра.

Полные симпатіи и безкорыстныхъ заботъ объ насъ, нашъ добрый хозяинъ и милая хозяйка снаряжали меня въ путь.

— Прощайте, прощайте! Увидимъ ли васъ когда-нибудь снова?

— Кто знаетъ, кто это можетъ знать!?

И на этомъ заключалось все. Всѣ безъ исключенія хорошо знали, что могло случиться съ каждымъ изъ насъ, начиная съ этой минуты.

Я отправился одинъ. Мой бѣдный товарищъ по путешествію былъ тяжело раненъ все той же бомбой изъ Орла. Онъ временно остался въ Москвѣ, собираясь пойти въ Орелъ, чтобы лично познакомиться съ основателемъ

новой религіи, или, какъ у насъ говорилось тогда шутя, для поклоненія ему.

* * *

— Рѣшительно все равно, куда ни пойти, думалъ я, при видѣ площади, на которой стоятъ три вокзала: Петербургскій, Ярославскій и Рязанскій.

— До сихъ поръ я думалъ отправиться по Нижегородской дорогѣ... Но почему же не сдѣлать мнѣ небольшого круга, тѣмъ больше, что я могу сойти на любой станціи, чтобы вернуться во Владимірскую губернію.

Я взялъ билетъ на Коломну и скоро понялъ, что сдѣлалъ не вполнѣ благоразумно, такъ какъ, благодаря этому обстоятельству, долженъ былъ сдѣлать пѣшкомъ цѣлыхъ 40 верстъ.

Но все ведетъ къ лучшему въ этотъ лучшемъ изъ міровъ! Дорогою я встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ ткачей, съ которыми вмѣстѣ и прошелъ пѣшкомъ эти 40 верстъ. Я даже вступилъ въ ихъ артель и, благодаря такому стеченію обстоятельствъ, получилъ нѣсколько дѣйствительно драгоцѣнныхъ уроковъ для своего воспитанія въ смыслѣ общенія съ народомъ въ этой милой и пріятной компаніи.

Теперь я уже былъ въ народѣ и испытывалъ только недостатокъ работы, такъ какъ рѣшительно нигдѣ не могъ найти таковой. Я отправился въ Зуево, городъ переполненный фабриками, прошелъ черезъ Ковровъ и черезъ знаменитую Шую,—работы нѣтъ нигдѣ! Я собирался уже пойти въ Иваново-Вознесенскъ, но у воротъ одной фабрики, гдѣ я напрасно ожидалъ работы, я встрѣтилъ одного рабочаго, который только что пришелъ оттуда. Онъ разсказывалъ, что во Владимірѣ требуется много слесарей. Да вѣдь я слесарь! И потому я отправился во Владиміръ, гдѣ однако-же не нашелъ ни работы, ни фабрикъ.

Оставалось только отправиться на ярмарку въ Нижній-Новгородъ, что я и сдѣлалъ. Дорогу эту я прошелъ пѣшкомъ, немного, гдѣ приходилось, порабатывая, но шелъ безостановочно, такъ какъ былъ увѣренъ, что въ Нижнемъ устрою свои дѣла. Мои ожиданія меня не обманули, и я довольно долго пробылъ въ Нижнемъ,

гдѣ занимался столярной работой, такъ какъ немного я былъ и столяромъ.

Ярмарку я оставилъ лишь тогда, когда совершенно прекратилась всякая работа.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ накапливается много плотничной и столярной работы, когда начинаютъ приготавливаться къ ярмаркѣ; по открытіи же ея для рабочихъ наступаетъ трудное время, и они вынуждены расходиться въ разныя стороны: одни, если они крестьяне той же губерніи, идутъ въ свои деревни, другіе, г а л к и, какъ ихъ называютъ, отправляются въ другіе поволжскіе города за заработкомъ. Тѣмъ не менѣе подготовительныя работы къ ярмаркѣ заканчиваются не вдругъ, и въ концѣ моего пребыванія въ Нижнемъ я имѣлъ приблизительно столько же дней работы, сколько и безработныхъ дней. Оставаясь въ такомъ неопредѣленномъ положеніи, я былъ вынужденъ, что называется, бродяжничать и все это время оставался среди разныхъ поденщиковъ, въ з о л о т о й р о т ѣ, какъ называли ихъ иронически, гдѣ имѣлъ широкую возможность наблюдать самыя ужасныя сцены грязи, бѣдности, отчаяннаго пьянства, безпризорности... А наши публицисты еще увѣряютъ, что въ Россіи нѣтъ пролетаріата!

Въ любой моментъ вы можете видѣть на всѣхъ базарахъ живописныя группы этихъ угрюмыхъ людей въ драныхъ лохмотьяхъ; они ожидаютъ здѣсь работы и, не находя ея, бродятъ изъ улицы въ улицу, изъ кабака въ кабакъ. Многимъ изъ нихъ, если имъ не удается раздобыть пятакъ на уплату за ночлегъ въ ночлежномъ домѣ, приходится на этихъ же базарахъ проводить и ночи. Чѣмъ питаются въ такое время эти люди—подчасъ и для меня было неразрѣшимой загадкой.

Иногда я дѣлалъ попытку завести съ ними разговоръ, но обыкновенно я только созерцалъ ихъ, подавленный тяжестью совершенно новыхъ впечатлѣній. Мнѣ казалось, что это были люди совсѣмъ иного міра, иной расы, которая вовсе не похожа на нашу. О чемъ могъ бы я заговорить съ ними; могли ли они понять насъ, могъ ли я ихъ понять? Однакожъ, это было не что иное, какъ мученики нашего общества, и они возбуждали во мнѣ чувство сходное съ уваженіемъ.

Съ первыхъ же словъ разговоръ съ ними переходилъ на отсутствіе работы, на крайнюю бѣдность.

— „Машины“ отнимаютъ у насъ всю работу!

„Машины“, т. е. пароходы разорили весь этотъ рабочій міръ, который до ихъ появленія жилъ бичевою, бурлачествомъ. Они ненавидѣли эти пароходы и съ энтузіазмомъ говорили о добромъ старомъ времени, „когда бывало такъ много работы!“ Рѣчи, полныя ненависти къ предпринимателямъ и хозяевамъ, обыкновенно слышались повсюду.

*

Но вотъ я снова въ Петербургѣ, снова посреди цивилизаціи; я опять появился на поверхности волнъ, послѣ того какъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ былъ погруженъ въ глубинахъ народа.

При первой же встрѣчѣ мои друзья разсказали мнѣ о происшедшихъ арестахъ. Аресты непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ я отправился въ народъ, аресты наканунѣ моего прибытія, аресты по всей Россіи, въ теченіе моего здѣсь пребыванія.

Четыре мѣсяца я не имѣлъ никакихъ извѣстій о томъ, что происходило въ столицѣ, и теперь явился сюда для того, чтобы узнать эти печальныя новости! Это ужасно, и что могъ означать подобный кризисъ? Былъ ли это всеобщій полный разгромъ, или только временная неудача? Что дѣлать, наконецъ, продолжать ли свой путь, или ожидать конца этого урагана?

Происходило это въ концѣ августа или началѣ сентября 1874 года. Я не хочу лгать и долженъ сознаться, что эти безчисленные аресты нѣсколько устрашили меня; тѣмъ не менѣе я рѣшилъ продолжать мой путь, хотя дѣлалъ это уже не такъ охотно, какъ ранѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, когда разсчитываешь быть арестованнымъ каждый день въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда предполагаешь, что завтра будетъ уничтожено все, что сдѣлано сегодня, нельзя дѣйствовать съ достаточнымъ энтузіазмомъ и энергіей, нельзя создать сколько-нибудь солиднаго плана. Въ этомъ случаѣ нужно исполнять свой долгъ, и только.

Ясно, что это именно я и долженъ дѣлать.

Нужно продолжать мое обученіе до тѣхъ поръ, пока я буду способенъ предпринять что-либо положительное въ народѣ.

Я рѣшилъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ.

До сихъ поръ я не имѣлъ случая поселиться прочно въ настоящей русской деревнѣ. Одинъ кузнецъ, работавшій въ деревнѣ, предложилъ мнѣ отправиться къ нему въ качествѣ рабочаго, его помощника, на что я охотно согласился. Деревня находилась недалеко отъ желѣзной дороги, и я, не теряя времени, направилъ туда свой путь. Нужно было ночевать подлѣ станціи и утромъ пройти пѣшкомъ еще нѣсколько верстъ. Я шелъ и мнѣ припоминался кличъ: „спасайся кто можетъ! все погибло!“, который раздавался въ моихъ ушахъ недѣлю раньше, но въ настоящую минуту я скорѣе испытывалъ чувство удовлетворенія отъ одиночества, отдавшись только своимъ собственнымъ силамъ въ этой жаркой борьбѣ за существованіе.

Былъ праздничный день, и я встрѣчалъ много крестьянъ и крестьянокъ, идущихъ пѣшкомъ подлѣ своихъ телѣгъ. Они привѣтствовали меня и спрашивали, куда я иду. Я отвѣчалъ, что иду повидаться съ своимъ пріятелемъ на фабрикѣ, ближайшей къ этому мѣсту.

Этотъ милый и любезный народъ очень нравился мнѣ, и я радовался, что рѣшилъ поселиться въ ихъ средѣ.

Наконецъ, я дошелъ до своей деревни. У одного мужика я спросилъ, какъ пройти мнѣ въ кузницу. Мужикъ по началу смутился, а потомъ безсвязно разсказалъ, что не такъ давно въ деревню пріѣхали жандармы, схватили кузнеца и увезли его съ собою. Мужичекъ, казалось, былъ опечаленъ и возмущенъ происшедшимъ.

— Но почему же его арестовали?

Ему это было неизвѣстно.

Его жена дома, прибавилъ онъ, указывая мнѣ на домъ кузнеца—ты можешь пойти къ ней и спросить ее.

Великолѣпная новость, нечего сказать! Я направился къ указанному дому и какъ только мужичекъ исчезъ изъ моихъ глазъ, повернулъ въ сторону и вышелъ изъ деревни, размышляя о томъ, что мнѣ предпринять.

Прежде всего я поторопился уничтожить рекомендательное письмо, данное мнѣ для кузнеца. Затѣмъ оставалось только итти на вокзалъ. Благодаря пережитому опыту я не былъ уже мальчикомъ, не боялся призраковъ; но на этотъ разъ дѣйствительно могли напасть на мой слѣдъ. Нужно было какъ можно скорѣе добраться до вокзала.

Во время пути и на вокзалѣ я опять встрѣчалъ тѣхъ же крестьянъ, которыхъ я видѣлъ по пути въ деревню, и они выражали мнѣ свое удивленіе, что я такъ быстро возвратился. Пришлось объяснять это тѣмъ, что я не нашелъ своего земляка на фабрикѣ.

Я чувствовалъ сѐбя скверно, чувствовалъ себя одинокимъ и покинутымъ. Куда направить свой путь теперь? Ни денегъ, ни связей, ни проектовъ! Я рѣшилъ итти въ Москву не потому, чтобы разсчитывалъ найти тамъ друзей, я хорошо зналъ, что ихъ уже нѣтъ тамъ, а потому что въ городѣ легче, чѣмъ въ глухой деревушкѣ, можно просуществовать рабочему въ моемъ положеніи. Итакъ я отправился въ Москву, гдѣ оставался семь мѣсяцевъ вплоть до моего ареста.

Было уже далеко за полночь, когда нашъ поѣздъ пришелъ въ Москву. Съ народомъ теперь я не чувствовалъ никакого смущенія, какъ это было ранѣе, живо нашелъ себѣ квартиру и чувствовалъ себя не дурно съ моими кратковременными знакомыми въ этомъ временномъ убѣжищѣ.

Утромъ я подыскалъ себѣ другую квартиру, нѣсколько поприличнѣе, въ домѣ, указанномъ мнѣ во время моего послѣдняго пребыванія въ Москвѣ. Здѣсь, оставивъ мою котомку у новой хозяйки, какъ всегда это дѣлается, чтобъ никто не выкралъ ея драгоцѣннаго содержимаго—разорванныхъ штановъ и пр., я отправился искать работы.

Съ этихъ поръ я бродилъ по Москвѣ какъ пролетарій; иногда у меня бывала работа, и тогда я покидалъ свою квартиру; когда же я снова оставался безъ заработка—приходилось возвращаться въ нее. Въ первый разъ я заплатилъ хозяйкѣ пятакъ и былъ помѣщенъ въ нѣкоторомъ родѣ въ аристократическую комнату, которая была гораздо чище другой, сосѣдней, на-

стоящей грязной норы, какъ я узналъ нѣсколько позднѣе во времена моихъ неудачъ.

Подчасъ мои дѣла бывали такъ дурны, что я спускался даже до знаменитой Хитровки на Хитровомъ рынкѣ близъ Варваринскихъ воротъ, гдѣ обыкновенно копошится безработный людъ. Рабочій, еще не совсѣмъ пропавшій въ смыслѣ его денежныхъ рессурсовъ, никогда не пойдетъ на Хитровку. Это считается постыднымъ, такъ какъ обычные посѣтители ея бродяги очень дурной репутаціи. Вся площадь окружена кабаками и притонами для нищихъ, бродягъ и проституютокъ. Зато здѣсь можно обрѣсти ночлегъ всего за три копейки.

Эта неописуемая драма бѣдности, страданій и преступленій уже не поражала моего воображенія; она была здѣсь явленіемъ обычнымъ, но мое сердце сжималось при видѣ этихъ несчастныхъ существъ, которыя къ тому-же часто имѣютъ больше правъ называться л ю д ь м и, чѣмъ люди высшихъ слоевъ.

Лично я чаще всего оставался въ ряду, такъ сказать, аристократіи этихъ обездоленныхъ людей.

* * *

Въ нашей квартирѣ жильцы имѣли право только ночевать. Утромъ они должны были уходить, куда имъ угодно. Хозяйка, жившая въ тѣхъ-же самыхъ комнатахъ—ихъ было двѣ—желала быть свободною днемъ, чтобъ подмести и прибрать свою квартиру отъ сора и грязи, накопившихся за ночь. Утромъ снимали постели, т. е. большой толстый половикъ, которымъ покрывался полъ. Кромѣ этого общаго матраца мы получали маленькія подушки, набитыя соломой. Все это на день запиралось въ чуланъ, и комнаты оставались совершенно пустыми, такъ какъ въ нихъ не было и признака какой-либо мебели: хозяйка не желала потерять ни единаго кусочка пространства и была права, потому что ночью обѣ комнаты переполнялись спящими, набившимися здѣсь, какъ сельди въ боченкѣ, не оставляя между собою никакого промежутка. Благодаря дневной очисткѣ и провѣтриванію, наше помѣщеніе къ вечеру бывало

сравнительно чисто и имѣло нѣсколько меньше разныхъ видовъ насѣкомыхъ, во множествѣ населявшихъ другія такія же помѣщенія.

Какъ жилецъ исключительно спокойный и добросовѣстно уплачивавшій свой пятакъ, я пользовался снисхожденіемъ хозяйки, которая не ворчала, если мнѣ приходилось являться раньше, чѣмъ другіе. Такое снисхожденіе бывало мнѣ выгодно въ случаяхъ безработицы; а эта безработица бывала не рѣдко. Обѣгавъ безполезно тысячи грязныхъ улицъ Москвы, усталый и злой, я останавливался, обыкновенно, передъ слѣдующей безграмотной вывѣской:

„Продажа жариной вичины и рыбы".

Я входилъ, съѣдалъ порцію щей съ хлѣбомъ за 5 коп. и возвращался на квартиру, пользуясь отсутствіемъ моихъ соквартирантовъ, чтобы немного отдохнуть въ одиночествѣ; здѣсь я сидѣлъ на широкой подушкѣ окна, погруженный въ мои безотрадныя думы и убаюкиваемый болтовней кумушекъ, шушукающихся и кричащихъ у хозяйки.

Вскорѣ послѣ этого собирался весь нашъ безработный міръ.

Сколько разнообразныхъ типовъ прошло у меня передъ глазами въ лицѣ этихъ моихъ товарищей по ночлегамъ!

Вотъ нѣсколько половыхъ безъ мѣстъ; они всѣ дни на пролетъ проводятъ въ поискахъ заработка и, собравшись вечеромъ въ кучку, разсказываютъ другъ другу объ ихъ безполезныхъ попыткахъ: одному прямо отказали, другому велѣли притти еще разъ, третьему, наконецъ, какъ будто улыбнулось счастье, и онъ можетъ разсчитывать на мѣсто въ томъ или другомъ трактирѣ.

Я нерѣдко слышалъ, какъ одинъ изъ этихъ несчастныхъ людей въ безсонницѣ ворочался съ боку на бокъ цѣлую ночь.

— Ты не спишь? спрашивалъ его сосѣдъ, и шепотомъ они начинали пространный разговоръ, переполненный жалобами на свою судьбу и воспоминаніями о деревнѣ. Это, видимо, облегчало ихъ, и мнѣ невольно вспоминалась пѣсенка, составленная именно такимъ половымъ. Пѣсня разсказываетъ, какъ онъ потерялъ свое мѣсто изъ-за своего пьянства:

„Я свелъ свои счеты съ хозяиномъ.
Онъ мнѣ ничего не далъ.
Я вышелъ изъ конторы,
Проливая слезы“... и блудный сынъ, испытавъ всѣ возможныя злоключенія, рѣшаетъ возвратиться въ свою деревню, гдѣ его родители въ наказанье надѣваютъ на него грубое платье и кормятъ пустыми щами, принуждая въ то же время обрабатывать землю.

Вотъ поденщики, занятые нагрузкою дровъ на сосѣднемъ вокзалѣ. Они приходятъ ночевать гораздо позднѣе, чѣмъ другіе, и уходятъ на работу очень рано. Эти задумчивые, очевидно много страдавшіе люди всѣ и всегда мечтаютъ о возвращеніи въ деревню.

Вотъ мелкіе коммерсанты. Одинъ изъ нихъ очень гордъ, величественъ и не допускаетъ насъ фамильярничать съ собою. Встарину, какъ говорятъ, онъ былъ разносчикомъ яблоковъ. Другой, напротивъ, добродушный старикъ, лучшій человѣкъ въ мірѣ; его общей кличкой было „дѣдушка“ и „каторжный“.

Однажды послѣ долгаго отсутствія изъ моего гостепріимнаго убѣжища я возвратился туда и засталъ тамъ кое-кого изъ моихъ старыхъ знакомыхъ.

— А этотъ, сказали мнѣ, указывая на старика, это— каторжный дѣдъ.

— Значитъ, онъ былъ на каторгѣ?

Оказалось совсѣмъ не то; онъ получилъ такое прозвище потому, что постоянно повторялъ слово „каторжный“, какъ легкое ругательство, какъ поговорку, наиболѣе ярко выражавшую всѣ его ощущенія данной минуты. Я познакомился съ нимъ и попросилъ его объяснить мнѣ причину этой странной привычки. Онъ не отказалъ, и его оригинальное объясненіе вызвало всеобщій смѣхъ присутствующихъ.

Дѣдка былъ очень религіозенъ; онъ далъ обѣтъ никогда не употреблять грубыхъ ругательствъ, которыми на каждомъ шагу пользуется вся Россія. Но говорить безъ ругательствъ для него было—„едино, что молчать“, и вотъ онъ изобрѣлъ свое „каторжный“, чтобы въ нѣкоторомъ родѣ вознаградить себя и, мало-по-малу, такъ свыкся съ этимъ словомъ, что оно стало его всегдашнимъ присловьемъ.

Припоминаю также двухъ поляковъ. По амнистіи они вышли изъ Сибири, куда загнало ихъ участіе въ возстаніи 63 года, при чемъ одинъ изъ нихъ отбывалъ даже каторжныя работы. Когда-то они знали лучшіе дни, одинъ былъ офицеръ, другой простолюдинъ. Теперь же, брошенные въ эту безыисходную пропасть нужды, они стали угрюмы, недовѣрчивы, даже враждебны ко всему и ко всѣмъ, и держались всегда въ сторонѣ.

Какая это ужасная драма—эпопея ихъ разбитой жизни! А такія драмы окружали меня со всѣхъ сторонъ!

Да! эти семь мѣсяцевъ жизни настоящаго пролетарія, конечно, научили меня многому! Моя постоянная мечта пожить въ деревнѣ могла осуществиться, но и пребываніе въ Москвѣ не было безполезнымъ въ смыслѣ моего воспитанія.

* * *

Въ первыхъ числахъ мая 1875 года я снова поѣхалъ по Николаевской жел. дорогѣ по направленію къ Петербургу, только на этотъ разъ меня сопровождали два жандарма.

— Хорошо ли идутъ дѣла?—повторяли на вокзалахъ; согласно офиціальной формулѣ, жандармы, обращаясь къ сопровождающимъ меня.

— Все хорошо,—отвѣчали эти послѣдніе.

Это значило, что я не имѣлъ возможности бѣжать отъ нихъ.

Обстоятельство это напомнило мнѣ наше письмо, посланное въ Петербургъ годомъ раньше изъ Клина, когда мы съ моимъ товарищемъ увѣдомляли своихъ друзей, что „все шло хорошо!“

Насколько же иногда бываютъ противорѣчивы представленія людей о „хорошемъ“!

IV.

Тюрьма.

Темная зимняя ночь; окна кареты покрыты толстымъ слоемъ льда, благодаря чему черезъ нихъ рѣшительно

ничего не было видно; внутри же кареты при блѣдномъ свѣтѣ фонаря обрисовывалась рядомъ со мною фигура офицера, противъ меня—жандарма. Я уже не спрашивалъ, куда везутъ меня. Двѣ минуты тому назадъ въ мою камеру въ III отдѣленіи торопливо вошелъ жандармъ, держа въ рукахъ мое верхнее платье.

— Одѣвайтесь скорѣе,—сказалъ онъ мнѣ.

— Куда я долженъ итти?

— Я этого не знаю.

— Куда повезете вы меня? — спросилъ я офицера, входя въ карету.

— Вы это скоро увидите,—отвѣчалъ онъ съ любезной улыбкой.

Такимъ образомъ былъ предоставленъ полный просторъ моей догадливости. Путь не былъ длиненъ, хотя онъ показался мнѣ вѣчностью.

Наконецъ, я вижу, что мы въѣзжаемъ на Неву, значитъ, меня везутъ въ Петропавловскую крѣпость. Черезъ нѣсколько минутъ карета съ грохотомъ проѣхала подъ низкимъ сводомъ крѣпостныхъ воротъ, и мы были уже внутри цитадели.

Тогда еще моя будущая Бастилія была мнѣ совершенно неизвѣстна. Въ моемъ воображеніи вставали ужасныя картины подземныхъ казематовъ, выдолбленныхъ въ толстыхъ крѣпостныхъ стѣнахъ ниже уровня Невы, я припоминалъ княжну Тараканову, которая нѣкогда погибла здѣсь во время наводненія; мнѣ приходили въ голову страшныя и многознаменательныя слова сенатора Фукса, бывшаго члена нашей слѣдственной комиссіи.

— Вы ничего не хотите сказать? Хорошо, немного позднѣе вы скажете все.

Но я уже приготовился къ самому худшему, собралъ всѣ силы моей души и тысячу разъ повторялъ себѣ:

— Я вамъ не скажу ничего, ничего, ничего!..

Карета остановилась.

— Пойдемте,—сказалъ мнѣ вѣчно любезный голубой офицеръ, и мы вошли въ двери довольно красиваго дома.

Часовой отдалъ честь офицеру; мы поднялись по богатой лѣстницѣ и вошли въ хорошо меблированную комнату съ паркетными полами, съ люстрами и пр.

— Гдѣ же я, наконецъ?

— Подождите немного,—сказалъ мнѣ жандармскій офицеръ, исчезая въ сосѣдней комнатѣ и оставляя меня подъ надзоромъ стараго солдата, который вызвалъ передо мною золотыя воспоминанія моего далекаго дѣтства. Это былъ д е н ь щ и к ъ, и могъ ли я не признать этотъ хорошо мнѣ извѣстный типъ?

Онъ, этотъ старый солдатъ, казалось, смотрѣлъ на меня съ упрекомъ, смѣшаннымъ съ жалостью.

Офицеръ возвратился въ сопровожденіи стараго сѣдого генерала.

— Вотъ,—сказалъ онъ, показывая ему какія-то бумаги.

Генералъ равнодушно посмотрѣлъ на меня.

— Имя?

Я отвѣчалъ.

— Студентъ?

— Да.

— Почему?

— Я не знаю.

— Дворянинъ?

— Да.

Казалось онъ избѣгалъ личнаго обращенія, боясь сказать мнѣ т ы и не желая обращаться ко мнѣ на в ы.

Одѣтъ я былъ, какъ настоящій бродяга.

— Хорошо. Отведите его.

Мы опять сѣли въ карету въ сопровожденіи новаго лица, офицера, посланнаго комендантомъ, ибо старый генералъ былъ комендантъ крѣпости, Римскій-Корсаковъ, какъ это объяснилъ мнѣ офицеръ, прибавляя, что самъ онъ смотритель тюрьмы.

Мнѣ казалось, что мы проѣхали множество узкихъ улицъ, но уже черезъ двѣ минуты пути карета остановилась. Мы очутились передъ рѣшетчатой дверью низкаго и длиннаго дома, гдѣ ожидали минуты двѣ. Часовой, находившійся у порога двери, не имѣлъ ключа, у смотрителя его также не было, онъ находился у п р и с я ж н а г о *). Наконецъ, присяжный явился, и жандармскій офицеръ попрощался со мною, оставивъ меня въ рукахъ Богородскаго, какъ назывался смотритель.

---

*) Сторожъ принявшій присягу; такъ въ Петропавл. крѣпости назывались солдаты (унтеръ-офицеры) — постоянная стража при заключенныхъ, не имѣвшіе права, однакожъ, входить къ заключенному безъ жандарма. (Авт.)

Я послѣдовалъ за нимъ, испытывая нѣчто вродѣ изумленія.

Новый мрачный міръ, во всей его неизвѣстности, открывался передо мною; я видѣлъ передъ собою только рѣшетки и низкіе придавливающіе своды. Слабое освѣщеніе небольшой керосиновой лампы скорѣе скрадывало предметы, чѣмъ освѣщало ихъ.

Мы вошли въ комнату, гдѣ тотчасъ же встало нѣсколько солдатъ съ шумомъ и лязгомъ, отдавая честь Богородскому.

— Раздѣньтесь,—приказалъ онъ мнѣ сухимъ голосомъ.

Меня быстро раздѣли, сняли съ меня все, включая рубашку, трясли каждую вещь, обыскивали карманы и всѣ складки платья, затѣмъ быстро нарядили въ тюремное платье, показавшееся мнѣ отвратительнымъ: рубашка, кальсоны, сѣрый халатъ, на ноги плохія туфли—только и всего, не было даже брюкъ.

Мнѣ стало холодно.

Черезъ нѣсколько секундъ я снова шелъ за Богородскимъ, и мнѣ казалось, что я иду по лабиринту коридоровъ и лѣстницъ, утопающихъ въ полутемнотѣ, гдѣ время отъ времени блуждали фантастическіе силуэты солдатъ въ огромныхъ мѣдныхъ каскахъ, страшно отражающихъ на себѣ желто-красный свѣтъ отдаленныхъ лампъ. Это были старыя каски императора Павла I, вполнѣ достойныя его по своему безобразію.

Все было погружено въ гробовое молчаніе, и часовые въ мѣдныхъ каскахъ стояли важно, неподвижно и молча.

Бряцанье шпоръ Богородскаго и шлепанье моихъ туфель—единственные звуки, которые нарушали эту мертвую тишину.

Мы остановились передъ дверью совершенно сходною со всѣми другими дверьми, стоящими вдоль коридоровъ. Только одна эта дверь была открыта, дверь тяжелая, массивная, окрашенная въ желтый цвѣтъ, съ потайнымъ окошечкомъ посрединѣ (іуда, какъ характерно его называютъ французы).

— Войдите!

Онъ началъ показывать мнѣ комнату.

— Вотъ,—сказалъ онъ, указывая на столъ.
— Вотъ,—и онъ указалъ на умывальникъ.
— Вотъ еще.
Это былъ клозетъ.
Хозяйство не многосложно и въ какія-нибудь пол минуты обзоръ былъ оконченъ. Богородскій попрощался со мною и ушелъ, прибавивъ:
— Если вамъ что-нибудь будетъ нужно, вы позвоните. — И онъ указалъ мнѣ при этомъ на кнопку электрическаго звонка.
Дверь глухо закрылась, какъ гробовая доска.
Я остался одинъ, насколько это возможно для живого человѣка.
Моя келія была довольно просторна: шаговъ десять въ длину и пять въ ширину; очень гладкій и низкій сводчатый потолокъ, казалось, хотѣлъ раздавить меня, хотя посрединѣ комнаты его высота достигала около аршина выше моей протянутой руки.
Окно, три раза перекрещенное рѣшеткою, находилось на высотѣ моей головы; оно было почти квадратное, нѣсколько больше въ ширину, чѣмъ въ высоту, очень небольшое и выходило прямо къ стѣнѣ, которая была выше, чѣмъ тюрьма и отстояла отъ нея на полторы или двѣ сажени. Такимъ образомъ, въ окна былъ видѣнъ только кусокъ неба не больше моего каземата. Стѣны набиты толстымъ слоемъ пакли, потомъ обтянуты полотномъ и обклеены обоями. Это было сдѣлано съ той цѣлью, чтобы помѣшать заключеннымъ сноситься другъ съ другомъ посредствомъ перестукиванія.
Все, что было въ камерѣ, было окрашено въ желто-сѣрый цвѣтъ. Асфальтовый полъ, небольшой столъ, табуретъ, постель, умывальникъ, параша и никакой другой мебели, ничего кромѣ маленькаго образка св. Николая съ стереотипнымъ евангеліемъ въ рукахъ.
Камера была очень темна; читать иногда въ теченіе цѣлаго дня можно было только часъ или полтора. Вечеромъ и ночью она освѣщалась керосиновымъ ночникомъ, который давалъ почти въ три раза меньше свѣта, чѣмъ обыкновенная свѣча.
Я долго лежалъ на волосяномъ матрацѣ, уткнувъ голову въ влажную подушку; я не могъ уснуть въ этомъ

гробовомъ молчаніи, которое меня подавляло. Тяжелые шаги часового, проходившаго взадъ и впередъ передъ дверью, были единственнымъ звукомъ, доходившимъ до меня извнѣ.

Иногда солдатъ, очевидно, старался заглушить шумъ своихъ шаговъ и украдкой приближался къ двери; потайное оконце постукивало, и я видѣлъ тогда уставившійся на меня глазъ; затѣмъ окошечко стукало еще разъ, глазъ исчезалъ и опять раздавались монотонные шаги по коридору.

Вотъ раздался бой часовъ на колокольнѣ Петропавловскаго собора. Они отбиваютъ каждую четверть часа; каждый часъ куранты часовъ играютъ гимнъ: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“; въ полдень и въ полночь они исполняютъ національный гимнъ:—„Боже, царя храни!“ Въ эту ночь я слушалъ эти гимны, прославляющіе небесныхъ и земныхъ боговъ, и лежалъ, погруженный въ сознаніе абсолютной изолированности, которая слишкомъ противна человѣческой природѣ, чтобъ можно было ее достойно описать на какомъ-либо человѣческомъ языкѣ.

* * *

Первое время я имѣлъ еще нѣкоторыя развлеченія: меня довольно часто возили на допросы.

Загремитъ, бывало, замокъ.

— Одѣвайтесь скорѣе, крикнетъ присяжный, стоя сзади солдата, принесшаго мою одежду.

Часовой, вооруженный съ ногъ до головы, также продвигался и неподвижно останавливался въ дверяхъ.

По регламенту крѣпости заключенный ни на секунду не долженъ оставаться наединѣ съ кѣмъ бы то ни было; поэтому въ камеры входили всегда цѣлыми процессіями.

Я живо одѣвался и шелъ за присяжнымъ по коридорамъ, радуясь, что слышу стукъ, производимый моими сапогами, напоминавшій мнѣ свободу.

Мы проходили кордегардію, наполненную солдатами, дверь которой съ такимъ трудомъ открылась передо мною въ день моего прибытія. Жандармы, обыкновенно, уже ожидали меня въ каретѣ, и мы ѣхали.

Допрашивали меня въ большинствѣ случаевъ въ III-мъ

отдѣленіи. У слѣдователей въ это время было много работы, такъ какъ ежедневно производились все новые и новые аресты.

Именно эти многочисленные и слишкомъ легкіе аресты всегда и сбиваютъ съ толку и запутываютъ въ Россіи всякое слѣдствіе; вмѣсто того, чтобы разобрать дѣло, кое-что отгадать въ немъ, наши судебные слѣдователи набираютъ новыхъ и новыхъ, такъ называемыхъ подозрительныхъ, большая половина которыхъ имѣетъ лишь очень отдаленное отношеніе къ виновнымъ на самомъ дѣлѣ и только запутываютъ слѣдствіе тысячами сомнительныхъ и лживыхъ показаній. Въ концѣ концовъ, слѣдствіе оказывается разбитымъ, теряется въ цѣлыхъ архивахъ такихъ показаній, гдѣ, какъ говорится, самъ чортъ сломаетъ ногу. Дѣло кончается тѣмъ, что никто ровно ничего не понимаетъ во всемъ дѣлѣ, и освобождаютъ настоящихъ виновныхъ, а обвиняютъ людей безобидныхъ въ воображаемыхъ преступленіяхъ.

Въ нашемъ процессѣ, который велъ знаменитый Жихаревъ, арестовали, напримѣръ, болѣе шестисотъ заподозрѣнныхъ, которые въ большинствѣ случаевъ не имѣли между собою никакой связи, не были даже знакомы другъ съ другомъ, но которыхъ тѣмъ не менѣе слѣдствіе соединило въ одно тайное общество. Позднѣе были вынуждены освободить двѣ трети обвиняемыхъ и создали окончательный процессъ только изъ ста девяноста трехъ подсудимыхъ.

Какъ бы то ни было слѣдователи тогда были очень заняты, и я каждый разъ долженъ былъ подолгу ожидать моихъ допросовъ.

— Подождите, подождите, кричали моему стражу и мы ждали въ прихожей. Вслѣдъ затѣмъ до моего слуха долеталъ топотъ поспѣшныхъ шаговъ и фразы: „проходите въ другую комнату“. Это значило, что торопились освободить для меня комнату, занятую до тѣхъ поръ другимъ обвиняемымъ.

Тогда въ III отдѣленіи была одна большая зала и, какъ мнѣ кажется, четыре небольшихъ комнаты, расположенныя по обѣимъ сторонамъ коридора, который велъ изъ прихожей въ большую залу. Всѣ эти комнаты занимались тѣми, кого приводили на допросы.

Въ одной изъ этихъ красиво обставленныхъ комнатъ въ ожиданіи прокурора я иногда слышалъ, какъ допрашивали кого-нибудь въ сосѣдней комнатѣ.

Нерѣдко голоса поднимались, и я узналъ въ одномъ изъ нихъ голосъ кого-либо изъ моихъ друзей. Я старался приблизиться къ двери, чтобы яснѣе слышать ихъ разговоръ, но меня никогда не оставляли одного. Жандармскіе офицеры ежеминутно входили въ занимаемую мною комнату и каждый разъ обращались съ какой-нибудь любезностью:

— Здоровы ли вы?.. Надѣюсь, что вамъ здѣсь не холодно?.. Они, казалось, чувствовали себя здѣсь хозяевами и оказывали вниманіе, чтобы смягчить грубое и жестокое поведеніе прокуроровъ.

Жандармерія тогда составляла оппозицію прокуратурѣ. Нѣкогда она была совершенно независима въ веденіи политическихъ процессовъ, теперь же ее только что отдали вѣдѣнію господъ прокуроровъ, и послѣдніе употребляли всевозможныя усилія, чтобы доказать правительству свою ревность и усердіе. Отъ избытка этой ревности они часто доходили до настоящей жестокости въ отношеніи къ заключеннымъ. Жандармы при этомъ пожимали плечами, какъ бы говоря:

— Нечего сказать, много выиграли отъ этой реформы!

Наконецъ, появляется прокуроръ, чистенькій, въ бѣлоснѣжныхъ манжетахъ, съ надушеннымъ платкомъ, съ сердцемъ твердымъ какъ скала. Чаще всего это былъ извѣстный Г. Масловскій, котораго, въ концѣ концовъ, я возненавидѣлъ за его грубости.

Необходимо однако-жъ сказать нѣсколько словъ о моихъ преступленіяхъ.

Противъ меня было два обвиненія.

Годъ тому назадъ одинъ молодой человѣкъ, по имени Любавскій, пришелъ ко мнѣ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Х., члена нашего кружка пропагандистовъ въ Петербургѣ. Я еще не принадлежалъ тогда къ этому кружку, но находился съ нимъ въ сношеніяхъ.

Любавскій объяснилъ мнѣ, что онъ имѣетъ дать Х., 7000 рублей, предназначенныхъ для изданій кружка, который выпускалъ тогда много очень цѣнныхъ произведеній. Ихъ издавали вполнѣ легально, представляя на

цензуру, но распространяли по умѣренной цѣнѣ, ниже дѣйствительной на 40—50%.

Я обѣщалъ Любавскому передать по назначенію его 7000 рублей, тотчасъ какъ онъ ихъ мнѣ вручитъ.

Послѣ этого молодой человѣкъ былъ у меня еще нѣсколько разъ; онъ казался мнѣ довольно легкомысленнымъ, и я никогда не посвящалъ его въ свои дѣла. Что касается до денегъ, то я ихъ такъ и не видалъ, но Любавскій нѣсколько разъ пытался объяснить мнѣ, хотя я его не спрашивалъ объ этомъ, что онъ пока не могъ еще реализировать этой суммы.

Теперь этотъ г. Любавскій былъ арестованъ, не знаю по какой причинѣ, и испугавшись началъ раскаиваться въ своихъ политическихъ прегрѣшеніяхъ. Самымъ важнымъ его преступленіемъ оказалось это намѣреніе пожертвовать на дѣло, въ сущности на распространеніе легальной литературы, 7000 рублей. На меня онъ указалъ, какъ на посредника между нимъ и кружкомъ въ Петербургѣ.

Я былъ тогда студентомъ московскаго университета.

Чтобы не возвращаться болѣе къ этому дѣлу, я разскажу и конецъ его. Этотъ бѣдняга Любавскій изъ тюрьмы былъ освобожденъ на поруки и сейчасъ же женился на дочери жандармскаго офицера, фамилію котораго я къ несчастью забылъ. Послѣ этого его процессъ естественно застылъ вплоть до тѣхъ поръ, пока не прекратился окончательно по высочайшему повелѣнію.

Но я, хотя и не имѣлъ преимущества быть женатымъ на дочери жандарма, на самомъ дѣлѣ игралъ въ дѣлѣ Любавскаго только второстепенную роль. Высочайшее повелѣніе, уничтоживъ все дѣло, должно было бы и меня выпустить на свободу. Но это дѣлается только на бумагѣ. Меня объявили свободнымъ отъ всей отвѣтственности по дѣлу Любавскаго, но я долженъ былъ оставаться въ тюрьмѣ по обвиненію въ пропагандѣ между рабочими.

Нужно замѣтить, что въ это время относительно меня не было еще никакого постановленія объ арестѣ; таковой состоялся лишь двѣ недѣли позже; значитъ, я провелъ въ Петропавловской крѣпости пятнадцать дней даже безъ соблюденія надлежащей формальности.

Къ несчастію я могъ узнать всѣ детали обвиненія только черезъ четыре года, когда намъ вручили нашъ обвинительный актъ и допустили къ чтенію всего нашего огромнаго дѣла. Во время процесса Любавскій явился въ качествѣ свидѣтеля. Прокуроръ, не имѣя права обвинять меня, не постѣснялся, однакожъ, ознакомить судъ со всѣмъ этимъ дѣломъ, чтобы только охарактеризовать меня,—это было его подлинное выраженіе.

Другое обвиненіе противъ меня заключалось въ принадлежности къ революціонному кружку и въ участіи въ пропагандѣ рабочихъ. И здѣсь моя роль по указанію свидѣтелей была также лишь второстепенная. По доносу одного студента я обвинялся въ революціонной пропагандѣ, но онъ никогда лично при этомъ не присутствовалъ; рабочіе же показали только, что я училъ ихъ читать, что они получили отъ меня первыя понятія изъ ариѳметики и физики.

Наконецъ, во время ареста я скрылъ свое имя, что отчасти могло указывать на мои дурныя намѣренія, но я объяснилъ это слѣдствіемъ испуга и ненормальнаго состоянія, въ какомъ я былъ во время ареста.

Принимая все во вниманіе, оказывалось, что за мной не было серьезнаго преступленія, тѣмъ болѣе, что и сама революціонная пропаганда не имѣла въ виду непосредственнаго возстанія. Она имѣла цѣлью, какъ говорилъ даже и самъ обвинительный актъ, революцію въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Несмотря на все это меня не желали освободить даже на поруки, что было чистой репрессіей, направленной противъ моей личности, а не противъ моихъ дѣйствій.

Черезъ годъ предварительнаго заключенія меня вызвали и объявили мнѣ, что слѣдствіе было окончено и что я долженъ остаться въ заключеніи до процесса.

— Но скажите мнѣ пожалуйста, обратился я къ прокурору, въ чемъ вы меня обвиняете? Честное слово, я этого не знаю!

— Да, отвѣчалъ онъ мнѣ, это вѣрно—ваша роль второстепенная... Вамъ скорѣе вредитъ недостатокъ искренности, добавилъ онъ.

И правда, искреннимъ на допросахъ я никогда не былъ. Единственное, что утѣшало меня въ это ужасное время, это сознаніе, что я никому не повредилъ, никого не выдалъ. Мои допросы всегда бывали очень кратки.

— Участвовали ли вы въ пропагандѣ?

— Нѣтъ.

— Такой-то участвовалъ ли въ ней?

— Нѣтъ.

— Но вы жили въ одной комнатѣ, вы присутствовали на собраніяхъ рабочихъ, гдѣ производилась эта пропаганда.

— Да, я жилъ въ этой квартирѣ, присутствовалъ на собраніяхъ рабочихъ, но и онъ и я давали только уроки; онъ обучалъ рабочихъ чтенію и ариѳметикѣ.

— Онъ самъ сознался, что пропагандировалъ революціонныя идеи.

— Я не знаю.

— Не хотите ли прочесть его показанія. Это его почеркъ, неправда ли?

Я читалъ, и находилъ дѣйствительно, что онъ сознался.

— Ничего не знаю объ этомъ. Разумѣется, самъ онъ долженъ знать лучше, чѣмъ я, что онъ дѣлалъ, но я рѣшительно ничего не замѣчалъ.

— Ежедневно присутствуя при этомъ?

— Я ничего не замѣтилъ.

Мои допросчики начинали сердиться и, наконецъ, отчаявшись извлечь отъ меня чтобы то ни было, оставляли меня въ покоѣ. Съ мѣсяцъ меня не вызывали вовсе и затѣмъ снова требовали еще разъ.

Прокуроръ радостно встрѣчалъ меня и объявлялъ, что всѣ мои сообвиняемые уже сознались вполнѣ и что поэтому мои отрицанія становятся безполезными.

— До настоящаго времени вы могли опасаться не выдать другихъ, между тѣмъ какъ теперь вы можете говорить откровенно, потому что ваши отрицательныя показанія вполнѣ противорѣчатъ всѣмъ показаніямъ другихъ.

Я чувствовалъ себя тогда уже очень слабымъ; часто болѣлъ, страдалъ сердцебіеніями и не могъ говорить безъ того, чтобы не задыхаться.

— Дайте перо и я дамъ вамъ послѣднее показаніе.

Онъ далъ мнѣ бумагу и удалился.

Я снова написалъ въ краткихъ выраженіяхъ, что я рѣшительно ничего не зналъ и что я никогда не замѣчалъ, что бы кто-нибудь занимался революціонной пропагандой. Я задыхался отъ негодованія. Прочитавъ показанія другихъ, я видѣлъ, что отрицанія безполезны. Всѣ другіе, люди мужественные, безъ сомнѣнія, имѣли глупость сознаться во всемъ. Но почему же тогда прокурору такъ хотѣлось вырвать и у меня показанія противъ моихъ товарищей? Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало сдѣлать изъ меня доносчика. О, подлецы!..

Входитъ прокуроръ. Я не могу говорить и съ улыбкою ненависти протягиваю ему бумагу.

Онъ прочиталъ и пожалъ плечами.

— Какъ вамъ угодно!...

Съ этого момента я былъ, такъ сказать, забытъ до конца слѣдствія. У меня ничего не спрашивали, мнѣ ничего не сообщали. Я былъ совершенно изолированъ въ самомъ строгомъ одиночномъ заключеніи.

* * *

Есть ли какая-нибудь возможность правдиво разсказать о моихъ тюремныхъ дняхъ и особенно ночахъ?

Съ самаго начала я старался найти какую-нибудь работу, какое-нибудь занятіе, чтобы не замѣчать, какъ проходитъ время. Я обращался къ Богородскому съ различными просьбами, но къ сожалѣнію все было запрещено.

— Бумаги и чернилъ.

— О, это совершенно запрещено.

— Тогда аспидную доску.

— Невозможно!

— Книгъ...

— Вамъ принесутъ, что можно здѣсь найти.

— Но я желалъ бы написать одному товарищу, чтобы мнѣ прислали книгъ для занятій... особенно словари...

— Все это невозможно. Я уже просилъ объ этомъ коменданта, но онъ запретилъ вамъ писать кому бы то ни было.

— Какъ, вскричалъ я пораженный, развѣ я не могу написать даже своимъ родителямъ.

— Нѣтъ.

— Но вѣдь они будутъ страшно безпокоиться, не получая отъ меня никакихъ извѣстій...

— Что дѣлать? Запрещено.

Только черезъ годъ эта варварская мѣра была уничтожена, и я могъ написать своему отцу.

Мои письма цензуровались и исправлялись иногда два или три раза. Одновременно съ разрѣшеніемъ писать роднымъ мнѣ позволили достать себѣ хорошій французскій словарь и купить грифельную доску. Но въ теченіе перваго года я пользовался только книгами Богородскаго.

Крѣпостная библіотека впослѣдствіи стала богаче, благодаря пожертвованіямъ, путемъ которыхъ старались хоть немного смягчить горькую судьбу заключенныхъ. Увѣряютъ, что теперь она состоитъ уже изъ нѣсколькихъ тысячъ томовъ. Въ мое время было не такъ. Большинство книгъ были незначительнаго содержанія; три четверти изъ нихъ—только разрозненные номера старыхъ журналовъ, иногда спеціальныхъ — военныхъ, морскихъ, и т. д. Однажды за недостаткомъ книгъ Богородскій предложилъ мнѣ Четьи-Минеи, и я занялся этими гигантскими книгами въ древнемъ кожаномъ переплетѣ. Ихъ странная, почти сумасшедшая, но въ то же время захватывающая поэзія окружила меня фантастическимъ міромъ святыхъ, нечистой силы, чудесъ, бѣснованія и самыхъ высокихъ человѣческихъ добродѣтелей. Вмѣстѣ съ Евангеліемъ это были единственныя книги чего-нибудь стоющія изъ всѣхъ доступныхъ мнѣ въ теченіе этого года... Особенно Евангеліе я могъ изучить здѣсь во всѣхъ его подробностяхъ.

Эта замѣчательнѣйшая изъ всѣхъ существующихъ книгъ требуетъ очень продолжительнаго изученія, но и ея одной не хватило мнѣ на цѣлый годъ, тѣмъ болѣе, что она представляетъ изъ себя матеріалъ очень опасный въ одиночномъ заключеніи, такъ какъ слишкомъ сильно возбуждаетъ воображеніе. При такомъ исключительномъ чтеніи легко сойти съ ума даже человѣку вѣрующему, а невѣрующему въ особенности.

Что же оставалось мнѣ дѣлать?—Ничего.

Просыпался я, обыкновенно, поздно; чаще всего будили меня, принося чай. Я еще лежалъ въ постели, когда присяжный отворялъ дверь, и около меня на столѣ ставили чайникъ съ чаемъ, небольшой хлѣбъ и два маленькихъ куска сахару. Солдатъ вносилъ все это въ сопровожденіи присяжнаго и за ними обоими въ дверяхъ слѣдилъ часовой. Ни часовой, ни солдаты-служителя никогда не сказали мнѣ ни единаго слова—это было строго запрещено. Присяжный былъ болѣе свободенъ, онъ по крайней мѣрѣ здоровался со мною, и я могъ даже спросить его, напримѣръ, сколько времени, когда у насъ будетъ баня и пр. Хотя и лаконически, онъ все-таки отвѣчалъ на мои вопросы.

Я пилъ чай и вставалъ съ постели. А потомъ?..

Частенько, особенно зимою, въ моей камерѣ было темно до 11 часовъ, и я совершенно не могъ читать. Тогда я прогуливался изъ угла въ уголъ большими шагами, размышлялъ, мечталъ, пока не наступало время прогулокъ. Обычная процессія сторожей приносила мнѣ платье, и я выходилъ въ нашъ маленькій садъ.

Я не могъ удержаться отъ улыбки, сравнивая мои первыя впечатлѣнія отъ крѣпости съ дѣйствительнымъ планомъ ея, въ сущности совершенно простымъ. Наша тюрьма представляла изъ себя длинный пятиугольный домъ, внутри котораго былъ расположенъ маленькій садикъ. Одна сторона дома—линія фасада—занималась кордегардіей, кухней и квартирой смотрителя; четыре другихъ стороны его были приспособлены къ одиночнымъ камерамъ; послѣднія вытягивались во всю длину наружныхъ стѣнъ дома, а внутреннія его стѣны выходили въ садикъ и были заняты широкимъ коридоромъ, куда въ свою очередь выходили двери камеръ и гдѣ всегда находились часовые. Домъ этотъ былъ въ сущности одноэтажный, но имѣлъ еще этажъ на уровнѣ земли, также раздѣленный на камеры. Общее число камеръ во всей тюрьмѣ доходило почти до 70. Вотъ и все. По срединѣ садика—маленькій домъ—баня.

Прогулки по саду не доставляли особеннаго удовольствія; этотъ маленькій молодой еще садикъ съ немногочисленными захирѣвшими деревцами, рѣдко за-

сѣянный цвѣтами, только напоминалъ о свободѣ, объ обществѣ и о настоящей природѣ. Онъ возбуждалъ и раздражалъ меня. При томъ и часовые, расхаживающіе по окружности сада и никогда не выпускавшіе меня изъ вида, приводили меня въ крайнее раздраженіе. Я смотрѣлъ на нихъ съ досадою, смѣшанной съ жалостью и думалъ про себя:

— Бѣдняги! Вы тоже рабы, какъ я, и вы думаете, что исполняете вашъ священный долгъ, мучая людей, которые хотѣли бы принести вамъ-же свободу!

Эти часовые портили мнѣ кровь и настроеніе. Печальный и угрюмый я ходилъ по срединѣ садика и замѣчалъ иногда въ окнѣ квартиры Богородскаго молодого человѣка, почти ребенка. Это былъ его сынъ, часто приходившій къ отцу изъ своей военной школы. Онъ наблюдалъ за прогулкой заключенныхъ и все время не отходилъ отъ окна. Иногда я видалъ его у дверей отцовской квартиры въ той-же внимательной и задумчивой позѣ.

— Что смотритъ и что думаетъ этотъ молодой кадетъ? спрашивалъ я себя. Навѣрное онъ изучалъ искусство душить людей.

Но никогда не слѣдуетъ судить о людяхъ слишкомъ поспѣшно. Нѣсколько лѣтъ спустя этотъ молодой человѣкъ самъ былъ заключенъ въ одну изъ камеръ крѣпости по обвиненію въ организаціи сношеній между заключенными и ихъ друзьями на свободѣ. Значитъ, вѣчно задумчивый, пристально разсматривая насъ, онъ изучалъ что-то другое, а не искусство душить людей.

Прогулка продолжалась полъ-часа, когда заключенныхъ было еще мало, потомъ намъ давали только 20 минутъ и кончили тѣмъ, что водили насъ въ садикъ только на четверть часа и то лишь одинъ разъ въ три дня. Впрочемъ, я лично сожалѣлъ объ этомъ очень мало.

Возвратившись домой, я снова предавался праздности вплоть до обѣда. Иногда меня посѣщалъ Богородскій. Частенько я прихварывалъ, и тогда являлся докторъ. Относительно обоихъ этихъ лицъ я не могу сказать ничего дурного. Позднѣе я кое-что слыхалъ о жестокости Богородскаго, но лично на себѣ я не испыталъ ничего подобнаго. Это былъ человѣкъ загрубѣлый на

службѣ тюремщика, но иногда онъ казался мнѣ доступнымъ чувству сожалѣнія. Разъ, видя меня печальнымъ, онъ принесъ мнѣ нѣсколько великолѣпныхъ солдатскихъ сухарей.

— Я замѣтилъ, сказалъ онъ мнѣ, что вы собираете крошки хлѣба, чтобы высушить ихъ—значитъ, вы любите сухари.

Ей-богу, я былъ тронутъ такимъ участіемъ. Другой разъ, на Рождествѣ, онъ прямо удивилъ меня.

Рождество, этотъ поэтическій праздникъ, столь популярный у насъ на югѣ, ночь пѣсенъ, прогулокъ, гуляній... въ первый разъ я долженъ былъ провести его въ тюрьмѣ.

Угрюмый, съ поникшей головой, стоялъ я у двери моей камеры, чтобы услышать хоть какой-нибудь отдаленный праздничный шумъ. Мой часовой, вѣроятно, тоже думалъ больше о праздникѣ, чѣмъ о своей службѣ; присяжные собрались въ ихъ комнатѣ на другомъ концѣ коридора и весело разговаривали, надо полагать, тоже о праздникѣ.

Долго я стоялъ у двери, какъ будто мнѣ чувствовалось здѣсь легче, будто я былъ ближе къ людямъ... Вдругъ я услышалъ шаги, шпоры... Это Богородскій вошелъ въ мою камеру. Была уже полночь.

Онъ былъ очень веселъ и почти пьянъ.

— Я пришелъ поздравить васъ съ праздникомъ... Знаете... Мы сидѣли у меня въ квартирѣ... былъ докторъ... Что дѣлать? Намъ было веселѣе, чѣмъ вамъ. Ну, что-жъ!.. Во всякомъ случаѣ желаю вамъ всего хорошаго...

Онъ старался хоть немного развлечь меня, но бѣдняга былъ не краснорѣчивъ, и я полагаю, что онъ гораздо лучше пилъ, чѣмъ говорилъ. Да и что у насъ могло быть общаго, чтобы поддержать разговоръ? Во всякомъ случаѣ, если онъ хотѣлъ меня утѣшить немного, онъ, конечно, сдѣлалъ это, выразивъ мнѣ свою симпатію.

Докторъ, старый военный врачъ, совершенно сѣдой, всегда казался мнѣ очень добродушнымъ. Когда онъ посѣщалъ меня, онъ оставался долго, шутилъ, давалъ совѣты и, въ общемъ, всегда ободрялъ меня. Нѣкото-

рые товарищи считали его человѣкомъ безъ сердца, но я и его вспоминаю съ чувствомъ признательности.

Эти посѣщенія, очень рѣдкія, не могли наполнить пустоты моего существованія.

Чай, прогулка, обѣдъ, вечерній чай, иногда баня— вотъ событія, отмѣчающія день.

Питаніе въ крѣпости было довольно хорошо, къ несчастію... такъ какъ, по моему мнѣнію, одиночно заключенный долженъ чувствовать себя счастливѣе, если онъ всегда немного голоденъ. Это ощущеніе голода являлось бы развлеченіемъ и, отвлекая заключеннаго отъ тяжелыхъ думъ о будущемъ, приводило бы его къ идеямъ положительнаго характера. Когда онъ сытъ, у него кромѣ того является потребность къ дѣятельности, а отсутствіе дѣятельности, труда, впечатлѣній въ тысячу разъ ужаснѣе, чѣмъ физическія лишенія.

Я изобрѣталъ всевозможные способы, чтобы замѣнить отсутствіе работы чѣмъ-нибудь такимъ, что могло бы отвлечь меня отъ постоянной мысли о моемъ будущемъ, о лучшихъ годахъ моей жизни, которые теперь протекали такъ уныло и непроизводительно. Но все было напрасно.

Я рѣшилъ ежедневно совершать прогулку до 20 вер. Для этого я тщательно измѣрилъ мою камеру, сосчиталъ, сколько разъ нужно пройти по ней для того, чтобъ это составило положенное число верстъ. Я хотѣлъ заняться кромѣ того гимнастикой, но страшная сырость камеры (я жилъ поочередно въ четырехъ) скоро вызвала у меня ревматическія боли. Особенно мучительны были боли въ суставахъ. Такимъ образомъ, для физическаго упражненія я долженъ былъ довольствоваться своими 20 верстами прогулокъ.

Все это меня утомляло, но нисколько не мѣшало мнѣ думать: мысли душили меня. Я не умѣлъ плакать, но еслибъ я могъ плакать, я плакалъ бы горькими слезами не изъ-за переживаемыхъ несчастій, но при видѣ того, какъ глупо, печально и безполезно проходитъ моя жизнь. Чтобы сколько-нибудь отвлечься отъ этихъ мыслей, я задавалъ себѣ разныя умственныя работы. То я рѣшалъ какую-нибудь задачу по соціологіи, то разрѣшалъ какой-нибудь философскій вопросъ или вопросъ по рус-

ской политикѣ и пр. и принуждалъ себя обсуждать ихъ систематически, взвѣшивая все за и противъ.

Большими шагами ходилъ я по моей камерѣ и разсуждалъ самъ съ собою. Съ этихъ поръ я не могу равнодушно смотрѣть на животныхъ, запертыхъ въ клѣткахъ въ манежѣ: они всегда напоминаютъ мнѣ мои нескончаемыя прогулки...

Такой умственный отвлеченный трудъ значительно облегчалъ меня, иногда же всѣ мои усилія оставались тщетными, и мысли полныя отчаянія завладѣвали всѣмъ моимъ существомъ, какъ какое-нибудь наводненіе, затопляющее и прорывающее плотину.

— Безумный,—кричали онѣ мнѣ,—къ чему это упорство во чтобы-то ни стало сохранить себя? Ты погибъ во всякомъ случаѣ. Ты видишь, что рѣшено тебя задушить здѣсь...

Тогда я удваивалъ свои усилія и между прочимъ переставалъ ѣсть, чтобы заглушить мысли чувствомъ голода, или начиналъ курить въ два или три раза больше, чѣмъ обыкновенно, и когда чувствовалъ себя отравленнымъ, внезапно переставалъ курить вовсе, чтобы испытать муки завзятаго курильщика, лишеннаго табаку. Два или три дня я былъ счастливъ, потому что думалъ только о табакѣ, не испытывалъ никакой другой борьбы, кромѣ желанія курить съ тѣмъ сознаніемъ, которое мнѣ запрещало дѣлать это.

Черезъ 2—3 дня я чувствовалъ уже, что лишеніе табака переставало мучить меня и я снова начиналъ думать о тѣхъ же докучныхъ предметахъ; я опять начиналъ курить въ усиленныхъ размѣрахъ, опять бросалъ куреніе и т. д.

Однажды я надумалъ сдѣлать карты, чтобы раскладывать пасьянсы.

Это было дѣломъ не легкимъ.

Въ теченіе долгаго времени я собиралъ папиросные мундштуки и сдѣлалъ себѣ нѣчто въ родѣ карандаша изъ чернаго хлѣба, смѣшаннаго съ сажей моего ночничка. Наконецъ, были готовы всѣ тузы и короли, но, увы! Моимъ мѣсячнымъ трудомъ я пользовался едва лишь нѣсколько дней.

Во время прогулокъ присяжные всегда обыскивали

камеру гуляющаго; разумѣется, они скоро нашли мои карты и похитили ихъ.

Регламентъ крѣпости запрещалъ такое развлеченіе.

Тотъ день, когда солнце посѣтило мою камеру, всего только на нѣсколько минутъ, былъ для меня настоящимъ праздникомъ; я подобралъ куски той цвѣтной бумаги—желтой, зеленой и розовой, какая всегда имѣется въ русскихъ папиросахъ, и расположилъ ихъ такимъ образомъ, что они освѣщались этимъ солнечнымъ лучемъ. Я до тѣхъ поръ наслаждался созерцаніемъ этого снопа живыхъ цвѣтовъ, пока присяжный не отнялъ у меня эту бумагу, мою живую радугу...

— Что вы тутъ дѣлаете? — спросилъ меня Богородскій подозрительнымъ тономъ.

Такъ какъ я не могъ признаться ему въ моей ребячьей радости при видѣ живыхъ цвѣтовъ радуги послѣ созерцанія въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ только однообразнаго сѣраго тона, то я не отвѣчалъ ему вовсе, и, мнѣ кажется онъ остался въ увѣренности, что имѣлъ дѣло съ чѣмъ-то дѣйствительно подозрительнымъ. У меня отняли бумагу, но у меня было еще мыло и я сталъ дѣлать мыльные пузыри, чтобы наслаждаться многоцвѣтнымъ отраженіемъ въ нихъ моего солнечнаго луча.

Все это, однакожъ, не могло спасти меня отъ самого себя. Я всегда чувствовалъ себя нервно разстроеннымъ, въ вѣчной досадѣ и въ постоянныхъ напрасныхъ ожиданіяхъ чего-то невѣдомаго. Каждый день я ждалъ или освобожденія или приговора, то или другое, мнѣ было все равно. Ежедневно мои надежды обманывали меня, и, ложась спать, я мечталъ о томъ, чтобы ночь прошла скорѣе, для того чтобы узнать, не принесетъ ли съ собою чего-либо болѣе счастливаго наступающее утро.

Обыкновенно я спалъ хорошо, сонъ укрѣплялъ меня и почти всегда я видѣлъ только хорошіе сны.

Но мало-по-малу я потерялъ и это утѣшеніе. Къ вечеру я сталъ чувствовать себя болѣе раздраженнымъ и изнуреннымъ. Черныя мысли овладѣвали мною въ этомъ угрюмомъ молчаніи, гдѣ я слышалъ только тяжелые шаги часового, да иногда шлепанье туфель сосѣда по заключенью, который бѣгалъ по своей камерѣ въ такомъ же нервномъ возбужденіи.

Окошечко въ дверяхъ постукивало и глазъ часового приближался къ нему.

— Что смотритъ этотъ глупецъ?

Это выводило меня изъ себя... Черезъ 2 или 3 минуты онъ смотрѣлъ опять. Все больше и больше я приходилъ въ настоящее бѣшенство.

Это постоянное шпіонство могло надолго сдѣлать меня полусумасшедшимъ или, лучше сказать, оно, навѣрное, свело бы меня съ ума. Позднѣе я спрашивалъ многихъ изъ заключенныхъ объ ихъ впечатлѣніяхъ отъ этого постояннаго шпіонства, и всѣ они подтверждали мое наблюденіе.

Я обѣщалъ себѣ не обращать вниманія на часового и оставаться хладнокровнымъ, но уже черезъ четверть часа я не владѣлъ собою. Я начиналъ ругаться, схватывалъ первый попавшійся подъ руку предметъ и бросалъ его въ двери, но и это не производило ровно никакого впечатлѣнія на часового, который все же продолжалъ время отъ времени подсматривать за мною.

Иногда въ бѣшенствѣ я вооружался какимъ-нибудь предметомъ, чтобы разбить стекло окошечка и выколоть глаза этому надоѣдливому шпіону; съ этой цѣлью я выслѣживалъ его, стоя у двери, но солдатъ, очевидно, былъ знакомъ со всѣми этими хитростями и въ этихъ случаяхъ неподвижно останавливался въ нѣсколькихъ шагахъ и выжидалъ, пока я не утомлюсь безплоднымъ выслѣживаніемъ и не оставлю свою позицію.

Это шпіонство всегда возмущало меня особенно вечеромъ; оно мѣшало мнѣ спать и когда, наконецъ, я засыпалъ, меня начинали душить ужасающіе кошмары, почти всегда фантастическія привидѣнія, порожденныя моимъ душевнымъ состояніемъ. То это было чудовище, которое пожирало меня, то я скользилъ по ледяному пространству, увлекавшему меня къ невѣдомой бездонной пропасти... Я просыпался въ ужасѣ, покрытый холоднымъ потомъ. Сны эти бывали настолько ужасны, что я начиналъ испытывать нѣкоторый страхъ передъ наступающей ночью и старался не засыпать, какъ можно долѣе.

Самое ужасное было то, что въ концѣ-концовъ я видѣлъ себя только одѣтымъ въ мой тюремный костюмъ;

значитъ, тюрьма настолько охватила все мое существо, такъ запечатлѣлась въ глубинѣ моей души, что даже во снѣ я не былъ въ состояніи вызвать какія-либо другія воспоминанія!

Современные юристы увѣряютъ, какъ мнѣ кажется, что девяти мѣсяцевъ одиночнаго заключенія вполнѣ достаточно, чтобы разбить злую волю преступника. Эти близорукіе мудрецы, на пространствѣ цѣлыхъ вѣковъ не сумѣвшіе понять, что злой воли не существуетъ вовсе и что всякое преступленіе есть только простая случайность, воображаютъ себѣ, что правильно опредѣлили срокъ своей цивилизованной пытки, необходимый для сокрушенія злой воли. Девять мѣсяцевъ одиночнаго заключенія способны совсѣмъ погубить человѣка!

Спустя именно девять мѣсяцевъ или около этого я почувствовалъ себя чрезвычайно слабымъ, сталъ страдать такими мучительными сердцебіеніями, что не могъ болѣе ни лежать, ни ходить. Докторъ предписалъ мнѣ лекарство и настойчиво совѣтовалъ не думать ни о чемъ, особенно о моемъ положеніи. Легко, конечно, давать совѣты, но гдѣ взять силы исполнить ихъ?

Однако-жъ время шло, и я, такъ сказать, консервировался, замерзалъ; моя чувствительность притуплялась, я становился болѣе спокойнымъ.

Однажды я сказалъ себѣ:

— Такъ какъ до сихъ поръ я не умеръ, такъ какъ я не могу устроить себѣ побѣга изъ крѣпости, стало быть, нужно жить, насколько это возможно. Безполезно волноваться, безполезно ожидать, безполезно отчаиваться!

И съ большимъ удивленіемъ я увидѣлъ, что могу заставить себя не думать ни о чемъ такомъ, что меня волновало. Правда, это требовало постоянныхъ усилій, но все же сдѣлалось возможнымъ. Такимъ образомъ, съ начала второго года моего заключенія я началъ брать себя въ руки. Въ то же самое время я сталъ замѣчать, что постепенно утрачиваю ясность моего духа, что моя память ослабѣваетъ и что мой умъ становится менѣе прозорливымъ.

Я рѣшилъ про себя:

— Теперь вопросъ только во времени, когда мнѣ придется стать настоящимъ идіотомъ.

Но я уже настолько ослабѣлъ, что даже эта ужасная мысль не волновала меня болѣе.

— Ну-съ,—отвѣчалъ я себѣ,—нужно стараться, чтобы это случилось какъ можно позднѣе. Да и что тутъ подѣлаешь? Если это неизбѣжно—я сдѣлаюсь идіотомъ—вотъ и все!

Однако, вскорѣ послѣ этого я получилъ позволеніе писать моимъ роднымъ и досталъ себѣ французскій словарь. Съ этихъ поръ я сталъ усидчиво изучать французскій языкъ и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ работы зналъ его гораздо лучше, чѣмъ знаю теперь. Но мнѣ приходилось только читать словарь, выучивать его наизусть, предоставляя себѣ чтеніе книгъ на будущія времена.

Скоро я сталъ болѣе спокойнымъ, но это спокойствіе, было спокойствіемъ смерти.

* * *

Но случилось одно обстоятельство, которое спасло меня.

Въ началѣ моего заключенія я былъ почти одинъ во всей крѣпости, даже одинъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Потомъ все чаще и чаще до меня доносилось бряцанье шпоръ и шлепанье туфель въ коридорѣ. Я понималъ, что это обозначало. Отворяли дверь... да, ее несомнѣнно отворяли; потомъ она съ обычнымъ трескомъ запиралась снова; очевидно, это былъ новый товарищъ по несчастію.

Вскорѣ я сталъ находить и разбирать на оловянныхъ тарелкахъ имена заключенныхъ; я писалъ также свою фамилію, постоянно ссорясь съ Богородскимъ, который на все это ужасно злился. Присяжные всегда стирали такія надписи и всѣ оловянныя тарелки, благодаря этому скоро покрылись царапинами.

Все же, тѣмъ или инымъ способомъ, мнѣ удалось узнать фамиліи нѣсколькихъ заключенныхъ.

Разъ я прочиталъ слѣдующую надпись на французскомъ языкѣ: „обратите вниманіе на шаги номера...“ Это былъ какъ разъ номеръ, сосѣдній съ моей камерой,

но я напрасно прислушивался къ шагамъ, рѣшительно ничего не понимая. Въ то время не существовало еще азбуки передаваемой стукомъ, но вскорѣ послѣ этого она распространилась по всѣмъ тюрьмамъ, гдѣ содержались политическіе.

Лѣтомъ черезъ форточку въ мою камеру прилетало много мухъ. Мнѣ пришла мысль утилизировать ихъ въ качествѣ почтальоновъ; я приготовилъ нѣсколько записокъ на папиросной бумагѣ, поймалъ соотвѣтственное количество мухъ, привязалъ записочки къ ихъ лапкамъ и пустилъ ихъ. Послѣ я спрашивалъ товарищей объ этихъ мухахъ-почтальонахъ, но оказалось, что всѣ усилія мои были напрасны: никто рѣшительно не получалъ моей корреспонденціи.

Въ концѣ-концовъ количество заключенныхъ настолько возросло, что Богородскому пришлось размѣстить ихъ по сосѣднимъ камерамъ безъ всякихъ промежутковъ, и тогда стало уже невозможнымъ помѣшать ихъ общенію между собою.

Разъ я услыхалъ стукъ въ стѣну недалеко отъ меня. Я отвѣчалъ стукомъ же и началъ считать удары. Ударили 11 разъ, потомъ 3 раза, потомъ 14, потомъ опять 3; по русскому алфавиту это означало Л, В, О, В,— Львовъ... Это была фамилія одного изъ моихъ друзей! Обрадовавшись я протелеграфировалъ ему свое имя...

Мой собесѣдникъ оказался, дѣйствительно, Исаакомъ Львовымъ. Мы съ нимъ скоро упростили нашу телеграфную азбуку, сдѣлавъ ее очень удобною и скорою. Вслѣдъ за этимъ послѣдовало множество подобныхъ же упрощеній, но самой употребительной осталась слѣдующая:

	1	2	3	4	5
1	а	б	в	г	д
2	е	ж	з	и	к
3	л	м	н	о	п
4	р	с	т	у	ф
5	х	ц	ч	ш	щ
6	ы	ь	ю	я	й

Каждую букву обозначали двумя ударами: первымъ

ударомъ указывался рядъ, вторымъ буква этого ряда. Такъ, чтобы сказать слово: тюрьма, нужно стучать 4 и 3, 6 и 3, 4 и 1, 6 и 2, 3 и 2 и 1 и 1 разъ.

Получался настоящій телеграфъ.

Когда привыкнешь къ этому способу, привыкнешь стучать и понимать стукъ, можно легко разговаривать о чемъ угодно, можно обсуждать всевозможные вопросы, и при томъ очень скоро, тѣмъ болѣе, что каждое слово угадывалось, обыкновенно, съ двухъ или трехъ буквъ; напримѣръ, вмѣсто слова тюрьма, стучали только тюр... и пр.

Скоро я такъ наловчился въ этомъ своеобразномъ языкѣ, что по стуку узнавалъ любого изъ своихъ товарищей, какъ узнаютъ по голосамъ. Я отлично понималъ настроеніе своего сосѣда, былъ ли онъ веселъ, печаленъ или взбѣшенъ. Позднѣе, съ первыхъ же ударовъ я узналъ мужчина или женщина перестукивается со мною. Женщины всегда стучатъ настолько быстро, что я не могъ сосчитывать числа ихъ ударовъ и всегда долженъ былъ просить сосѣдку не торопиться.

Когда былъ изобрѣтенъ этотъ способъ сношеній между нами, наша жизнь сдѣлалась не такъ ужасна. Съ этого времени, собственно говоря, мы не были уже въ одиночномъ заключеніи, такъ какъ могли бесѣдовать о нашихъ дѣлахъ, огорченіяхъ, надеждахъ...

Каждый изъ насъ былъ обязанъ посвящать часть дня на то, что мы называли нашей почтой. Стучали обыкновенно:

— Постъ № такой-то!

Иногда эти номера были на противоположныхъ концахъ тюрьмы.

— Номеръ такой-то передаетъ номеру такому-то слѣдующее.

Хочешь не хочешь—надо было передавать телеграмму дальше. Эта обязательная работа была подчасъ мнѣ очень непріятна, тѣмъ болѣе, что въ это время я уже изучалъ французскій языкъ. Кромѣ того, наше перестукиваніе ежедневно заканчивалось очень непріятными и даже ужасными сценами съ присяжными, съ Богородскимъ, особенно вначалѣ, когда они надѣялись еще разными репрессіями запугать насъ.

Какъ бы то ни было, существованіе сдѣлалось для меня сколько-нибудь сноснымъ. Я могъ по крайней мѣрѣ жалобой облегчить себѣ душу; я былъ обязанъ утѣшать другого, а вѣдь ничего нѣтъ ободрительнѣе для человѣка, какъ эта высокая обязанность.

У меня было много больныхъ сосѣдей, нѣкоторые даже умерли въ тюрьмѣ. Бѣдный Исаакъ Львовъ успѣлъ только попрощаться со мною и сообщить, что его переводятъ въ лазаретъ, изъ котораго онъ уже не надѣялся выйти. Другой больной долго оставался рядомъ со мною и умеръ лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Все это было очень тяжело, конечно, но все же я не оставался болѣе въ полномъ одиночествѣ, какъ нѣсколько ранѣе.

Я думаю, что именно это только что описанное обстоятельство спасло меня отъ моего изнеможенія и отъ того равнодушія, которое перемежалось съ приступами отчаянія и бѣшенства и которое въ сущности было, вѣроятно, только началомъ моего психическаго разстройства.

* * *

Однажды въ началѣ 1876 года Богородскій вошелъ ко мнѣ въ сопровожденіи своего обычнаго конвоя. Солдатъ принесъ мои вещи.

— Одѣвайтесь,—сказалъ мнѣ Богородскій,— и соберите ваши книги—вы уѣзжаете отъ насъ.

— Какъ!?

— Я не знаю, куда васъ повезутъ; можетъ быть, васъ выпустятъ на свободу... не знаю.

Даже онъ казался обрадованнымъ, и теперь еще я спрашиваю себя, былъ ли онъ достаточно жестокъ, чтобъ шутить такимъ образомъ, или онъ, дѣйствительно, не зналъ, куда меня отправляли.

Я задрожалъ при этой неожиданной новости и не смѣлъ вѣрить своему счастію; собрать мой багажъ мнѣ было не трудно, и спустя двѣ-три минуты я уже сидѣлъ въ каретѣ и ѣхалъ въ сопровожденіи жандармскаго офицера и жандарма.

Я былъ такъ взволнованъ, что не смѣлъ говорить изъ боязни выдать себя дрожью моего голоса и по той

же причинѣ былъ совершенно не способенъ обращать вниманіе на путь, по которому мы слѣдовали. Вскорѣ наша карета остановилась передъ большимъ домомъ на Шпалерной улицѣ. Въ самый послѣдній моментъ, даже при входѣ въ домъ, я еще не зналъ, гдѣ я былъ.

Эта новая тюрьма была выстроена во время моего заключенія и официально называлась Домомъ предварительнаго заключенія. Это была совершенно новая постройка, съ новыми правилами содержанія и представляла изъ себя первую сколько-нибудь цивилизованную тюрьму въ Россіи.

Въ сущности я перемѣнилъ только мѣсто заключенія, и это меня нѣсколько разочаровало вначалѣ.

Надо сказать, что Предварилка, какъ попросту называли ее, не производила совсѣмъ тяжелаго и мрачнаго впечатлѣнія крѣпости и въ сравненіи съ послѣднею казалась даже веселою и красивою; повсюду было тепло, обширные коридоры были свѣтлы, оковка и мѣдь на лѣстницахъ блистали чистотой и пр. Это было огромное учрежденіе, заключавшее въ себѣ два двора, окруженные непрерывными постройками въ пять этажей кромѣ подвальнаго. Часть дома была занята камерами для общаго содержанія, другая часть для одиночно-заключенныхъ. Обѣ части отдѣлены другъ отъ друга больницей и мастерскими. Корпусъ, раздѣлявшій два двора, былъ занятъ конторою, банями, школой, церквами русской и лютеранской, квартирами служащихъ и пр. На другомъ дворѣ было женское отдѣленіе, кухня и помѣщеніе для низшихъ служащихъ.

Все это учрежденіе составляло свой отдѣльный, совершенно особый міръ.

Меня помѣстили въ отдѣленіе одиночнаго заключенія, въ шести этажахъ котораго, включая сюда и подвальный, было расположено триста камеръ; они занимали весь внутренній фасадъ, выходящій во дворъ; наружный фасадъ былъ занятъ двумя коридорами, одинъ въ высоту четырехъ этажей и другой, надъ нимъ, въ высоту двухъ. Всѣ камеры своими дверьми выходили въ эти коридоры на легкую желѣзную постройку, которая, такимъ образомъ, примыкала къ внутренней стѣнѣ коридоровъ, т. е. къ стѣнамъ камеръ, и у каждаго этажа

камеръ былъ свой балконъ и всѣ эти балконы соединялись желѣзной лѣстницей.

Домъ предварительнаго заключенія не имѣлъ цѣли наказывать содержавшихся въ немъ, и потому его правила требовали, чтобы права заключенныхъ уважались постольку, поскольку это не противорѣчило ходу слѣдствія. Жизнь здѣсь была гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ Петропавловской крѣпости. Здѣсь мы пользовались множествомъ льготъ, отсутствіе которыхъ въ крѣпости дѣлало существованіе положительно невыносимымъ. Тамъ я былъ человѣкомъ совершенно безправнымъ, здѣсь же, при первомъ появленіи въ камерѣ, бросалось въ глаза прибитое къ стѣнѣ извлеченіе изъ правилъ, перечислявшее всѣ обязанности и права заключенныхъ.

Хотя права эти были и не широки, но все же они были. Я могъ имѣть, напримѣръ, чернила и нумерованную бумагу; имѣлъ право время отъ времени ходить въ церковь, мнѣ не былъ запрещенъ ручной трудъ въ камерѣ и, главное, я могъ носить собственную одежду.

Честное слово, я былъ счастливъ, увидавъ себя освобожденнымъ отъ этого отвратительнаго тюремнаго платья!

Здѣсь я, дѣйствительно, могъ работать и исписывалъ цѣлыя тетради, начавъ изученіе нѣкоторыхъ интересовавшихъ меня вопросовъ.

Но что сдѣлало нашу жизнь терпимой, что помогло доброй половинѣ изъ насъ не умереть или не сойти съ ума въ теченіе долгихъ трехъ или четырехъ лѣтъ предварительнаго заключенія, такъ это общее теченіе современной мысли.

Мы переживали эпоху послабленій.

Жестокія репрессіи, настоящая истребительная война, которую правительство открыло противъ пропагандистовъ (съ 1874 г.) начинала утомлять общественное мнѣніе, и это утомленіе не могло остаться безъ вліянія даже и на самыхъ агентовъ правительства. Кромѣ того, война за освобожденіе славянъ становилась у насъ все болѣе и болѣе популярной—пробудился освободительный духъ. А мы, или по крайней мѣрѣ большинство изъ насъ, по существу дѣла, развѣ были болѣе виновны, чѣмъ всѣ сербскіе и болгарскіе патріоты? Наконецъ, наше правительство имѣло неблагоразуміе начать войну

съ Турціей, а Россія при каждой войнѣ пользуется большей свободою, потому что правительство въ этомъ случаѣ нуждается въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія. Общественное же мнѣніе, имѣвшее какое-нибудь значеніе въ жизни, требовало снисхожденія и справедливости для насъ. Правительство долго отвѣчало на это безжалостными процессами, но чѣмъ болѣе оно посылало людей въ каторжныя работы, тѣмъ болѣе общественное мнѣніе чувствовало себя оскорбленнымъ, тѣмъ смѣлѣе оно вмѣшивалось въ наше дѣло и въ нашу пользу.

Это былъ своего рода habeas corpus.

Такъ какъ намъ покровительствовало само общество, то всяческія послабленія и облегченія проникали къ намъ черезъ всѣ поры тюрьмы.

Для заключенныхъ это время было исключительнымъ временемъ.

Наша тюрьма стала складочнымъ мѣстомъ для политическихъ обвиняемыхъ. Бывали моменты, когда здѣсь собиралось по двѣсти и двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, арестованныхъ по политическимъ дѣламъ, и отдѣленіе одиночнаго заключенія въ дѣйствительности сдѣлалось политическимъ отдѣленіемъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ это были люди достойные, внушавшіе невольную симпатію своимъ тюремщикамъ. Съ другой стороны, они были людьми рѣшительными и до послѣдней возможности раздраженными продолжительнымъ лишеніемъ свободы. Они не отступали рѣшительно ни передъ чѣмъ, что могло доставить имъ хоть малѣйшую льготу.

Итакъ, ради сожалѣнія, ради чувства справедливости, наконецъ, изъ боязни грандіозныхъ скандаловъ, намъ всегда дѣлали все возрастающія уступки. Сперва насъ наказывали строго, иногда запирали въ карцеръ, но это не вело рѣшительно ни къ чему, и, въ концѣ концовъ, насъ предоставили самимъ себѣ.

Въ 1877 году одиночное заключеніе на самомъ дѣлѣ, фактически не существовало.

Я не буду говорить о 1876 годѣ, такъ какъ въ этотъ годъ тюремная жизнь не представляла ничего особеннаго.

Почти всѣ мы занимались различными работами въ нашихъ камерахъ. Картонажныя работы были особенно удобны при этихъ условіяхъ; было у насъ нѣсколько портныхъ, граверовъ по дереву, нѣкоторые пописывали. Я лично сотрудничалъ тогда въ одномъ журналѣ и этимъ кое-что зарабатывалъ себѣ на пропитаніе.

Нужно сказать, что кормили насъ изъ рукъ вонъ плохо. Кромѣ чая каждому выдавали большой кусокъ чернаго хлѣба. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ блюдъ: различныя комбинаціи щей, щей настолько отвратительныхъ, что ихъ не стала бы есть и свинья, потомъ каша или супъ съ сухими снитками и, наконецъ, гнилой горохъ. Вечеромъ давали только щи. На день для пропитанія каждаго заключеннаго отпускали только пять копеекъ, при чемъ получалась еще безстыдная и воровская экономія. Было рѣшительно невозможно жить долго при такомъ питаніи, и мы вынуждены были покупать кое-что на свои средства, чтобы улучшить сколько-нибудь нашъ режимъ. Цѣлый кружокъ филантроповъ собиралъ деньги съ этой цѣлью, и мы получали такимъ образомъ нѣкоторую, правда, очень умѣренную субсидію.

Съ воли намъ посылали также кое-что и изъ готовой пищи: ветчину, пироги и пр., но на 100 или 200 человѣкъ, конечно, это было слишкомъ недостаточно.

Гигіеническая сторона дѣла въ новой тюрьмѣ въ общемъ оставляла желать многаго. Камеры были очень маленькія: пять шаговъ въ длину и три въ ширину и, несмотря на хорошо устроенную вентиляцію, все же имѣли очень дурной воздухъ. Движеніе въ этихъ камерахъ было совершенно невозможно, ходить было негдѣ и заключенному волей неволей приходилось всегда сидѣть. Вслѣдствіе всего этого больныхъ въ тюрьмѣ было такъ много, что лазаретъ ея вмѣщалъ только половину, а то и третью часть всѣхъ требующихъ медицинской помощи и ухода; значительному количеству больныхъ, пользовавшихся лазаретнымъ положеніемъ, по необходимости приходилось оставаться въ своихъ камерахъ.

Еще одно обстоятельство очень дурно отзывалось на здоровьѣ сидящихъ. Клозетъ каждой камеры, постав-

ленный вертикально, оканчивался большимъ вертикальнымъ же каналомъ, по которому спускались нечистоты. Заключенные, всегда жаждавшіе пользоваться обществомъ себѣ подобныхъ, скоро открыли, что если прочистить каналы клозетовъ, то черезъ нихъ, какъ черезъ разговорныя трубы, можно свободно разговаривать. Сдѣланный опытъ въ этомъ смыслѣ подтвердилъ предположеніе. Оказалось, что двѣнадцать заключенныхъ могли этимъ путемъ, по спускнымъ трубамъ, легко бесѣдовать между собою.

Дѣло было сдѣлано. Никакія строгости теперь уже не могли помѣшать никому изъ насъ участвовать въ его клубѣ, какъ мы называли эту дюжину камеръ, соединенныхъ общимъ каналомъ. Трудно, конечно, было побѣдить нѣкоторое естественное чувство отвращенія, вызываемое присущимъ клозетамъ зловоніемъ, но разъ это было достигнуто—получалось очень много удовольствія.

Можно представить себѣ, какимъ воздухомъ при этомъ приходилось дышать заключеннымъ столько времени! Наверху, въ седьмомъ этажѣ было еще сносно, но во второмъ — ниже этого мнѣ не приходилось сидѣть — можно было задохнуться. Часто, кромѣ отвратительнаго запаха, черезъ отверстіе поднимались какіе-то сѣрнистыя испаренія, и всѣ наши старанія дезинфецировать клозеты водою, скипидаромъ и пр. ни къ чему не приводили, отъ этихъ испареній избавиться намъ не удалось.

Крышки клозетовъ оставались открытыми цѣлый день, такъ какъ, хотя у каждаго изъ насъ и была своя работа, но мы не могли побѣдить въ себѣ желанія поговорить съ товарищемъ, если ему вздумается насъ позвать.

Такъ проходило и прошло четыре года моего предварительнаго заключенія.

Мы, привлекаемые къ процессу 193, составляли большинство заключенныхъ и были уже измучены до послѣдней возможности. Когда нѣсколько позднѣе я увидѣлъ вмѣстѣ всѣхъ своихъ товарищей по процессу, я пришелъ въ ужасъ, до того они похудѣли, высохли, имѣли желтовато-сѣрый цвѣтъ кожи, заостренныя черты лица, вос-

паленные глаза! Правду сказать, мы были очень похожи на сборище душевно-больныхъ; всѣ сдѣлались необычайно нервными, всѣ были больны, всѣ безпрестанно раздражались, отказывались работать, даже читать и только ожидали суда. Одна только мысль объ этомъ постоянномъ замедленіи дѣла, которое удерживало насъ въ тюрьмѣ три или четыре года, возмущала каждаго изъ насъ до глубины души и приводила въ бѣшенство.

* * *

Въ началѣ весны 1877 года мы всѣ находились въ состояніи перевозбужденія. За немногими исключеніями никто ничего не дѣлалъ, никто даже не читалъ, всѣ ограничивались только воспоминаніями прошлаго и мечтали о будущемъ. Слѣдователей проклинали. Жажда впечатлѣній сжигала каждаго до такой степени, что многіе желали просто взбунтовать тюрьму.

Однажды я услышалъ извнѣ, за окномъ, возбужденный дрожащій голосъ. Кто-то кричалъ:

— Товарищи! мы нашли способъ открыть окна!

Всѣ бросились на этотъ голосъ.

Открытіе было чрезвычайно важнымъ. Просто-напросто, потрясая желѣзныя рамы нашихъ оконъ, мы въ самомъ дѣлѣ легко снимали ихъ совсѣмъ. Оставалась только одна рѣшетка; взбираясь на окно, мы могли видѣть другъ друга и разговаривать. Тюрьма превращалась въ амфитеатръ съ 250 человѣкъ публики.

Прибѣжали стражники, произошло нѣсколько ссоръ и скандаловъ, и, въ концѣ концовъ, намъ уступили еще разъ. Съ этихъ поръ мы цѣлые дни проводили на окнахъ, разговаривали и кричали такъ, что, наконецъ, перестали понимать другъ друга. Это вынудило насъ назначить въ каждомъ фасадѣ по предсѣдателю, который въ случаѣ споровъ долженъ былъ поддерживать порядокъ и давать слово по очереди. Нашлись среди насъ хорошіе голоса и не дурные пѣвцы; въ теплые лѣтніе вечера мы слушали серенады и очень часто пѣли хоромъ.

Мало-по-малу, чтобъ облегчить сношенія, мы покрыли всѣ стѣны тюрьмы сѣтью нитей, при помощи которыхъ могли передавать другъ другу письма, книги, провизію,

инструменты. Нити были достаточно крѣпки, чтобы выдержать на этомъ воздушномъ пути даже одежду.

Я былъ немного портнымъ и починялъ для всѣхъ костюмы; я получалъ заказы и отправлялъ ихъ моимъ кліентамъ по той же воздушной дорогѣ.

Не нужно удивляться, что администрація допускала все это. Дѣло въ томъ, что слѣдствіе давно уже было закончено и предварительное заключеніе, не имѣвшее болѣе смысла, просто было чистой жестокостью. Сами прокуроры, посѣщая тюрьму, прекрасно видѣли наши собранія и нашу нитяную почту, и молчали. Дѣло это было настолько извѣстно всѣмъ, что само III отдѣленіе хотѣло воспользоваться имъ, помѣстивъ къ намъ нѣсколько своихъ шпіоновъ, которые должны были подслушивать наши разговоры изъ камеръ, гдѣ они прятались позади открытыхъ оконъ.

Въ виду этой нелѣпости одиночнаго заключенія послѣ окончанія слѣдствія заключенные бомбардировали администрацію своими петиціями. Они требовали разрѣшенія совмѣстной работы въ мастерскихъ тюрьмы и общихъ прогулокъ. Мы очень нуждались въ движеніи, а при системѣ одиночнаго заключенія на долю каждаго для прогулокъ выпадало, я думаю, не болѣе 20 минутъ. Для этой цѣли на дворѣ было устроено нѣсколько загородокъ, расположеннныхъ радіусами, куда отводили заключенныхъ по очереди. На наши требованія общихъ прогулокъ прокуратура, однако-жъ, неизвѣстно почему, отвѣчала отказомъ. Конечно, это противорѣчило правиламъ, но вѣдь позднѣе, въ началѣ процесса, намъ были даны всѣ эти льготы.

Какъ бы то ни было отказы были систематическіе. Однажды нѣсколько экзальтированныхъ головъ рѣшили прямо вырвать желательное имъ разрѣшеніе. Внезапно во время прогулки они перескочили черезъ загородки и начали гулять вмѣстѣ. Прибѣжала стража и развела ихъ по камерамъ, но замѣстившіе ихъ на прогулкѣ сдѣлали то же самое.

Все это происходило въ отсутствіи смотрителя Дома предварительнаго заключенія, Федорова. Это былъ человѣкъ очень либеральный и добрый, всегда готовый на законныя уступки заключеннымъ, но въ то же время

имѣвшій достаточно ума и крѣпости духа, чтобы умѣть дѣйствовать на нихъ и сдерживать ихъ въ извѣстныхъ границахъ повиновенія. Онъ былъ очень популяренъ у насъ и всегда находилъ въ нашихъ рядахъ людей, расположенныхъ поддержать его требованія передъ своими товарищами.

Но Федорова не было, онъ уѣзжалъ куда-то на нѣсколько мѣсяцевъ. Замѣнявшій его—Курнѣевъ—умѣлъ управлять только посредствомъ наказаній.

Этотъ-то Курнѣевъ и донесъ о невозможномъ поведеніи арестантовъ петербургскому градоначальнику, генералу Трепову, который разсвирѣпѣлъ и отправился въ тюрьму съ намѣреніемъ дать заключеннымъ хорошій урокъ.

Это было 13 іюля.

Войдя во дворъ тюрьмы, Треповъ увидалъ одиночно-заключенныхъ, вышедшихъ изъ стойлъ и прогуливающихся совмѣстно. Онъ прошелъ передъ одной группой; съ нимъ очень вѣжливо поздоровались. Продолжая свой путь, онъ спрашивалъ у сопровождавшихъ его фамиліи заключенныхъ и узналъ, что одинъ изъ нихъ былъ извѣстный Боголюбовъ, недавно лишенный судомъ всѣхъ правъ и осужденный на каторжныя работы.

Я полагаю, Треповъ въ эту минуту подумалъ:

— Его-то мнѣ и надо!

Онъ еще разъ обошелъ дворъ и снова встрѣтилъ Боголюбова.

— Почему ты не кланяешься мнѣ?—вскричалъ онъ. Шапку долой!

Ударомъ генеральскаго кулака шапка Боголюбова была сброшена на землю. Ошеломленный онъ нагнулся, а генералъ крикнулъ жандармамъ:

— Дать ему двадцать розогъ!

Вся эта сцена тянулась нѣсколько секундъ, а весь визитъ генерала нѣсколько минутъ. Большинство изъ насъ даже не знали о посѣщеніи генерала и не видѣли этой сцены, и только крики тѣхъ товарищей, которые случайно въ эти минуты были на окнахъ, привлекли вниманіе и другихъ.

— Подлецъ, мерзавецъ!—кричали Трепову и черезъ окна стали бросать въ него разные предметы. Генералъ

въ бѣшенствѣ убѣжалъ; онъ вспомнилъ, вѣроятно, сцену въ Варшавѣ, гдѣ толпа даже побила его; но въ Варшавѣ дѣло происходило на площади, и поляки были свободны, между тѣмъ какъ мы были подъ замкомъ и за рѣшеткою.

Вся тюрьма пришла въ неописуемое волненіе.

Прежде всего задавали себѣ вопросъ, правда ли, что будутъ сѣчь или уже высѣкли Боголюбова?

Большинство не допускало этой возможности, другіе же разсвирѣпѣвши кричали имъ:

— Трусы! для того, чтобъ вы повѣрили, надо, чтобы людей сѣкли на вашихъ глазахъ!?

Всѣ звонили, звали къ себѣ надзирателей, желая допросить ихъ, но они не являлись. Только иногда сторожъ, быстро проходя мимо дверей камеры, бросалъ въ нее:—да ничего нѣтъ; это только ваше воображеніе! Но заключенные не вѣрили и продолжали кричать:

— Нужно уничтожить ихъ, этихъ изверговъ!

Въ страшномъ нетерпѣніи они начали бить стекла, вырывали желѣзныя рѣшетки и при ихъ посредствѣ старались вышибить обшитую желѣзомъ дверь.

Черезъ пять или шесть минутъ такой неувѣренности дѣло, наконецъ, выяснилось. Были лица, которые самолично слышали крики Боголюбова, другіе сами видѣли, какъ надзиратели несли розги и т. д. По мѣрѣ того, какъ эта новость распространялась, тюрьма содрогалась все болѣе и болѣе и скоро вся она цѣликомъ была охвачена жесточайшимъ приступомъ какъ бы лихорадочной дрожи; это было ужасающее зрѣлище и можно было подумать, что вотъ-вотъ стѣны тюрьмы обрушатся.

Рѣшительно всѣ превратились въ буйныхъ помѣшанныхъ, неистово кричали, ругали начальство, старались выломать двери своихъ камеръ... Наступилъ полнѣйшій хаосъ. Нѣкоторымъ удалось оторвать отъ стѣны прикованные къ ней желѣзные столы, и они съ остервенѣніемъ изъ всѣхъ силъ били ими въ двери камеръ, другіе менѣе сильные старались разрушить въ камерѣ все, что поддавалось ихъ усиліямъ. Стоялъ невѣроятный шумъ.

Въ это же время надзиратели при помощи солдатъ

врывались въ камеры и старались утащить заключенныхъ въ карцеръ; начиналась борьба, и если заключенный былъ достаточно вооруженъ чѣмъ-нибудь и успѣшно сопротивлялся, стража старалась скорѣе запереть двери и уходила; если же удавалось его побѣдить, то, осыпавъ предварительно ударами, его уводили съ собою въ карцеръ. Когда имъ удавалось овладѣть кѣмъ-нибудь изъ заключенныхъ, они били его до тѣхъ поръ, пока онъ не терялъ сознанія. Эти сцены тянулись очень долго. Временами утомленные крайнимъ волненіемъ и этими необычайными физическими усиліями, заключенные на нѣсколько минутъ какъ бы успокаивались, но вскорѣ шумъ борьбы и разрушенія начинался снова.

Этотъ трескъ и грохотъ въ тюрьмѣ привлекъ огромную толпу любопытныхъ къ ея воротамъ. Самые преувеличенные толки о бунтѣ въ Домѣ предварительнаго заключенія въ одинъ мигъ распространились по всему городу.

Черезъ два или три часа тюрьма была погружена въ глубочайшее молчаніе: всѣ лежали обезсиленные, изнуренные, приведенные въ отчаяніе отъ стыда и гнѣва. Никто не разговаривалъ въ этотъ день и никто ничего не ѣлъ. Надзиратели пытались войти къ нѣкоторымъ и предлагали обѣдъ.

– Пошелъ вонъ, извергъ, палачъ!

Повсюду они получали только этотъ одинъ отвѣтъ, но все же пользовались этимъ моментомъ утомленія, чтобы отобрать орудія борьбы у тѣхъ, у кого они еще оставались.

Боголюбовъ былъ, дѣйствительно, высѣченъ; онъ сильно сопротивлялся, но его схватили надзиратели, набросили ему на голову пальто, чтобы заглушить его крики, и высѣкли его розгами.

Съ тѣхъ поръ тюрьма стала мрачна и молчалива.

На слѣдующій день quasi-зачинщики бунта были отправлены въ Петропавловскую крѣпость, многіе уже осужденные перевезены въ Литовскій замокъ—тюрьму, изъ которой ихъ отправили потомъ прямо въ Сибирь. Но въ нашей тюрьмѣ осталось все-таки больше 150 человѣкъ, часть которыхъ была помѣщена въ нижнемъ этажѣ, гдѣ рѣшетчатыя окна были устроены такимъ

образомъ, что за ними не было ничего видно. Заключенные не шумѣли болѣе и всѣ были заняты изобрѣтеніемъ какого-нибудь самаго дѣйствительнаго способа мщенія.

Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ Треповъ воздерживался отъ посѣщенія тюрьмы. Имена исполнителей его гнуснаго распоряженія сохранялись въ большомъ секретѣ. Спокойное, но угрожающее выраженіе лицъ заключенныхъ пугало администрацію. Одинъ только Федоровъ, вскорѣ послѣ этого возвратившійся, осмѣливался безбоязненно посѣщать камеры.

Въ это же время было начато слѣдствіе о безпорядкахъ, слѣдствіе, силою вещей, направленное противъ Трепова, который по регламенту тюрьмы не имѣлъ права подвергать тѣлесному наказанію кого бы то ни было въ Домѣ предварительнаго заключенія. Общественное мнѣніе также третировало Трепова, какъ подлаго палача. Недовольный собою, онъ жаловался Федорову, котораго очень любилъ:

— Ахъ, какое несчастіе, что тебя не было въ этотъ злополучный моментъ! Я знаю, ты никогда не захотѣлъ бы повиноваться мнѣ, а эти лакеи, холуи, они готовы исполнить всякую нелѣпость, какую имъ ни прикажи!

Черезъ шесть мѣсяцевъ Треповъ долженъ былъ еще болѣе убѣдиться, что не всегда можно безнаказанно оскорблять человѣческое достоинство даже и совершенно лишенныхъ средствъ къ защитѣ. Вѣра Засуличъ, мстительница Боголюбова, достаточно тяжело ранила Трепова, чтобы прекратилась его карьера градоначальника, и судьи оправдали Засуличъ при громкихъ аплодисментахъ всей Россіи!

* * *

Пришелъ, наконецъ, и столь желанный день суда. Обвинительный актъ—толстый томъ in-folio—былъ врученъ обвиняемымъ. 18 октября 1877 г. мы должны были явиться передъ трибуналомъ.

Нашъ судъ, какъ и всѣ суды надъ русскими политическими обвиняемыми, былъ исключительный. Это было особое присутствіе сената съ участіемъ сословныхъ представителей. Императоръ Але-

ксандръ II имѣлъ слабость къ громкимъ словамъ. По-просту сказать, этотъ судъ состоялъ изъ нѣсколькихъ старыхъ сенаторовъ, которые спали на засѣданіяхъ, одного представителя дворянства, одного городского головы и волостного старшины—назначенныхъ правительствомъ.

Особенно хороши были сословные представители. Одинъ изъ нихъ имѣлъ обыкновеніе во всѣхъ случаяхъ высказываться за каторжныя работы, даже не зная о чемъ шло дѣло.

— *На какихъ же основаніяхъ?* спрашивалъ его предсѣдатель суда, когда дѣло шло о совершенно безобидномъ обвиняемомъ.

— Да мы его судили, отвѣчалъ крестьянскій представитель.

Въ этихъ судахъ, какъ во всѣхъ судахъ исключительныхъ, не было и тѣни независимости. Они судили согласно тѣмъ распоряженіямъ, которыя получали заранѣе. Нашъ трибуналъ, хотя онъ и былъ составленъ изъ положительныхъ ничтожествъ, обнаружилъ нѣкоторую тѣнь независимости. Это было слѣдствіемъ тѣхъ горькихъ упрековъ, которые судъ получилъ со стороны обвиняемыхъ.

Многіе изъ насъ въ виду предшествовавшей практики особыхъ присутствій сената, желали протестовать противъ исключительности суда.

— Мы—противъ правительства и потому правительство не имѣетъ права судить насъ. Мы вынуждены требовать суда присяжныхъ; мы не должны признавать исключительнаго суда особенно теперь, послѣ дѣла Боголюбова. Треповъ остался безнаказаннымъ и это великолѣпный примѣръ справедливости и безпристрастія правительства.

Съ принципіальной точки зрѣнія это было вѣрно, но протестъ могъ стоить намъ очень дорого. Три четверти, быть можетъ, девять десятыхъ изъ насъ были *жертвами такого произвола*, что даже само правительство было вынуждено оправдать насъ или удовольствоваться самыми незначительными наказаніями.

Въ случаѣ же протеста было бы совсѣмъ напротивъ: мы потеряли бы сотню людей, болѣе или менѣе спосо-

ныхъ впослѣдствіи поддержать общее дѣло. Кромѣ того, въ послѣднее время политическіе процессы сдѣлались публичными, и газеты печатали отчеты объ нихъ. Если мы согласимся предстать передъ судомъ, насъ будетъ тамъ 193 человѣка соединенныхъ вмѣстѣ, и даже самые слабые изъ насъ не будутъ устрашены, такъ какъ вліяніе товарищей ободритъ ихъ. Такимъ образомъ, мы создадимъ изъ нашего процесса цѣлый обвинительный актъ противъ правительственнаго произвола, мы прокричимъ на всю Россію о нашихъ мукахъ, нашихъ желаніяхъ, нашихъ дѣйствіяхъ...

Всѣ эти преимущества совершенно уничтожались гипотезой о протестѣ.

Наши адвокаты—первыя звѣзды судебнаго міра—не хотѣли терять случая блеснуть прекрасной рѣчью, приноровленной къ исключительнымъ обстоятельствамъ, и употребляли съ своей стороны всѣ усилія помѣшать протесту. Такимъ образомъ, мысль о протестѣ мало-помалу была подорвана, и мы приготовились мужественно защищать свое дѣло передъ лицомъ всей страны. Очень многіе изъ насъ ожидали оправданія.

Я съ удовольствіемъ припоминаю себѣ наши бесѣды съ адвокатами. Мы чувствовали себя какъ бы на половину свободными въ обществѣ этихъ милыхъ людей, которые посвящали насъ въ тысячи новостей, циркулировавшихъ въ Петербургѣ, столь воодушевленномъ въ этотъ періодъ борьбы. По милости войны, которая всегда, какъ я сказалъ уже, является моментомъ относительной свободы для Россіи, общественное мнѣніе пробуждается, журналы и газеты начинаютъ говорить болѣе независимымъ языкомъ и пр. Такъ было въ переживаемый тогда моментъ. Мы чувствовали, что наша связь съ страною возрастаетъ, мы чувствовали, что страна была расположена понять насъ и даже одобрить многое, что было для насъ невыразимо дорого.

Наши свиданія съ адвокатами имѣли мѣсто или въ школѣ, или въ лютеранской церкви. Насъ было такъ много, что администрація тюрьмы вынуждена была разрѣшить эти свиданія многимъ обвиняемымъ заразъ, благодаря чему мы всѣ могли свободно видѣться и разговаривать о чемъ угодно. Я и теперь вижу эту люте-

ранскую церковь, эту длинную, узкую комнату съ ея алтаремъ на возвышеніи, покрытомъ краснымъ сукномъ. Она слабо освѣщена одной только свѣчей; въ коридорѣ раздаются шаги заключенныхъ, которые ожидаютъ своихъ адвокатовъ.

Мы сидѣли на ступенькѣ алтаря вмѣстѣ съ Шишко; я ожидалъ адвоката, а онъ своего чтеца. Шишко, чрезвычайно симпатичный человѣкъ, почти совершенно потерялъ зрѣніе въ темной и сырой крѣпости; теперь онъ носилъ на глазахъ зеленый абажуръ и совершенно не выносилъ свѣта; понятно, что онъ не могъ читать самъ, и директоръ тюрьмы разрѣшилъ ему приходить сюда каждый день въ сопровожденіи одного изъ товарищей, который что-нибудь читалъ ему вслухъ. Нашъ трибуналъ послалъ его на каторгу, Богъ знаетъ за что, такъ какъ онъ ни въ какомъ случаѣ не былъ изъ числа опаснѣйшихъ.

Мы разговаривали о лежащихъ на насъ обязанностяхъ по отношенію къ народу, и мой собесѣдникъ горячо доказывалъ мнѣ, что наша самая главная задача заключалась въ просвѣщеніи этого народа.

Меня вызвали къ адвокату, ожидавшему въ школѣ, гдѣ я засталъ цѣлое общество. Г. Б.. адвокатъ, чудный человѣкъ, который позднѣе былъ арестованъ самъ и сошелъ съ ума въ тюрьмѣ, весело разсказывалъ своему кліенту Феликсу Волховскому о томъ, какъ онъ охотился въ послѣдній разъ; онъ былъ страстный охотникъ. На другомъ концѣ комнаты другой адвокатъ въ полголоса разговаривалъ со своимъ кліентомъ. Наконецъ, третій, только что окончившій свою бесѣду, попрощался съ нами и уступилъ свое мѣсто моему защитнику, человѣку какъ всегда важному и осторожному, и мнѣ...

Такъ наступило 18 октября.

Съ утра въ коридорахъ былъ слышенъ необыкновенный шумъ. Кто-то бѣгалъ, отдавалъ распоряженія, гремѣло оружіе; наконецъ, стали отворяться двери, разъ, два, три... безконечное число разъ, по крайней мѣрѣ 180 разъ, такъ какъ 12 обвиняемыхъ были отданы на поруки.

Отворилась и моя дверь и надзиратель задыхаясь сказалъ мнѣ:

— Пожалуйте внизъ, и отвелъ меня въ нижній коридоръ.

Невиданное зрѣлище открылось передъ моими глазами.

Вообразите себѣ рядъ людей, растянувшійся по всему коридору, окружающему наши камеры; тутъ было по крайней мѣрѣ до 400 человѣкъ. Линія состояла изъ донскихъ казаковъ, смѣшанныхъ съ заключенными: каждый заключенный находился между двумя казаками. Казаки въ своей формѣ, съ ихъ блестящимъ оружіемъ, большіе, рослые, цвѣтущіе здоровьемъ, сильные какъ быки, съ которыми они были сходны также и своимъ безстрастнымъ спокойствіемъ; заключенные—худые, желтые, истощенные, съ воспаленными глазами, въ несладныхъ костюмахъ. Мы старались явиться на судъ одѣвшись поприличнѣе и съ этой цѣлью достали себѣ менѣе разорванные брюки, пиджаки, сюртуки, занявъ ихъ у свободныхъ товарищей; но все это было то широко, то узко, такъ что трудно застегивалось, то, наконецъ, слишкомъ коротко...

Я гордился своими новыми брюками моей собственной работы. Можно себѣ представить насколько онѣ были элегантны.

Насъ обыскали и поставили въ линію; обыскивали изъ боязни какой-нибудь преступной попытки, такъ какъ были убѣждены, что отъ людей до такой степени раздраженныхъ можно было ожидать всего.

Но мы были настроены очень добродушно, были веселы и довольны наступающимъ концемъ нашихъ приключеній. Кромѣ того, насъ просто забавляло представлявшееся нашимъ глазамъ зрѣлище.

Наконецъ, все было готово, командующій крикнулъ— полъ-оборота налѣво! и во мгновеніе ока нашъ рядъ превратился въ длинную ленту. Командующій обѣжалъ всѣхъ и говорилъ казакамъ громко, чтобы его слышали и конвоируемые:

— Смотри въ оба за арестантами; въ случаѣ сопротивленія стрѣлять въ нихъ!

— Маршъ!

Мы прошли всѣ коридоры одиночныхъ камеръ, коридоры гдѣ были расположены ванны и куда выходилъ

коридоръ изъ женскаго отдѣленія, затѣмъ повернули налѣво, въ длинную подземную галлерею, которая вела изъ тюрьмы въ окружный судъ. Наша процессія въ этихъ тѣсныхъ коридорахъ, то освѣщенныхъ, то погруженныхъ въ непроницаемый мракъ, гдѣ два раза нужно было подниматься и опускаться по небольшимъ лѣстницамъ, при быстротѣ хода представляла изъ себя очень живописную картину.

Такъ мы дошли до зданія суда, въ большую залу засѣданій котораго вся толпа хлынула настоящимъ потокомъ.

Зала эта была достаточно обширна, чтобы всѣ мы могли помѣститься въ ней, но она была выбрана съ такимъ разсчетомъ, чтобы некуда было впускать постороннюю публику; для этой цѣли оставалось только одна небольшая скамейка вдоль стѣны, и значитъ, засѣданія суда фактически не могли быть публичными. Было лишь нѣсколько представителей печати, среди которыхъ съ интересомъ указывали на Мекензи Уоллеса, корреспондента Times'a и автора извѣстной книги о Россіи. Кромѣ нихъ было еще человѣкъ шесть.

Обвиняемые заняли всю залу и сѣли на скамьи.

Все это очень напоминало университетскую аудиторію съ той разницей, что въ университетѣ не могло быть жандармовъ, которые раздѣляли наши ряды и стояли неподвижно среди скамеекъ. Съ противоположной стороны залы, очень близко отъ судей, было небольшое отдѣленіе, огороженное барьеромъ, и предназначенное для пяти самыхъ опасныхъ обвиняемыхъ. Они были отдѣлены отъ насъ, что производило очень непріятное и тяжелое впечатлѣніе.

Въ первый моментъ мы этого даже не замѣтили, такъ были рады, что всѣ находились, наконецъ, вмѣстѣ.

Несмотря на присутствіе жандармовъ, обвиняемые свободно разговаривали, смѣялись. Глухой гулъ наполнялъ залу до такой степени, что съ трудомъ былъ нами услышанъ возгласъ судебнаго пристава:

— Судъ идетъ, встаньте!

Худо-ль, хорошо-ли—встали. Судъ помѣстился вокругъ большого стола, передъ которымъ висѣлъ большой портретъ императора. Нашъ обвинитель, знаме-

нитый Желеховскій, сухой и желтый, какъ любой изъ обвиняемыхъ, также сѣлъ на своемъ мѣстѣ. Я никогда не видалъ лица болѣе противнаго, чѣмъ у этого безталаннаго человѣка, которому недостатокъ способностей удалось успѣшно замѣнить избыткомъ лжи.

— Я покрою позоромъ обвиняемыхъ, говорилъ онъ хвастливымъ тономъ своимъ друзьямъ, ибо и г. г. Желеховскіе имѣютъ также своихъ друзей.

Обвиняемые тотчасъ-же назвали его червякомъ.

Чтеніе обвинительнаго акта, формальности допросовъ объ имени, религіи, занятіяхъ обвиняемыхъ и т. д. заняли очень много времени и были до послѣдней степени скучны; для насъ было гораздо болѣе интересно разговаривать между собою. Постоянный гулъ голосовъ наполнялъ залу, предсѣдатель кричалъ, звонилъ, угрожалъ, но все было напрасно. Въ этихъ формальностяхъ мы потеряли два, три или даже четыре дня. Я долженъ сказать, что хотя мы невольно и были непріятны г. предсѣдателю суда, но были настроены очень мирно и намъ вовсе не приходило въ голову мысли нарушить порядокъ. Но какъ-же можно было вести себя иначе въ эти два-три дня чтенія глупаго обвинительнаго акта, который при томъ мы знали почти наизустъ!

Переставали разговаривать только въ моменты нѣкоторыхъ инцидентовъ, происходившихъ иногда передъ допросомъ. Такъ, одинъ обвиняемый на вопросъ о занятіяхъ отвѣчалъ:

— Я занимаюсь подготовленіемъ народа къ борьбѣ противъ тираніи.

Другой, Мышкинъ, очень извѣстный со времени этого процесса, на вопросъ о религіи отвѣчалъ:

— Я крещенъ безъ моего на то вѣдома по обрядамъ православной церкви.

Этотъ Мышкинъ безъ малѣйшаго преувеличенія былъ великимъ ораторомъ. Онъ обладалъ всѣми необходимыми для этого качествами; его сильный и гибкій голосъ, выражающій всѣ оттѣнки чувства, звучалъ какъ священный громъ. Онъ обладалъ той величайшей способностью, которая заставляла слушать его несмотря на тысячи перерывовъ. Онъ прекрасно умѣлъ развить въ своей рѣчи всякую данную мысль. По сравненію съ

нимъ наши знаменитости юридическаго міра стоили не много.

До процесса 193-хъ Мышкинъ былъ знаменитъ исключительно своими горячими протестами, иногда доходившими до настоящаго возмущенія въ различныхъ тюрьмахъ. Его удивительная рѣчь на процессѣ привлекла къ нему всеобщее вниманіе, послѣ же процесса онъ былъ отправленъ въ центральную тюрьму, потомъ въ каторжныя работы въ Сибирь, наконецъ, въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ и былъ разстрѣлянъ. Вездѣ онъ протестовалъ, возмущался, пытался даже убить директора центральной тюрьмы.

Его лицо было оригинально и благородно; бросался въ глаза его высокій открытый лобъ, занимавшій столько же мѣста, какъ остальная часть его лица; интеллигентныя черты выражали почти дикую энергію. Когда онъ говорилъ, онъ магнитизировалъ свою аудиторію, и даже враги его не имѣли силы избавиться отъ этого удивительнаго очарованія.

Среди инцидентовъ перваго дня суда слѣдуетъ отмѣтить интерпелляцію нѣкоторыхъ обвиняемыхъ по поводу публичности засѣданій. Предсѣдатель отвѣчалъ, что процессъ былъ публичнымъ, что газеты будутъ печатать отчеты о немъ, что, наконецъ, публика допущена въ залъ засѣданій, по скольку это позволяетъ ея вмѣстимость.

Мы оставались здѣсь до вечера, вмѣстѣ обѣдали въ какой-то большой залѣ, при чемъ насъ кормили относительно очень недурно. Пятеро товарищей, отдѣленныхъ отъ насъ во время засѣданія, обѣдали вмѣстѣ съ нами за однимъ столомъ. Шутя мы назвали ихъ отдѣленіе „Голгоѳой“. Я думаю, никогда и нигдѣ не было собраній болѣе оживленныхъ и веселыхъ, чѣмъ эти обѣды.

Къ несчастію на третій или четвертый день всѣ предварительныя статьи процесса были окончены. Тогда же мы получили такъ называемые отчеты о засѣданіяхъ. Было ясно, что газеты имѣли распоряженіе печатать о процессѣ только то, что будетъ напечатано въ Правительственномъ Вѣстникѣ, а этотъ официальный органъ помѣщалъ на своихъ столбцахъ лишь общія незначи-

тельныя черты его. Этого было достаточно, чтобы нѣкоторые изъ насъ сдѣлали снова запросы предсѣдателю, опираясь на всѣхъ обвиняемыхъ, которые при этомъ встали, выражая свою полную солидарность съ товарищами. Это была довольно шумная сцена. Предсѣдатель повторялъ намъ, что отчеты будутъ напечатаны, но что сейчасъ они еще не готовы.

Въ концѣ засѣданія было прочитано постановленіе суда, который, разсмотрѣвъ все разнообразіе нашихъ преступленій, раздѣлилъ насъ кажется на тринадцать группъ, которыя будутъ приводиться на судъ каждая отдѣльно. Общій крикъ негодованія со стороны обвиняемыхъ былъ отвѣтомъ на это постановленіе.

— Насъ держали въ заключеніи по два, по три и по четыре года на томъ основаніи, что мы составляемъ одно тайное общество, а теперь насъ раздѣляютъ!.. Насъ обвиняютъ, какъ членовъ одного общества, и мы будемъ лишены возможности слѣдить за большинствомъ показаній!..

Это, дѣйствительно, была мѣра незаконная и стояла въ противорѣчіи со всѣми принципами современной юриспруденціи.

Поднялся страшный шумъ, среди котораго предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ, и судъ удалился. Жандармы, въ первый моментъ бросившіеся къ барьеру, отдѣляющему насъ отъ суда, возвратились къ обвиняемымъ, торопя ихъ выходить, и посреди общаго гама, восклицаній и ругательствъ, насъ окружили казаки и увели въ тюрьму.

Дѣйствительная цѣль принятой судомъ мѣры заключалась въ томъ, чтобы, такъ сказать, разбить силы обвиняемыхъ. Судьи прекрасно знали, что мы рѣшили нашъ процессъ превратить въ процессъ надъ самимъ правительствомъ и наша сила при этомъ заключалась въ нашей многочисленности. Разбитые на мелкія группы подсудимые естественно становились менѣе рѣшительными, болѣе боязливыми.

Этотъ вечеръ былъ одинъ изъ самыхъ ужасныхъ въ моей жизни.

Утромъ мнѣ предстояло явиться передъ судомъ вмѣстѣ съ моей группой. Мы были первыми и наша

группа, сколько помню, состояла изъ двадцати пяти человѣкъ.

Что намъ дѣлать! Слѣдуетъ-ли протестовать или нужно подчиниться?

Мысль о протестѣ съ нѣкотораго времени была оставлена и я самъ способствовалъ этому всѣми моими силами. Теперь я сожалѣлъ объ этомъ.

Если наша группа запротестуетъ завтра, поддержатъ ли ее остальныя?

Если нѣтъ, то мы подвергнемся всѣмъ тяжестямъ репрессіи, какъ необходимому слѣдствію такого протеста, безъ всякой пользы, ибо общество даже и не замѣтитъ усилій одной только нашей группы.

Необходимо, стало быть, предварительно посовѣтоваться съ товарищами,—но какъ это сдѣлать?

За нами, правда, сохранились всѣ завоеванныя привилегіи, напримѣръ, намъ забили гвоздями окна, а мы ихъ открыли снова; но въ настоящее время была зима и все было покрыто снѣгомъ. Кромѣ того, была ночь и было-бы невозможно собрать къ окнамъ товарищей. Значитъ, обсудить этотъ вопросъ сообща, даже посовѣтоваться съ членами нашей группы, разбросанными по разнымъ этажамъ всѣхъ четырехъ угловъ тюрьмы, представлялось рѣшительно невозможнымъ.

— Что дѣлать?

Недалеко отъ меня былъ одинъ членъ нашей группы, товарищъ, котораго я очень уважалъ. Онъ возвращался отъ своего адвоката, я шелъ къ своему.

— Что думаете вы дѣлать? одновременно спрашиваемъ мы другъ друга.

Товарищъ въ смущеніи объявилъ мнѣ, что онъ слишкомъ утомленъ, чтобы могъ въ себѣ найти силы для новаго протеста.

Мой адвокатъ ожидалъ меня въ школѣ и, какъ всегда, совѣтовалъ мнѣ отказаться отъ протеста.

— Однако-же, добавилъ онъ, мой долгъ защитника обязываетъ меня узнать ваше мнѣніе и дѣйствовать сообразно съ вашимъ рѣшеніемъ.

— Я сообщу вамъ завтра, какого поведенія буду держаться, отвѣчалъ я въ нерѣшительности...

Принимая во вниманіе всѣ настоящія условія, я лично

склонялся къ протесту, но тѣмъ не менѣе мнѣ не хотѣлось погибнуть совершенно безрезультатно.

При выходѣ изъ школы я столкнулся съ Феликсомъ Волховскимъ, который шелъ также къ адвокату.

— Что мы будемъ дѣлать? спросилъ я его.

Это былъ также человѣкъ, пользовавшійся всѣмъ моимъ уваженіемъ. Онъ казался подавленнымъ.

— Дѣлайте, что хотите, отвѣчалъ онъ угрюмо; я сдѣлаю то, что сочту нужнымъ сдѣлать.

Я возвратился въ мою камеру разочарованный, разсчитывая встрѣтить многихъ товарищей, я видѣлъ только двухъ. Коридоры, церковь, школа—все было пусто.

Утромъ опять застучали замки, опять слышны шаги въ коридорахъ, но это уже не былъ шумъ предыдущихъ дней. Насъ повели въ зданіе суда, и я снова увидалъ всѣхъ товарищей по группѣ.

Всѣ они казались очень озабоченными и не разговаривали, но я уже чувствовалъ, что мы будемъ протестовать во что бы то ни стало.

Уговоръ въ этомъ состоялся молча, не разжимая губъ.

Залъ засѣданія, столь шумный наканунѣ, былъ погруженъ въ глубокое молчаніе. Было нѣсколько человѣкъ постороннихъ зрителей; обвиняемые заняли не болѣе двухъ скамеекъ. Насъ было двадцать пять человѣкъ, если меня не обманываетъ память, и всѣ мы вели разговоръ о совершенно постороннихъ предметахъ. Теперь я спрашивалъ себя только, какъ протестовать, въ какой формѣ?

На мое обращеніе по поводу этого къ Феликсу, онъ отвѣчалъ:

— Подождите, у меня уже есть нѣкоторый планъ.

Тюрьма, казалось, надорвала его силы; онъ началъ сѣдѣть, оглохъ, почти всегда былъ боленъ. Не прошло еще и нѣсколькихъ недѣль, какъ онъ получилъ извѣстіе о смерти своей жены, которую онъ страстно любилъ. Въ эти недѣли, казалось, онъ сдѣлался старикомъ, хотя имѣлъ всего лишь немного болѣе тридцати лѣтъ. Относительно старше другихъ, онъ былъ кромѣ того человѣкомъ очень способнымъ, гораздо болѣе практичнымъ, чѣмъ другіе члены нашей группы.

Судъ предложилъ намъ нѣсколько чисто формальныхъ вопросовъ.

Феликсъ Волховскій поднялся и очень вѣжливо просилъ судъ позволить ему приблизиться къ столу; онъ былъ боленъ и желалъ дать свои объясненія, но, будучи глухимъ на одно ухо, онъ не могъ слышать судей на томъ разстояніи, на какомъ былъ помѣщенъ. Предсѣдатель позволилъ это, и Феликсъ началъ говорить свои объясненія.

Сперва онъ описалъ суду тотъ произволъ, жертвою котораго онъ сдѣлался. Онъ разсказалъ, какъ беззаконіе и несправедливость слѣдователей разбили всю его жизнь. До послѣдней минуты онъ утѣшалъ себя мыслью, что судъ накажетъ такую несправедливость и что общественное мнѣніе, будучи увѣдомлено объ этомъ, заклеймитъ его притѣснителей.... но онъ обманулся. Судъ съ первыхъ же шаговъ началъ дѣйствовать также въ духѣ произвола...

Здѣсь предсѣдатель прервалъ оратора, но Волховскій, очевидно, былъ въ ударѣ. Онъ процитировалъ множество статей закона и доказалъ суду, что судьи нарушаютъ законъ. Свою рѣчь онъ заключилъ заявленіемъ, что не имѣетъ къ суду никакого довѣрія, протестуетъ и отказывается подчиняться ему.

Рѣчь была коротка, но составлена прекрасно и тѣмъ болѣе ясно и вразумительно, что Волховскій дѣлалъ самые горькіе упреки подъ видомъ преувеличенной и доходящей до іроніи вѣжливости. Предсѣдатель казался смущеннымъ, особенно когда всѣ обвиняемые встали и объявили, что вполнѣ раздѣляютъ мнѣніе, выраженное ихъ товарищемъ.

Когда судъ приступилъ къ допросамъ, каждый изъ насъ вставалъ и объявлялъ, что онъ не имѣетъ довѣрія къ суду, что онъ отказывается отвѣчать ему и даже отказывается оставаться въ залѣ засѣданій. Предсѣдатель не хотѣлъ было отпустить насъ, но всѣ подсудимые начали громко разговаривать, смѣялись, протестовали, всячески мѣшали суду продолжать засѣданіе. Тогда разсвирѣпѣвшій предсѣдатель приказалъ отвести насъ въ тюрьму и переписать фамиліи всѣхъ, не желавшихъ подчиняться закону. Это была угроза.

Мы прошли одинъ за другимъ между двумя рядами жандармовъ, называя наши фамиліи судебному приставу, который ихъ записывалъ.

Мнѣ кажется, что изъ всей нашей группы только два или три человѣка не поддержали насъ и остались въ залѣ суда.

Войдя въ тюрьму мы были встрѣчены товарищами съ криками торжества.

— Браво! кричали намъ, мы васъ поддержимъ!

Такимъ образомъ начался нашъ большой протестъ противъ суда, и такое положеніе вещей затянулось на три мѣсяца, такъ какъ каждая группа протестовала отдѣльно.

Судъ долго еще пытался обязать подсудимыхъ присутствовать на засѣданіяхъ, совершенно непонятно почему. Каждый день повторялись одни и тѣ же сцены.

Надзиратели входили въ камеру.

— Пожалуйте на судъ.

— Я не пойду и объявилъ уже объ этомъ суду.

— Вы должны итти.

— Развѣ заставятъ меня пойти насильно?!

— Да!

И дѣйствительно, было два или три примѣра, когда обвиняемыхъ пытались тащить въ судъ силою, иные же просто объявляли, что они уступаютъ насилію, но и тѣ и другіе, придя въ судъ, начинали упрекать, даже оскорблять его, говорили судьямъ, что они продажны, что они рабы правительства и пр. Понятно, что судъ былъ вынужденъ отправлять ихъ обратно въ тюрьму. Это повторялось нѣсколько десятковъ разъ, пока, наконецъ, судъ не рѣшилъ оставить насъ въ покоѣ и не предоставилъ насъ нашему собственному усмотрѣнію итти или нѣтъ на засѣданіе.

Нѣкоторая часть подсудимымъ осталось однакожъ католиками, какъ мы называли ихъ, но изъ 193 обвиняемыхъ было 120 протестантовъ и этого было вполнѣ довольно, чтобъ сдѣлать демонстрацію достаточно внушительной.

Увѣренные въ успѣхѣ съ этой стороны, мы, такъ сказать, не занимались больше политикой. Весь Петербургъ говорилъ о процессѣ; адвокаты излагали передъ судьями и публикой всѣ несправедливости слѣдствія и мы чувствовали себя отмщенными.

Веселые и довольные, мы жили, такъ сказать, своей

частной жизнью, работали вмѣстѣ въ мастерскихъ и скоро совсѣмъ перестали интересоваться процессомъ.

Иногда только, наиболѣе выдающіеся инциденты на судѣ привлекали наше вниманіе, какъ напримѣръ,. знаменитая рѣчь Мышкина, который, протестуя противъ суда, сумѣлъ раскрыть передъ нимъ почти всю нашу программу.

Эта рѣчь сопровождалась громаднымъ скандаломъ.

Прервавъ много разъ Мышкина, предсѣдатель приказалъ, наконецъ, вывести его. Жандармы съ такой жестокостью бросились на Мышкина, что одинъ изъ подсудимыхъ той же группы кинулся къ нему на помощь и бросилъ въ глаза суду самыя жестокія оскорбленія. Жандармы схватили и его, онъ защищался и былъ сильно избитъ. Эта дикая расправа произвела всеобщее замѣшательство; многія дамы упали въ обморокъ; засѣданіе было закрыто посреди шума и протестовъ публики и адвокатовъ.

Въ этотъ же моментъ произошло нѣсколько мелкихъ инцидентовъ.

Жандармскій офицеръ любезно устремился на помощь къ одной дамѣ, падающей въ обморокъ, и она съ отчаяннымъ крикомъ, почти безъ чувствъ, оттолкнула его.

— Оставьте ее, кричитъ кто-то изъ публики, развѣ вы не видите, что одинъ видъ вашей формы причиняетъ ей ужасъ?

— Это настоящая революція! восклицаетъ изящный Желеховскій.

* * *

Въ январѣ 1878 года тюрьма стала унылой; насъ осталось немного. Всѣ католики, сколько я помню, уже были освобождены, а также и многіе протестанты. Въ тюрьмѣ оставалось только отъ 60 до 70 человѣкъ и въ томъ числѣ я. Друзья мои на волѣ неоднократно просили объ освобожденіи меня на поруки, но все было напрасно.

Для меня было ясно, что мой протестъ на судѣ въ первой группѣ очень повредилъ мнѣ. До этого времени мой адвокатъ увѣрялъ меня, что я буду оправданъ, а

мои друзья увѣдомили меня, что скоро я буду выпущенъ на поруки.

Каждый день кого-нибудь выпускали на волю.

Раньше каждое освобожденіе товарища было цѣлымъ праздникомъ въ тюрьмѣ; теперь же было совсѣмъ наоборотъ. Не то чтобъ мы завидовали освобождающемуся на волю товарищу, но каждое освобожденіе было новымъ доказательствомъ для остающихся въ тюрьмѣ, что на нихъ смотрѣли какъ на болѣе виновныхъ и что имъ, слѣдовательно, готовилось строгое наказаніе.

Это глухое ощущеніе грозящихъ бѣдствій угнетало меня съ утра до вечера. Къ счастью мы были всегда вмѣстѣ, вмѣстѣ работали, или, вѣрнѣе сказать, проводили время въ мастерскихъ и вмѣстѣ гуляли. Я былъ иногда боленъ. Не то чтобъ у меня была какая-нибудь опредѣленная болѣзнь, но я чувствовалъ себя очень слабымъ и истощеннымъ.

Сердце, легкія и всѣ другія части моего организма съ каждымъ днемъ слабѣли. Въ лазаретѣ, гдѣ я помѣщался, мы всегда были вмѣстѣ, разговаривая и читая. Никто изъ насъ не осмѣливался мечтать о будущемъ, такъ какъ, очевидно, на всѣхъ насъ смотрѣли, какъ на самыхъ виновныхъ.

21 января, когда мы прогуливались, на дворъ явилось нѣсколько человѣкъ, во главѣ которыхъ я замѣтилъ двухъ адвокатовъ и помощника директора тюрьмы съ бумагою въ рукахъ.

— Рѣшеніе суда!

Процессъ былъ конченъ.

Всѣ заторопились, но, увы! насъ было уже не много, и окружили ихъ. Помощникъ директора началъ читать. Такой-то осужденъ на такое-то наказаніе, другой, третій и т. д. Наконецъ, вотъ и моя фамилія. До этого момента я питалъ надежду, что буду оправданъ; нѣтъ: отправить на жительство въ Западную Сибирь, въ Томскую губернію.

— А! чортъ побери!

Помощникъ директора читалъ уже другія имена.

Кончивъ всѣхъ, онъ началъ снова.

Въ виду очень продолжительнаго предварительнаго заключенія, которому подверглись осужденные, судъ рѣ-

шилъ ходатайствовать передъ Его Величествомъ о смягченіи участи такого-то и т. д.

Моей фамиліи не было.

Онъ продолжалъ... и о немедленномъ освобожденіи такого-то, такого-то...

На этотъ разъ и я былъ названъ!

Значитъ, я могъ считать себя свободнымъ, такъ какъ императоръ не могъ не удовлетворить этого ходатайства суда. Но еще остается вопросъ, когда же, дѣйствительно, освободятъ меня?

Въ этотъ день мы всѣ были какъ въ лихорадкѣ и искусственно веселы. Многихъ изъ насъ приговорили къ каторжнымъ работамъ, но въ общемъ приговоры не были очень строги, по сравненію съ ужасными наказаніями, налагаемыми, обыкновенно, въ Россіи за политическія преступленія.

Судъ хотѣлъ доказать обществу, что упреки въ прислужничествѣ его, которые мы ему дѣлали, были не справедливы, и я долженъ сознаться, что за всю исторію Россіи никакой судъ не произносилъ болѣе назависимаго вердикта. Правда, не во всѣхъ деталяхъ онъ былъ справедливъ; судьи все же немного мстили за себя и наказывали протестантовъ построже. Но вѣдь и обязанность ихъ была судить не лицъ только, а ихъ дѣйствія. Обыкновенно-то это бываетъ наоборотъ, и человѣкъ болѣе способный, болѣе энергичный будетъ всегда наказанъ; онъ и ничего не сдѣлалъ, но онъ оченъ опасенъ! Ничтожества, напротивъ, наказываются всегда слабо.

Наказанія не были особенно тяжелы, но все же это были наказанія: каторжныя работы, ссылки, заключенія въ ужаснѣйшихъ центральныхъ тюрьмахъ и пр. Тѣ, которымъ предстояло скоро выйти на волю и быть свободными, по этому самому, чувствовали глубокое сожалѣніе къ своимъ несчастнымъ товарищамъ, отправляющимся въ ссылку. Мы старались быть веселыми, старались не имѣть печальныхъ лицъ. Вечеромъ, собравшись въ мастерскихъ, мы добыли сколько было возможно вина (правила тюрьмы строго воспрещали это) и пили, весело разговаривая, за здоровье освобождаемыхъ и ссылаемыхъ.

Понемногу мы развеселились и въ самомъ дѣлѣ.

— Помощникъ директора! крикнулъ нашъ часовой, торопливо проглатывая свой стаканъ вина. Мы поторопились спрятать бутылки.

— Господа, объявилъ намъ помощникъ, приготовьтесь. Вотъ списокъ тѣхъ, которые сейчасъ будутъ освобождены.

И онъ прочелъ тридцать фамилій.

— Вотъ, сказалъ я моему сосѣду, насъ будетъ еще меньше...

— Да слушайте же, прервалъ онъ меня, вотъ и ваше имя!

— Не можетъ быть!

И я съ недовѣріемъ спросилъ помощника директора, была ли въ спискѣ моя фамилія.

— Ну да, я прочелъ ее, мнѣ кажется!

Я былъ пораженъ. Товарищи, поздравляя, окружили меня, и я машинально отвѣчалъ имъ. Я отчетливо вспоминаю теперь только одно, это то, что въ тотъ моментъ въ моей головѣ не было никакой мысли. Я какъ автоматъ рѣшительно ни о чемъ не думалъ; меня поздравляли, я благодарилъ, даже не понимая смысла моихъ собственныхъ словъ.

— Нужно поторопиться, сказалъ мнѣ помощникъ директора уходя. Васъ скоро освободятъ, и мнѣ кажется, вамъ нужно собраться.

Я почти бѣгомъ бросился въ мою камеру; по дорогѣ меня поздравляли всѣ, и надзиратели, и слуги изъ уголовныхъ арестантовъ.

Мнѣ сказали, чтобъ я собрался, и я машинально сталъ укладывать свои вещи. Ихъ было немного, и онѣ мнѣ были дороги: швейная машинка, предназначенная въ подарокъ одной дамѣ, которая помогала мнѣ въ тюрьмѣ, нѣсколько книгъ и нѣсколько тетрадей съ замѣтками, которыя я долженъ былъ взять съ собою.

Но я почти ничего не взялъ.

Прислужникъ, помогавшій мнѣ, каждую минуту говорилъ:

— Не можете ли оставить и подарить мнѣ и то, и это...

— Да берите, отвѣчалъ я, ни о чемъ не думая.

Теперь я уже и не знаю куда дѣвалась моя машинка. Позднѣе я получилъ нѣсколько книгъ, когда пришелъ за ними въ тюрьму, но мои замѣтки, надо думать, пошли на папироски арестантамъ.

Наконецъ, мои вещи всѣ были готовы, поскольку этого хотѣлъ и сдѣлалъ мой помощникъ.

Черезъ нѣсколько времени надзиратель позвалъ меня:

— Пожалуйте въ контору.

Въ конторѣ я подписалъ счетъ моимъ деньгамъ и былъ очень удивленъ, что у меня осталось еще 12 рублей. Вся контора была наполнена товарищами и загромождена ихъ вещами; одновременно съ нами освободили и нѣсколько женщинъ. Всѣ смѣялись, разговаривали, условливались другъ съ другомъ, и я разговаривалъ и смѣялся, но тяжелый туманъ, закутывавшій мою мысль, не разсѣивался.

Три ночи подрядъ послѣ этого я еще не могъ спать.

Наконецъ, директоръ объявилъ намъ, что мы можемъ итти при условіи притти завтра къ градоначальнику для исполненія необходимыхъ формальностей. Дверь открылась; холодный вѣтеръ зимней ночи охватилъ мое пылающее лицо. Свободныя звѣзды блистали надъ моей головой...

Я провелъ въ тюрьмѣ 4 года, три мѣсяца и шесть дней.

V.

Пропагандисты въ деревнѣ.

Несмотря на всѣ преслѣдованія правительства, нѣкоторымъ пропагандистамъ удалось прочно устроиться въ народѣ. Я лично зналъ многихъ, которые сумѣли даже удержаться въ этомъ положеніи нѣсколько лѣтъ подрядъ. Подъ вымышленными или дѣйствительными фамиліями они занимали должности писаря, учителя школы, лавочника, иногда были простыми рабочими, и т. д.

Что они дѣлали и что могли дѣлать въ народѣ?

Они начинали съ того, что изучали народъ и старались слиться съ нимъ.

Первая задача была сравнительно легка. Вторая представляла уже бо́льшія трудности.

Приспособиться къ этой примитивной, грубой жизни, всегда поглощенной вопросами о насущномъ хлѣбѣ!

Многіе не выдерживали такого положенія и уходили, сознаваясь со стыдомъ, что эта была жизнь невыносимая. Въ большинствѣ же случаевъ, эта трудность побѣждалась и пропагандисты вполнѣ осваивались съ этимъ тяжелымъ существованіемъ народа, которое, однако же, по ихъ мнѣнію, не было лишено извѣстныхъ нравственныхъ и умственныхъ элементовъ. Нѣкоторые были даже довольны имъ. Но чтобы чувствовать себя вполнѣ счастливымъ съ народомъ, чтобы совершенно слиться съ нимъ, было необходимо вполнѣ переродиться и забыть многое изъ стараго.

Я зналъ нѣкоего „брата Льва“—назовемъ его такъ. Онъ жилъ въ народѣ, среди рабочихъ и особенно крестьянъ, почти десять лѣтъ. Я держу пари, что никто не узналъ бы человѣка изъ интеллигенціи въ этомъ сектантѣ, изнуренномъ постами, который не скажетъ и десяти словъ, не снабдивъ ихъ какой-нибудь цитатой изъ священнаго писанія. Правда, онъ былъ самъ сектантъ, но его секта была очень раціоналистична. Онъ считалъ себя вѣрующимъ и производилъ впечатлѣніе дѣйствительно экзальтированнаго. Нерѣдко можно было застать его неожиданно одного за громкимъ чтеніемъ Евангелія и особенно пророковъ. Онъ часто уходилъ въ поля или лѣса, какъ говорили о немъ и какъ самъ онъ увѣрялъ, и погружался тамъ въ созерцаніе и молитву. Разъ онъ наложилъ на себя абсолютный постъ, кажется, на цѣлую недѣлю... Въ своей сектѣ онъ пользовался большимъ вліяніемъ и въ самомъ дѣлѣ былъ человѣкомъ очень умнымъ и съ широкой эрудиціей. Онъ зналъ многіе древніе и новые языки, зналъ исторію, теологію, въ совершенствѣ зналъ Библію и Евангеліе, также точно, какъ и теологическую литературу нашихъ сектантовъ. Разумѣется, онъ чувствовалъ себя легко между своими, даже много лучше, чѣмъ въ обществѣ, которое онъ отъ души презиралъ. Мало-помалу онъ сдѣлался въ народѣ очень большимъ авторитетомъ.

Спрашивается, насколько же самъ онъ долженъ былъ подчиниться вліянію народа, чтобы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ?

Это народное вліяніе отпечатлѣвалось болѣе или менѣе на каждомъ, кто пробылъ въ народѣ достаточно продолжительное время. Подобно тому, какъ раскаленное желѣзо, погруженное въ воду, согрѣваетъ ее, само теряя теплоту, такой человѣкъ становится болѣе умѣреннымъ, менѣе горячимъ.

Я зналъ также нѣсколько очень слабыхъ попытокъ революціонеровъ поднять народъ (взбунтовать его), но они были очень рѣдки и неудачны.

Одна только такая попытка имѣла болѣе широкое распространеніе; это было въ Чигиринскомъ уѣздѣ, на Украйнѣ. Извѣстный Стефановичъ, при помощи нѣкоторыхъ товарищей, успѣлъ сорганизовать среди крестьянъ многочисленное тайное общество, имѣвшее прямой цѣлью—возстаніе. При какихъ же средствахъ удалось это? Онъ агитировалъ во имя царя и выдавалъ себя предъ крестьянами за его тайнаго посланника!

Нужно утратить многое изъ принциповъ соціализма, чтобы рѣшиться воспользоваться такими средствами!

Я долженъ сказать при этомъ, что такая попытка, опиравшаяся на лжи, осталась абсолютно единственной во всемъ русскомъ революціонномъ движеніи.

Если мысль о непосредственной, близкой революціи утрачивалась отъ соприкосновенія съ народомъ, за то пропагандисты убѣждались еще болѣе, что большинство крестьянъ отнюдь не одобряли дѣйствительнаго положенія вещей и что зародыши революціи, хотя и болѣе или менѣе отдаленной, крайне многочисленны и очень стойки съ средѣ народной массы.

Скоро возникла мысль соединиться съ народомъ въ его постоянной борьбѣ съ эксплуататорами, формируя мало-по-малу крестьянскую партію.

Очень многіе занялись этимъ спеціально, и я лично полагаю, что это движеніе, несомнѣнно существующее и теперь, современемъ дастъ свои плоды.

Во всякомъ случаѣ, люди, вполнѣ акклиматизировавшіеся въ народѣ, никогда не жаловались на крестьянъ въ этомъ смыслѣ. Наоборотъ, крестьянская масса была

готова притти къ нимъ на помощь, но административный терроризмъ всегда сводилъ на нѣтъ всѣ сдѣланныя въ этомъ смыслѣ усилія.

Эксплуататоры всякаго рода всегда поддерживались администраціей. Человѣкъ, желавшій защищать народъ даже самыми скромными и самыми законными способами, объявлялся врагомъ общественнаго порядка, бунтовщикомъ и пр.

„Достаточно быть честнымъ человѣкомъ, чтобъ васъ преслѣдовали, какъ революціонера“ писалъ авторъ „Писемъ изъ деревни“, въ свое время надѣлавшихъ много шума. „Не хотите ли узнать судьбу человѣка, желающаго помочь народу законными средствами?“ спрашиваетъ публицистъ, которому я уступаю слово.

„Прежде всего, получить мѣсто писаря для человѣка образованнаго дѣло не легкое. Каждое присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ получало конфиденціальныя распоряженія отъ министра Внутреннихъ Дѣлъ, запрещающія давать мѣста писарей людямъ съ высшимъ образованіемъ. Положимъ, что вы имѣете счастье не быть таковымъ, что еще могутъ потребовать отъ Васъ?

— Вы не пьяница?... это странно!

— Вы не берете взятокъ?... Это удивительно!...

— Вы пишите бумаги довольно литературнымъ языкомъ?... Посмотрите, какъ пишетъ этотъ писарь!

— Вы получаете газету?... Ну!..

И вотъ вы уже подозрительное лицо. Часто бываетъ достаточно этихъ внѣшнихъ указаній, чтобъ вамъ было отказано.

Однако-же есть волости, гдѣ писаря воры и пьяницы надѣлали уже столько глупостей, столько смутъ, такъ утомили терпѣніе всѣхъ, что сами власти испытываютъ желаніе улучшить ихъ персоналъ. Тогда они дѣлаются болѣе снисходительными къ внѣшнимъ признакамъ. Исправникъ всегда неувѣренъ, колеблется, но другіе члены присутствія доказываютъ ему, что не нужно быть слишкомъ подозрительнымъ.

— Нѣтъ, не торопитесь. Правда... газета, эта трезвость... наконецъ, онъ пишетъ хорошо... Все это наводитъ на нѣкоторыя размышленія... Но, быть можетъ, это

просто человѣкъ бѣдный, неудачникъ. Почемъ знать! А потомъ эти пьяницы, они, дѣйствительно, выводятъ изъ всякаго терпѣнія!..—И что они пишутъ такое? Посмотрите: министерство требуетъ отъ насъ статистическихъ свѣдѣній о нищенствѣ, и эти животные отвѣчаютъ: „по тщательномъ разсмотрѣніи въ волости не нашли присутствія нищихъ; если же они откуда-нибудь появлялись, мѣстныя власти не упускали принять соотвѣтственныя мѣры". Нѣтъ, не торопитесь отказывать, можетъ, это будетъ хорошій писарь.

Исправникъ рѣшилъ подождать, и его упорство тянется, обыкновенно, не долго.

Какъ только новый писарь устраивался на мѣстѣ, являлся какой-нибудь управляющій большой экономіи заключать контракты съ рабочими изъ крестьянъ. Писарь читаетъ контракты, изъ которыхъ одни всегда составляютъ копіи другихъ, и, какъ всегда, они представляютъ изъ себя нѣчто поистинѣ безжалостное. Штрафы на каждомъ шагу: три рубля за каждый день прогула, два рубля за день болѣзни, которая не констатирована управляющимъ, и пр. и пр. Важнѣе всего, это—уплата жалованья только по рѣшенію управляющаго. Ни единаго параграфа въ пользу крестьянъ! Управляющій выдаетъ имъ тутъ-же, при подписаніи условія, по три рубля задатка.

Но законъ предписываетъ волостному правленію отговаривать крестьянъ отъ явно отяготительныхъ контрактовъ. Сообразно съ своимъ долгомъ писарь начинаетъ толковать крестьянамъ, что они этимъ контрактомъ отдаютъ себя въ настоящее рабство.

— Знаете ли вы, что содержитъ эта бумага?

— Гдѣ намъ знать,—мы не грамотные.

Писарь читаетъ имъ бумагу, управляющій улыбается, иногда прерывая чтеніе своими замѣчаніями:

— О, это не важно... Это только для того, чтобы внушить рабочимъ благоразуміе... Наше управленіе справедливо.

Крестьяне все-таки выходятъ изъ себя отъ параграфа о жалованіи и говорятъ:

— Это не такъ, мы понимали иначе, ты долженъ платить по 5 руб. на праздникъ Ильи, потомъ 10 руб-

лей на Успенье и остальное послѣ жатвы. Вотъ настоящія условія, а ты пишешь по рѣшенію! Это ловко!

— А если ты рѣшишь, что совсѣмъ не нужно платить? восклицаетъ другой.

— Побойся Бога!

— Да я не принуждаю васъ, кричитъ управляющій среди шума. Кто хочетъ, тотъ подпишетъ и получитъ свои три рубля; кто не хочетъ, того замѣнятъ другіе рабочіе. Мы ихъ найдемъ!

Всѣ усилія писаря побудить управляющаго къ болѣе справедливымъ условіямъ остаются тщетными. Нѣкоторые крестьяне, положеніе которыхъ еще не безвыходно, уходятъ повторяя:

— Можешь искать другихъ!

Многіе, припертые нуждою, изъ-за этихъ трехъ рублей рѣшаются закабалить себя.

Контрактъ подписанъ и зарегистрированъ.

— Чортъ возьми, вы очень строги! говоритъ уходя управляющій писарю. До сихъ поръ наше дѣло было проще. Съ такими людьми, какъ вы, никакъ не примѣнишься къ закону... До свиданья!

— Спаси тебя Богъ, говорятъ крестьяне. Дай Богъ тебѣ здоровья! Это еще въ первый разъ у насъ такой писарь, который насъ защищаетъ.

Они выходятъ изъ волости, повторяя:

— Что подѣлаешь! Это наша бѣдность такъ прижимаетъ насъ!

Въ другой разъ деревенскій кулакъ черезъ волостной судъ требуетъ отдать ему домъ одного крестьянина.

— Этотъ крестьянинъ, говоритъ онъ, продалъ мнѣ свой домъ, а теперь не хочетъ его освободить...

Судьи, выбранные изъ кровопійцъ, подобныхъ истцу, ругаютъ мужика, даже не выслушавъ его.

— Коли ты продалъ, такъ отдай. Развѣ можно безпокоить власти изъ-за такихъ кляузъ? Да окромя того онъ потерялъ изъ-за тебя время, таскаясь по судамъ. Это дѣло важное.

Кулакъ, расхрабрившись, внушаетъ судьямъ, что было-бы не безполезно поучить немного этого упрямца вести себя.

Тогда вмѣшивается писарь.

Позвольте, однакожъ, господа судьи, надо сначала разсмотрѣть дѣло. А если все это неправда?

Отвѣтчикъ объясняетъ, что онъ своего дома не продавалъ, что онъ только занялъ у истца 15 рублей, обѣщая возвратить ихъ ему черезъ шесть недѣль съ 5 рублями процентовъ; весь долгъ въ 20 руб. онъ вполнѣ признаетъ за собою.

Кто лжетъ?

— Не слушайте его болтовню, у меня есть документъ, прерываетъ кулакъ, и представляетъ записку, въ которой значится, что мужикъ продалъ ему свой домъ за 20 рублей, но что за нимъ признается право выкупить этотъ домъ, уплативъ условленные 20 рублей. Очевидно, эта записка—простое мошенничество, шантажъ, чтобы затушевать огромный процентъ, запрещаемый закономъ. Явное воровство.

Писарь защищаетъ мужика и старается воспользоваться тѣмъ, что записка эта нигдѣ и никѣмъ не засвидѣтельствована.

— Этотъ документъ не законный, объявляетъ онъ и объясняетъ все дѣло судьямъ, ежесекундно прерываемый репликами кулака, выходящаго изъ себя.

— Подожди, подожди немного, говорятъ ему судьи, мы посовѣтуемся. Выйдите всѣ!

Публика, истецъ и отвѣтчикъ выходятъ.

Судьи начинаютъ обсуждать дѣло.

— Ты, того—говоритъ писарю тихонько одинъ изъ судей—не очень!.. Макаръ Ивановичъ, это братъ самый богатый изъ всѣхъ жителей. Не надо ему дѣлать зла. Ты говоришь правду, мы это понимаемъ. Да не то... Кто объ этотъ будетъ думать? Онъ тебя сумѣетъ отблагодарить, берегись. Видишь, продолжалъ онъ, какое впечатлѣніе ты произвелъ на всѣхъ!

Въ самомъ дѣлѣ, за дверью былъ слышенъ шумъ торжествующей толпы, которая осыпала кулака насмѣшками.

— Да кромѣ того, если ты дашь этому народу осѣдлать себя, такъ ты его не усмиришь, продолжалъ судья.

Однакожъ, писарю удалось убѣдить судей рѣшить

дѣло по справедливости. Позвали тяжущихся; публика вошла также.

— Ну, началъ одинъ изъ судей съ полной откровенностью, ты глупо поступилъ, Макаръ Ивановичъ; жалуйся самъ на себя. Мы не можемъ принять твоей расписки.

— Когда заплатишь ты свой долгъ? обратился онъ къ отвѣтчику.

— На этой недѣлѣ.

— Вотъ такъ су—удъ! прервалъ раздраженный кулакъ. Развѣ этакъ судятъ?!..

— Макаръ Ивановичъ, заявилъ писарь, я совѣтую вамъ быть осмотрительнѣе въ вашихъ выраженіяхъ. Иначе васъ могутъ посадить въ тюрьму, согласно такой-то и такой статьѣ.

Кулакъ замолчалъ отъ бѣшенства, сдавившаго ему горло, послѣ этой неслыханной угрозы.

Судьи просили ихъ д р у г а — Макара Ивановича помириться съ его должникомъ, который заплатитъ свой долгъ на этой же недѣлѣ.

— Проси же, кричали они мужику, кланяйся, вѣдь не отвалится у тебя голова отъ этого!

Должникъ бросился въ ноги кулаку.

— Ну, Макаръ Ивановичъ, просили судьи, будь милостивъ, помирись!

— Пишите приговоръ, отвѣчалъ кулакъ повелительнымъ тономъ.

— Макаръ Иванычъ! Бога—для, помирись! просили судьи, побаивавшіеся возстановить противъ себя могущественнаго кулака составленіемъ противнаго ему приговора.

— Не хочу!

Хочешь, не хочешь, надо было судить и черезъ нѣсколько минутъ судъ постановилъ, что такой-то долженъ уплатить Макару Ивановичу 20 рублей.

— Я протестую противъ этого приговора, пришлите мнѣ копію постановленія,—и кулакъ ушелъ, бормоча угрозы:

— Да этотъ писарь, это бунтовщикъ, врагъ существующаго порядка, и пр. и пр.

Именно такъ его тотчасъ же всѣ и квалифицируютъ.

Управляющій при первомъ случаѣ жалуется исправнику:

— Онъ возбуждаетъ народъ къ возмущенію, отъ него жить нельзя...

— Развѣ я этого не предвидѣлъ? торжествуетъ исправникъ въ восторгѣ отъ своей проницательности.

Кулакъ тоже, съ копіей приговора въ рукахъ, совѣтуется съ своими друзьями. Бумагу читаютъ, обсуждаютъ.

Нѣтъ, этого приговора нельзя кассировать: формальный законъ.

Кулакъ въ бѣшенствѣ, тѣмъ болѣе, что у него есть много точно такихъ же дѣлъ. Что жъ можно сдѣлать съ этимъ проклятымъ писаремъ?

Одинъ болѣе опытный другъ спрашиваетъ его:

— Почему ты не дашь ему взятки?

— Да онъ не беретъ ничего.

— Не можетъ быть!

— Ужъ это такъ.

— И ты говоришь, что онъ всегда защищаетъ этихъ нищихъ?

— Всегда.

— Значитъ, онъ изъ тѣхъ, что бунтуютъ народъ. Вотъ что я тебѣ скажу, другъ. Иди прямо къ жандарму или къ исправнику, если предпочитаешь. Одно слово, и все будетъ кончено...

Довольный найденнымъ исходомъ, Макаръ Ивановичъ, для вѣрности, посѣщаетъ обоихъ.

— Защитите меня, Бога ради, молитъ онъ, торговля становится невозможною при такихъ порядкахъ... Даже земледѣліе... Это бунтъ...

— Такъ, такъ, повторяетъ исправникъ, я имѣлъ основаніе подозрѣвать его.

Недѣлю спустя все мѣсто этого „возмущенія“ имѣетъ довольно странный видъ. Неизвѣстно зачѣмъ въ деревню понаѣхали жандармы; урядникъ волнуется, чего-то ищетъ, ходитъ къ крестьянамъ, собираетъ свѣдѣнія.

— Берегись, говорятъ шепотомъ крестьяне писарю. о тебѣ распрашиваютъ, чего-то хотятъ искать...

А потомъ?—Потомъ обыскъ у писаря!

— Вашъ паспортъ, нужно его удостовѣрить.

Предположимъ, что паспортъ совершенно безупреченъ, предположимъ, что рѣшительно ничего запрещеннаго не найдено. Писарь имѣетъ нѣсколько писемъ отъ своихъ друзей, которые занимаются соціальными вопросами, положеніемъ народа и пр. Возможно ли не найти здѣсь ни одной подозрительной строчки? У писаря также находятъ книги, которыя хотя и не запрещены, но обнаруживаютъ извѣстную тенденцію.

— Намъ очень непріятно, говорятъ жандармы бунтовщику, но ваши тенденціи суть настоящіе патенты и эти вотъ фразы очень подозрительны... Мы обязаны до освѣщенія дѣла арестовать васъ.

Пока его дѣло „освѣщается“, на вакантное мѣсто писаря приглашается другое лицо. Предположимъ, что все окончилось благополучно, что его политическая жизнь свободна отъ всякаго пятна, тѣмъ не менѣе онъ уже не находитъ новаго мѣста вблизи народа.

— Это странно! вы были арестованы по обвиненію въ политическомъ преступленіи и ищите этого мѣста? Мы не принимаемъ подозрительныхъ, повсюду отвѣчаютъ ему“.

— Какъ быть? —восклицаетъ авторъ этихъ сценокъ, не находя исхода, а онъ очень хорошо знаетъ жизнь въ деревнѣ.

Эти разсказы въ свое время обвиняли въ преувеличеніи. Въ дѣйствительности же, къ несчастью, они только необычайно точны.

Человѣкъ крайне способный, чуждый революціонныхъ идеямъ еще можетъ побѣдить трудности жизни въ народѣ.

Но что случилось бы съ тѣмъ, кто преслѣдуетъ планъ организаціи крестьянской партіи, организаціи міра и пр.?

Чтобы сорганизовать крестьянъ, нужно имѣть прежде всего политическую свободу. нужно, чтобы законъ управлялъ страною.

Таково именно и было общее мнѣніе послѣ опыта нѣсколькихъ лѣтъ жизни въ народѣ.

VI.

Побѣгъ.

Это было, мнѣ кажется, въ сентябрѣ или въ началѣ октября 1879 г.

Прошло больше года, какъ Грачевскій *), захваченный безъ всякихъ законныхъ основаній въ Одессѣ, былъ сосланъ на отдаленный сѣверъ Россіи—въ Пинегу.

Скучная и однообразная жизнь ссыльнаго въ небольшомъ затерянномъ мѣстечкѣ глухой провинціи скоро сдѣлалась невыносимою для этой полной дѣятельности натуры.

Онъ рѣшилъ бѣжать, бѣжать во что бы то ни стало и тѣмъ болѣе, что, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, доступныя его наблюденію, онъ пришелъ къ тому заключенію, что революціонная партія выбрала для себя очень дурную тактику. Въ Россіи нужна была не пропаганда, а открытая борьба съ правительствомъ.

Онъ былъ убѣжденъ, что въ самомъ центрѣ партіи онъ долженъ сказать нѣчто, что его единомышленникамъ необходимо было знать.

Нужно было бѣжать, но какъ это сдѣлать?

Вопросъ о деньгахъ представлялся прежде всего. Товарищи изъ Россіи иногда еще присылали кое-какія крохи, но эта помощь была такъ ничтожна, что Грачевскій потерялъ очень много драгоцѣннаго времени, чтобы собрать изъ нея необходимый кушъ. Къ осени онъ имѣлъ всего только 20 рублей.

---

*) Михаилъ Грачевскій—одно изъ наиболѣе извѣстныхъ въ русскомъ революціонномъ движеніи лицъ, нѣкогда былъ машинистомъ на желѣзной дорогѣ. Арестованный въ 1875 году за революціонную пропаганду, онъ подвергся болѣе чѣмъ двухгодичному предварительному заключенію и былъ оправданъ судомъ Онъ снова поступилъ машинистомъ на Одесско-Балтскую жел. дорогу и, не совершивъ никакого новаго преступленія, былъ неожиданно арестованъ и сосланъ. Послѣ своего побѣга изъ Пинеги онъ горячо отдался революціонной дѣятельности и былъ вновь арестованъ въ 1882 году въ Петербургѣ. Онъ былъ осужденъ на смерть, но его наказаніе было смягчено и смерть замѣнена вѣчнымъ заключеніемъ въ Шлиссельбургской крѣпости.

(Авт.)

Конечно, это была слишкомъ ничтожная сумма для тайнаго путешествія въ 400 верстъ, но съ другой стороны было очевидно, что ожидать долѣе—безплодно и невозможно.

Наступилъ періодъ дождей, періодъ крайне непріятный для побѣга; но ледяной холодъ и снѣжныя бури зимою были страшнѣе. Нужно было воспользоваться временемъ, которое оставалось до зимы, каково бы оно ни было.

Грачевскій изъ своихъ сбереженій купилъ грубые крестьянскіе сапоги и баранью шубу. Одинъ изъ друзей преподнесъ ему драгоцѣнный въ его положеніи подарокъ, маленькій компасъ, какой употребляютъ всегда сѣверные охотники.

Грачевскій предпочелъ предпринять свое путешествіе совмѣстно съ товарищемъ О..., котораго всѣ называли „Бородою“ за его поистинѣ удивительную бороду.

„Борода“ былъ сосланъ въ другой городъ Архангельской губерніи—Холмогоры, если я не ошибаюсь. Письменно между ними было условлено, что они выйдутъ изъ мѣстъ ихъ ссылки одновременно и встрѣтятся въ опредѣленномъ мѣстѣ за лѣсомъ, чтобы оттуда уже итти совмѣстно.

Городъ Пинега окруженъ безвыходными лѣсами, которые покрываютъ собою весь сѣверъ Архангельской губерніи, переходятъ за полярнымъ кругомъ непосредственно въ тундры, а на югѣ доходятъ вплоть до границы настоящей Европейской Россіи. Эти дремучіе лѣса въ различныхъ направленіяхъ пересѣкаются огромными рѣками, а неизмѣримыя болота постоянно угрожаютъ безслѣдно поглотить неблагоразумнаго или несчастнаго путника. Нѣтъ ничего легче, какъ заблудиться и десять разъ умереть съ голода, прежде чѣмъ посчастливится встрѣтить человѣческое жилище. Гораздо легче здѣсь натолкнуться на медвѣдя, стаю волковъ или кровожадную рысь, чѣмъ встрѣтить какого-нибудь крестьянина.

Трудно даже представить себѣ, что возможно еще подобное путешествіе въ концѣ XIX вѣка!

И однакожъ я разсказываю не какой-нибудь эпизодъ изъ романа Густава Эмара. Это—подлинная страница, извлеченная изъ исторіи дѣйствительной жизни русскаго современнаго революціонера.

Грачевскій былъ не изъ такихъ людей, чтобы устрашиться четырехъ сотъ верстнаго путешествія по дикимъ сѣвернымъ лѣсамъ!

Онъ принадлежалъ къ типу тѣхъ русскихъ людей, которые ради служенія идеѣ сумѣютъ ко всему приспособиться, все перенести.

Онъ былъ человѣкомъ средней силы, но его силы всегда были неисчерпаемы; онъ не былъ избалованъ жизнью и не имѣлъ нужды въ комфортѣ. Онъ умѣлъ понемногу дѣлать все самъ: былъ плотникъ, слесарь, машинистъ. Съ топоромъ въ рукѣ онъ сумѣетъ устроить себѣ шалашъ, не останется на берегу рѣки, не построивъ себѣ лодки, плота или моста, онъ сумѣетъ также защититься отъ любого дикаго звѣря, и единственный только хищный звѣрь дѣйствительно устрашаетъ его, это страшная разновидность homo sapiens, котораго называютъ жандармомъ, становымъ, урядникомъ или какимъ-нибудь полицейскимъ. Но такая порода дикихъ звѣрей не встрѣчается и не водится въ этомъ дѣвственномъ лѣсу!

Грачевскій опасался только тѣхъ полей и луговъ, которые лежали между городомъ и лѣсомъ.

Не знаю ужъ, какъ ему удалось вырваться изъ самого города. Это было дѣло не легкое, потому что за ссыльными слѣдили, насколько это было возможно для жалкой полиціи столь отдаленнаго городка.

Страшное пространство было пройдено успѣшно и гостепріимный лѣсъ принялъ бѣглеца въ свое душистое лоно; сіяя отъ радости, онъ погрузился въ таинственный полумракъ, который царствовалъ подъ величественными сводами вѣковыхъ сосенъ и быстро отправился въ путь, иногда посматривая на свой компасъ.

Путешествіе было не изъ легкихъ. Дорога часто бывала загромождена кучами гигантскаго валежника, уложеннаго полярными бурями. Часто встрѣчались глубокія трясины, покрытыя толстымъ слоемъ гніющаго зеленаго мха. Горе тому, кто попалъ бы сюда! Именно въ этихъ скрытыхъ трясинахъ находятъ теперь доисторическихъ мамонтовъ, засосанныхъ жидкой грязью.

Необходимо было постоянно дѣлать большіе обходы и въ то же время надо было торопиться, чтобъ избѣжать погони.

Такъ какъ ссыльные не имѣли права выходить изъ Пинеги, то Грачевскій не могъ знать даже и окрестностей города. Значитъ, у него не было какого-нибудь другого проводника, кромѣ компаса и собственнаго зрѣнія, чтобы оріентироваться въ этомъ извилистомъ пути.

Въ такихъ условіяхъ трудно было не заблудиться, но заботиться объ этомъ было уже поздно; главное было подвигаться какъ можно скорѣе и какъ можно больше.

Быстро наступила ночь; подъ густымъ сводомъ деревьевъ она превратилась въ сплошной мракъ. Небо покрылось тучами, и полилъ непрерывный дождь. Это послѣднее обстоятельство имѣло и свою хорошую сторону, такъ какъ дождь уничтожалъ всякіе слѣды по дорогѣ. Но какъ же итти дальше, не видя конца своего носа?

Сильно уставшій, Грачевскій нашелъ какую-то нору посуше, покрылся своей шубой и уснулъ крѣпко подъ монотонную пѣсню сосенъ, качавшихся отъ вѣтра, и дождя, шумѣвшаго въ вѣтвяхъ. Постель была не изъ удобныхъ; ночной вѣтеръ проникалъ подъ шубу и дождь пробирался по тѣлу маленькими ручейками. Но передъ его закрытыми глазами проходили счастливыя грезы.

Свобода раскрашиваетъ золотыми и радужными красками самыя печальныя обстоятельства жизни.

Утромъ Грачевскій сдѣлалъ очень печальное для себя открытіе: его сухари промокли отъ дождя.

Окоченѣвши отъ холода, но еще болѣе непреклонный въ своемъ рѣшеніи отъ этой чудной, первой свободной ночи, путешественникъ позавтракалъ сухаремъ и отправился снова въ дорогу.

Дождь не переставалъ лить весь день, земля намокла и итти становилось все труднѣе. Но хуже всего было то, что лѣсъ былъ поистинѣ доисторическій. Казалось, никогда съ сотворенія міра нога человѣческая не проникала въ эти дикія мѣста, до такой степени все было нетронуто и дѣвственно въ этой первобытной, могущественной природѣ.

Грачевскій имѣлъ основаніе безпокоиться, что, нѣсколько сбился съ дороги, принявъ ложное направленіе.

Такъ прошелъ второй и третій день посреди всяческихъ лишеній и необычайныхъ трудностей пути.

Но эти дни не были скучны; напротивъ, строгая и торжественная свобода ихъ оставила о себѣ наилучшія воспоминанія въ Грачевскомъ.

Путникъ подвинулся уже достаточно для того, чтобъ не бояться преслѣдованія. Онъ даже позволялъ себѣ иногда зажечь костеръ, чтобы погрѣться и обсушиться. Его ноги привыкли къ такому усиленному маршу и уже не причиняли ему боли, одно только питаніе было крайне плачевно, такъ какъ сухари, промокшіе отъ дождя, превратились въ холодное и грязное тѣсто, которое приходилось черпать ладонью, какъ ложкою. Иногда Грачевскій находилъ ягоды, но не могъ терять времени, чтобы останавливаться для сбора ихъ.

Прошелъ еще день, дождь наконецъ прекратился. На пятый день въ лѣсу стало свѣтлѣе, онъ порѣдѣлъ, и Грачевскій вышелъ, наконецъ, на опушку.

Окружающій видъ былъ великолѣпенъ. Большая рѣка съ ея заливами и островками обрисовывала свои берега на обширномъ горизонтѣ. Именно на этой рѣкѣ была назначена встрѣча съ „Бородой“, только Грачевскій былъ вынужденъ сдѣлать въ лѣсу большой обходъ и оказался гораздо ниже, чѣмъ ему слѣдовало быть. Непріятно! нужно было подняться вверхъ по рѣкѣ и очень торопиться, чтобы не опоздать.

Неподалеку на рѣкѣ стояла маленькая деревушка, и Грачевскій направился туда въ надеждѣ найти лодку, какъ это и оказалось на самомъ дѣлѣ. Грачевскій изъ глубины души мысленно послалъ тысячу извиненій хозяину попавшейся ему маленькой лодочки и забралъ ее. Вѣдь не могъ же онъ въ его положеніи пойти и просить у хозяина разрѣшенія воспользоваться ею! Онъ взялъ также и пару веселъ и храбро началъ подниматься вверхъ по рѣкѣ.

Погода была прекрасна. Горячее солнце освѣщало рѣку, ея острова, зеленѣющіе луга и темный густой лѣсъ на ея берегахъ.

Послѣ утомительнаго пѣшаго путешествія въ предыдущіе дни, это былъ настоящій праздникъ.

Однакожъ, Грачевскій съ ужасомъ началъ замѣчать

въ себѣ какую-то все возрастающую слабость. Несмотря на всѣ усилія онъ подвигался впередъ очень медленно и только послѣ нѣсколькихъ дней пути очутился на условленномъ мѣстѣ. Онъ вышелъ на берегъ и какъ можно дальше оттолкнулъ свою лодку, чтобы она поплыла внизъ къ своему хозяину.

Теперь передъ нимъ стоялъ вопросъ:

— Гдѣ искать „Бороду“?

Условиться о мѣстѣ встрѣчи. само собою, они могли только приблизительно. Первый прибывшій долженъ былъ ожидать своего товарища въ теченіе двухъ дней, если это будетъ возможно. Грачевскій запоздалъ, но вѣдь такія же случайности могли замедлить путь и „Бороды“.

Гдѣ онъ могъ быть? Ушелъ ли онъ дальше или гдѣ-нибудь ожидаетъ? Наконецъ, онъ можетъ быть вовсе и не дошелъ еще до условленнаго мѣста.

Задумавшись, Грачевскій ходилъ взадъ и впередъ.

Въ одномъ стогѣ сѣна онъ нашелъ какъ бы искусственное ложе, совершенно свѣжее, съ примятой вокругъ травою. Это мѣсто вполнѣ могло служить временнымъ убѣжищемъ для бѣглеца. Но „Бороды“ тамъ не было.

Позднѣе Грачевскій узналъ, что онъ былъ правъ. Здѣсь, дѣйствительно, ожидалъ его два дня „Борода“, отправившійся затѣмъ дальше.

Озадаченный Грачевскій все-таки рѣшилъ ждать условленныхъ два дня.

Онъ проводилъ время въ томъ, что осматривалъ кустарникъ съ пустой надеждой найти какой-нибудь слѣдъ своего товарища.

Это было совершенно напрасно, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ себя очень ослабѣвшимъ отъ недостатка питанія и отъ ночей, проведенныхъ во влажномъ холодѣ.

По истеченіи двухъ дней Грачевскій отправился въ дальнѣйшій путь, представлявшій еще больше опасности, такъ какъ надо было проходить по очень населенной мѣстности, чтобы дойти до единственнаго перехода черезъ рѣку. Очевидно, этотъ-то переходъ и былъ самымъ опаснымъ мѣстомъ, гдѣ полиція могла легко выслѣдить бѣглецовъ.

Но какъ же быть, когда чувствуешь, что всѣ твои силы приходятъ къ концу?

Грачевскій продолжалъ двигаться впередъ.

Черезъ два дня пути онъ повстрѣчалъ одного мужика. Въ общемъ разговорѣ этотъ мужичекъ освѣдомилъ его, что становой приставъ поселился на другомъ берегу рѣки и приказалъ всѣмъ окружнымъ деревнямъ опрашивать и препровождать къ нему всѣхъ прохожихъ.

— Развѣ что-нибудь случилось?

— Да, видишь-ли, ищутъ одного бѣглаго... одного-то ужъ словили, ждутъ другого.

— Хорошо!

Значитъ, „Борода“ уже арестованъ, и его самого ожидаетъ таже неизбѣжная участь, это очевидно. Разъ становой опередилъ ихъ и загородилъ имъ дальнѣйшую дорогу въ Россію, можно пойти, чтобы скрыться, только въ лѣсъ. Въ томъ состояніи, въ какомъ былъ Грачевскій, лишенный всякихъ средствъ къ существованію и совершенно измученный, въ лѣсу его ожидала неизбѣжная смерть. Онъ рѣшилъ итти впередъ въ неясной надеждѣ, что, можетъ быть, русское „авось“ придетъ ему на помощь.

Но „авось“ не помогло.

Грачевскій блуждалъ по берегу, но иного способа, какъ пройти черезъ логовище станового, не было.

Это логовище—лагерь станового,—былъ на виду, и самъ онъ былъ такъ увѣренъ въ своей побѣдѣ, что не прятался и не искалъ; онъ просто ожидалъ, и былъ совершенно правъ.

Умирая отъ голода, Грачевскій рѣшилъ пойти въ деревню искать пищи. Онъ обратился къ одному мужичку, который не отказалъ ему, но видимо былъ очень смущенъ. Онъ тотчасъ же заговорилъ, что у нихъ появились бѣглые; что всѣхъ прохожихъ приказано отправлять къ становому и пр.

Грачевскій видѣлъ, что онъ погибъ и не хотѣлъ навлекать тяжелой отвѣтственности на своего хлѣбосольнаго хозяина.

— Ну, пріятель, это ужъ, видно, судьба. Я и есть бѣглый, веди меня въ волость.

Мужикъ былъ очень доброжелателенъ, началъ жалѣть Грачевскаго, но все-таки отвелъ его въ волость. Тамъ тотчасъ же собралась толпа народа, начали разсматривать фальшивый паспортъ Грачевскаго, спрашивали

что онъ такое сдѣлалъ, были очень добродушны, даже видимо огорчены его судьбою, и все же отправили его къ становому. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что Грачевскій былъ отправленъ почти одинъ, на честное слово, такъ какъ молодой мальчишка былъ единственный стражъ, на котораго крестьяне возложили эту миссію.

Таковъ былъ печальный конецъ перваго акта этой маленькой Одиссеи.

Отсюда начинался другой актъ, очень скучный и очень досадный.

Это былъ рядъ допросовъ, грязныхъ провинціальныхъ тюремъ, клоповъ, становыхъ, урядниковъ... Отъ этапа до этапа Грачевскаго привели въ ту же проклятую Пинегу и совершенно такой-же путь онъ долженъ былъ сдѣлать въ Архангельскъ.

По закону, сосланный административнымъ порядкомъ за попытку къ побѣгу наказывался ссылкою въ Восточную Сибирь. Но эта отправка въ Сибирь могла быть произведена только изъ Архангельска, какъ губернскаго города. „Борода“ былъ уже увезенъ туда, и Грачевскій долженъ былъ послѣдовать за нимъ. Правду сказать, это новое путешествіе не пугало его. Въ Архангельскѣ у него были друзья, слѣдовательно, если бы ему удалось снова гдѣ-нибудь вблизи Архангельска вырваться отъ своего конвоя, у него было бы гораздо больше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ въ его послѣднюю попытку. Таковъ и былъ планъ Грачевскаго.

Весь путь онъ старался казаться очень спокойнымъ, что бы не пробудить подозрѣній у своихъ стражей, но въ то же время не упускалъ случая замѣтить все, что представляло какое-нибудь значеніе, твердо рѣшившись воспользоваться первымъ случаемъ, подъѣзжая къ Архангельску.

Одинъ этапъ слѣдовалъ за другимъ, дни проходили другъ за другомъ, и путники уже подъѣзжали къ городу. На послѣдней станціи Грачевскій, наконецъ, рѣшилъ, что моментъ наступилъ. Ямщикъ задремалъ на своихъ козлахъ, конвоиръ, растянувшись рядомъ съ Грачевскимъ въ открытой телѣжкѣ, спалъ крѣпкимъ сномъ.

Путь шелъ лѣсомъ, протянувшимся въ сторону Двины,

въ устьѣ которой расположенъ Архангельскъ. Иногда этотъ густой лѣсъ со всѣхъ сторонъ обступалъ дорогу.

Грачевскій немного пошевелился; конвоиръ продолжалъ спать. Тогда Грачевскій во мгновеніе ока выскочилъ изъ телѣжки и побѣжалъ къ лѣсу. Ямщикъ спрыгнулъ съ облучка и хотѣлъ было поймать его. Бѣглецъ вооружился толстымъ сукомъ дерева и, потрясая своимъ оружіемъ, въ свою очередь устремился на своего противника; этотъ же, испугавшись, бросилъ бѣглеца и направился къ своимъ лошадямъ, которыя, тоже испугавшись шума, рванулись впередъ. Конвоиръ, наконецъ, проснулся; остановивъ вдвоемъ лошадей, они на моментъ задумались, потомъ рѣшили было преслѣдовать убѣжавшаго, но онъ успѣлъ уже скрыться въ лѣсъ.

Какъ тутъ поймать его?

Еще одна минута раздумья, и телѣжка помчалась въ Архангельскъ за помощью. Ямщикъ и конвоиръ Грачевскаго, конечно, думали, что онъ не можетъ уйти далеко по дорогѣ. Когда телѣжка была еще на виду, Грачевскій вышелъ изъ кустарниковъ и направился въ обратномъ направленіи, дѣлая видъ, что уходитъ отъ города; но какъ только телѣжка совершенно исчезла изъ вида, онъ перемѣнилъ направленіе и пошелъ къ городу. Нѣсколько времени спустя онъ услыхалъ отдаленный шумъ погони и поспѣшилъ притаиться въ лѣсу, при чемъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ мимо него промчался эскадронъ полицейскихъ съ самимъ исправникомъ во главѣ. Всѣ торопились на мѣсто происшествія, посовѣтовались недолго, осмотрѣли слѣды. Очевидно, и слѣдъ въ кустарники и слѣдъ на помятой травѣ, равно какъ и показанія конвоировъ Грачевскаго, внушили исправнику увѣренность, что бѣглецъ пошелъ въ противоположномъ городу направленіи, куда поэтому и направилась вся погоня. Тогда Грачевскій оставилъ свое убѣжище и поспѣшилъ своей дорогой.

Положеніе было довольно сомнительнымъ.

Полиція обманутая на нѣкоторое время, конечно, возвратится, послѣ чего его станутъ стеречь въ городѣ. Грачевскій рѣшилъ провести нѣкоторое время въ лѣсу и потомъ добраться до Архангельска съ противоположной стороны. Онъ задумалъ пересѣчь лѣсъ въ направленіи къ Двинѣ и скоро дошелъ до его предѣла.

На противоположномъ берегу широкой рѣки было замѣтно нѣчто въ родѣ острововъ и широкихъ бухтъ. Грачевскому казалось даже, что онъ видитъ что-то въ родѣ мачтъ и барокъ. Совсѣмъ близко у берега онъ встрѣтилъ группу рыболововъ, повидимому отдыхающихъ.

Старикъ, сидя въ лодкѣ, что-то починялъ въ ней. Грачевскій подошелъ къ этому старику и просилъ перевезти его на другой берегъ. Въ его карманѣ было только два или три рубля.

Сначала старикъ былъ чрезвычайно любезенъ.

Къ несчастію, онъ спросилъ у своего собесѣдника, зачѣмъ онъ хочетъ ѣхать на ту сторону. Грачевскій, убѣдившись, что тамъ были барки, отвѣчалъ очень увѣреннымъ тономъ, что онъ служитъ на суднѣ и долженъ отправиться на свое мѣсто.

Тогда старикъ вдругъ видимо обезпокоился и сталъ подозрительнымъ.

— Но кто же ты?

— Я здѣшній житель.

— Такъ!—замѣтилъ старикъ. Я тебя потому спрашиваю, что есть у насъ разные люди... И скажи-ка, братъ, гдѣ ты живешь?

Грачевскій совсѣмъ не зналъ города и отвѣчалъ наугадъ, но, казалось, его отвѣтъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ познаніямъ настоящаго мѣстнаго жителя. Старикъ, продолжая свою работу, началъ настоящій допросъ. Грачевскій смѣшался, хотѣлъ убѣжать, но это было невозможно: въ двухъ шагахъ было нѣсколько рыболововъ и при первомъ же крикѣ старика его бы задержали.

Въ этомъ поистинѣ трудномъ положеніи Грачевскій сдѣлалъ героическій выборъ. Онъ сказалъ старику, что онъ солгалъ, что онъ не былъ жителемъ города Архангельска, но что онъ бѣжавшій политическій ссыльный. Теперь, прибавилъ онъ откровенно, онъ ищетъ только убѣжища, чтобы избавиться отъ полиціи, которая его ищетъ.

Старикъ началъ опять допрашивать его самымъ внимательнымъ и подробнымъ образомъ.

— Правда ли, что онъ политическій ссыльный, на какомъ основаніи его сослали, за что и пр.

Грачевскій на все отвѣчалъ откровенно.

Старикъ улыбнулся и покачалъ головой...

— Ну, братъ, отвѣчалъ онъ, наконецъ, я самъ не повезу тебя, а пошлю съ тобой моего малаго. Поѣзжай на этотъ островъ. Ты хочешь переночевать тамъ. Твой планъ основателенъ; но, слышишь ли? Никому не говори, что ты ѣдешь на твое судно.

Старикъ улыбнулся.

— Тамъ, на другой сторонѣ, было много судовъ, когда я былъ еще мальчишкой; но теперь, братъ, ужъ тридцать лѣтъ, какъ тамъ нѣтъ ни одного!

Оказалось, что указаніе Грачевскаго на барки возбудило подозрѣніе у стараго рыболова.

Какъ бы то ни было, старикъ опять сдѣлался очень любезнымъ, позвалъ своего малаго и приказалъ ему перевезти Грачевскаго.

Во время этого переѣзда молодой рыбакъ въ свою очередь о многомъ спрашивалъ Грачевскаго и тотъ откровенно разсказалъ ему свои приключенія. Молодой матросъ далъ ему много практическихъ совѣтовъ относительно того, какъ отвѣчать прохожимъ, которые могутъ его повстрѣчать.

— Здѣсь на этомъ островѣ,—сказалъ онъ,—есть деревня, гдѣ можно попросить лодку до Архангельска; этотъ городъ—единственное въ мірѣ мѣсто, съ которымъ та деревня имѣетъ сообщеніе; со всѣхъ другихъ сторонъ ее окружаютъ непроходимыя болота.

Затѣмъ, давъ Грачевскому немного хлѣба, молодой человѣкъ дружески попрощался съ нимъ, и Грачевскій началъ бродить по грязному и сырому острову.

Начало дождить. Холодъ пронизывалъ нашего путника до костей, несмотря на его баранью шубу. Чтобы не пришлось провести ночь въ лѣсу, онъ началъ искать деревню и долго не могъ найти ея. Спустилась уже темная сѣверная ночь, когда онъ подошелъ къ освѣщеннымъ избамъ и постучался въ первую попавшуюся дверь.

— Позвольте ночевать у васъ.

Ему отказали.

Онъ постучался въ другомъ домѣ; отказали тоже. Вымокшій и раздосадованный онъ, наконецъ, воскликнулъ:

— Что за чертъ! Сдохнуть мнѣ, что ли, здѣсь отъ холода? Хороши порядки! Гдѣ живетъ староста?

Безжалостный крестьянинъ указалъ ему на домъ старосты, но заперъ свою дверь.

Грачевскій храбро пошелъ къ указанному дому и постучался.

Дверь открыла женщина.

— Что тебѣ надо?

— Старосту.

— Ну, говори скорѣе, чего надо.

— Я тебѣ сказалъ, что мнѣ нужно старосту.

— Да я и есть староста, говори же.

Оказалось что всѣ главы семействъ исполняли обязанности старосты поочередно, и такъ какъ эта женщина была главою своей семьи, то взять на себя эти обязанности въ данное время какъ разъ была ея очередь.

Грачевскій разсказалъ ей вымышленную, но подходящую къ обстоятельствамъ исторію.

Онъ былъ жителемъ г. Архангельска и утромъ въ компаніи съ товарищами поѣхалъ въ эту деревню на свадьбу. Его товарищи, пьяные, выдумали плохую для него шутку: они уѣхали и оставили его на островѣ. Женщина, какъ подобаетъ общественному представителю, выразила живой интересъ къ жертвѣ такой дурной выходки. Она приготовила ему ужинъ и указала постель на ночь.

Здѣсь неудачи нашего путешественника окончились. Онъ крѣпко уснулъ въ теплой избѣ своей гостепріимной хозяйки, утромъ нанялъ лодку и отправился въ Архангельскъ, какъ мирный гражданинъ. Было не трудно уже найти своихъ друзей, которые приготовили ему надежное убѣжище, гдѣ онъ провелъ нѣсколько дней, никуда не выходя.

Полиція исколесила всѣ дороги, дѣлала обыски у всѣхъ подозрительныхъ въ городѣ лицъ, но все было напрасно. Когда горячка поисковъ ослабла, Грачевскій, прилично одѣвшись, побритый и совершенно измѣнившій свой внѣшній видъ, нанялъ лошадей въ Вологду, откуда по желѣзной дорогѣ отправился въ Москву и далѣе до Петербурга.

На этотъ разъ полиція была удачно проведена...

„Бородѣ“ удалось также убѣжать благополучно. Во время его путешествія въ Москву, откуда онъ долженъ былъ отправиться въ Сибирь, онъ упорно повторялъ своимъ провожатымъ:

— Берегите меня хорошенько, а то я убѣгу.

— Хорошо, хорошо, отвѣчали жандармы улыбаясь.

Такъ они пріѣхали уже въ Вологду и помѣстились въ вагонѣ желѣзной дороги, заперевъ двери на ключъ.

Жендармы начали шутить:

— Вотъ теперь наступилъ самый опасный моментъ, онъ убѣжитъ пожалуй черезъ окно вагона!

— Совершенно вѣрно, убѣгу, какъ пить дать, и именно черезъ это окно, отвѣчалъ ихъ плѣнникъ.

Судьбы, управляющія міромъ, распорядились такъ, чтобы жандармы, чувствуя себя въ совершенной безопасности, уснули.

Тогда „Борода“ вылѣзъ изъ окна, держась руками за спинку вагона. Онъ былъ такъ высокъ, что ногами почти доставалъ рельсы; оставалось сдѣлать одно усиліе и прыгнуть,—онъ такъ и сдѣлалъ.

Этотъ феноменальный прыжокъ быть такъ удаченъ, что „Борода“ не причинилъ себѣ ни малѣйшаго вреда. Онъ поднялся и отправился въ дальнѣйшій путь пѣшкомъ. Черезъ нѣсколько дней пути онъ былъ въ Москвѣ, но только уже безъ своихъ конвоировъ.

VII.

Тайная типографія.

Саперный переулокъ—маленькая петербургская улица, очень чистая и очень спокойная.

Богатые люди не ищутъ для себя здѣсь обширныхъ палатъ; очень бѣдныя семьи идутъ тоже въ другіе мѣста города въ поискахъ маленькихъ помѣщеній. Но супруга какого-нибудь чиновника средней руки, получающаго тысячу рублей жалованья, охотно скажетъ: „Это прекрасно, здѣсь спокойно, близко отъ магазиновъ

Невскаго и Литейнаго, улица, несмотря на ея четырехъ-этажные дома, даже хорошо освѣщена, и не дорого...“

Именно здѣсь семейство Лысенко осенью 1879 года остановило свой выборъ на четвертомъ этажѣ дома № 17.

Г. Лысенко былъ поистинѣ достойный молодой человѣкъ, съ золотымъ пенснэ, одѣтый почти въ богатую шубу. Его жена, свѣжая и розовая молодая дама, очаровала дворника своимъ симпатичнымъ и веселымъ лицомъ.

Съ своей стороны и Лысенко былъ доволенъ квартирой: комнаты оказались прекрасными, лѣстница даже богатая...

Хорошо и то, что не было швейцара.

— Всегда меньше слѣдятъ, если нѣтъ этихъ шпіоновъ, замѣтилъ Лысенко своей женѣ, когда они остались одни.

Таково именно было мнѣніе Александра Михайлова, знаменитаго главаря многихъ конспирацій.

За нѣсколько дней раньше онъ былъ на этой квартирѣ и тщательно во всѣхъ подробностяхъ осмотрѣлъ ее. Именно онъ-то и рѣшилъ остановить выборъ на этой квартирѣ.

— Стѣны толсты, замѣтилъ онъ своимъ товарищамъ, никакой шумъ не будетъ слышенъ. Двѣ лѣстницы облегчаютъ входъ и выходъ. Окна великолѣпны, ихъ видно даже изъ другой улицы: знакъ безопасности, значитъ, будетъ легко замѣтенъ. Наконецъ, квартиру съ такимъ именно входомъ нельзя будетъ застать врасплохъ.

Все это была правда.

Входная дверь квартиры была очень прочна; въ прихожей есть маленькое окно, помѣщенное очень высоко и выходящее на лѣстницу. Черезъ него осажденные могли бы прекрасно обстрѣливать лѣстницу и надолго удержать тамъ осаждающихъ, если бы пришлось съ оружіемъ въ рукахъ отражать нападеніе.

Такимъ образомъ, почтенное семейство Лысенко— устроилось.

Оно состояло изъ мнимаго мужа, Николая Буха, и его мнимой жены, Софьи Ивановой. Дѣтей не было, но

Лысенки имѣли прислугу, на самомъ дѣлѣ ихъ единомышленницу—Марью Грязнову.

Никакихъ жильцевъ, кромѣ перечисленныхъ, официально не было записано, но съ ними жили еще два человѣка совершенно тайно.

Конспираторы полагали, что большое число жильцовъ могло бы показаться подозрительнымъ. Кромѣ того, каждымъ лишнимъ фальшивымъ паспортомъ, который естественно легко можетъ быть обнаруженъ, какъ излишнимъ рискомъ, не слѣдовало еще больше увеличивать опасность.

Принявъ такую систему, жильцы квартиры чувствовали себя въ сравнительной безопасности, тѣмъ болѣе, что паспортъ Лысенко былъ дубликатомъ, т. е. копіей настоящаго паспорта лица, носившаго эту фамилію, и полиція могла сколько угодно его удостовѣрять. Такими дубликатами русскіе конспираторы старались пользоваться, но случаи снять копію съ паспорта представлялись не часто.

Два человѣка, жившіе здѣсь тайно, были Любкинъ и Цукерманъ.

Квартира подъ типографіей состояла изъ пяти комнатъ, считая въ томъ числѣ и кухню.

Входя черезъ прихожую, посѣтитель видѣлъ бы небольшую комнату, украшенную большимъ портретомъ Государя; подъ портретомъ—диванъ, столъ, окруженный полудюжиною стульевъ, на полу большой коверъ, словомъ, вся обстановка русской семьи не изъ богатыхъ, но и не очень бѣдной.

Другая комната по внѣшности должна была быть спальной супруговъ. На самомъ дѣлѣ это была комната г-жи Ивановой; въ ней стояла единственная кровать во всей квартирѣ, за исключеніемъ кровати прислуги.

Эта послѣдняя занимала по русскому обычаю кухню и спала въ ней.

Мужчины жили въ остальныхъ комнатахъ и спали просто на полу, на матрацахъ или на грудахъ типографской бумаги. Одна изъ этихъ двухъ комнатъ, самая скрытая по своему положенію, была снабжена кушеткой. Это и была типографія.

Типографскій прессъ былъ очень простъ.

На широкой желѣзной доскѣ помѣщали наборъ.

Большой пустой цилиндръ, наполненный внутри шрифтомъ, для того чтобы онъ былъ потяжелѣе, и хорошо обернутый сукномъ, проходилъ взадъ и впередъ надъ наборомъ, опираясь на два маленькіе желѣзные рельса, по высотѣ равные набору.

Работали два человѣка.

Одинъ намазывалъ наборъ типографской краской и убиралъ цилиндръ; въ то же самое время другой работникъ укладывалъ на наборъ листъ бумаги. Первый отталкивалъ цилиндръ, снималъ отпечатанный листъ и прибавлялъ, если было нужно, краски.

Укладка листовъ на наборъ требовала почти художественной ловкости.

При такихъ-то, почти примитивныхъ приспособленіяхъ типографія могла отпечатать отъ двухъ до трехъ сотъ листовъ въ день.

Эта система была принята, какъ самая удобная въ настоящихъ обстоятельствахъ. Разъ пластина была помѣщена на сидѣньи кушетки, цилиндръ ходилъ по рельсамъ и печатаніе не производило большого шума. Кромѣ того, всѣ части пресса могли быть легко и быстро сняты.

Только одна желѣзная пластина была довольно неудобна, и въ другихъ типографіяхъ ее замѣняли иногда предметомъ, не имѣвшимъ въ себѣ ничего подозрительнаго, а именно очень толстымъ зеркальнымъ стекломъ.

Послѣдняя комната была предназначена для набора. Въ ней было нѣсколько простыхъ столовъ, на которые ставили кассы со шрифтомъ и работами. Работали почти всегда также и ночью при большихъ лампахъ, но въ этихъ случаяхъ изъ предосторожности закрывали окна очень толстой клеенкой, которая совершенно не пропускала свѣта.

Все устройство типографіи было произведено подъ наблюденіемъ Александра Михайлова и съ полнѣйшимъ успѣхомъ. Не было допущено ни одной ошибки. Шрифтъ, самая тяжелая часть матеріала, (я полагаю больше 12 пудовъ) былъ перенесенъ въ квартиру вмѣстѣ съ мебелью, распредѣленнымъ по мѣшечкамъ на маленькія количе-

ства. Желѣзная пластина, самая тяжелая и большая вещь, была перенесена во время дождя подъ каучуковымъ пальто.

Квартиру знали только тѣ, кто былъ непосредственно занятъ дѣлами типографіи.

Работа началась. Нужно было выпустить первый номеръ „Народной Воли“, органа вновь образовавшейся партіи.

Эта газета въ свое время надѣлала много шума. Она имѣла горячихъ сторонниковъ, еще больше у нея было ожесточенныхъ враговъ, даже между революціонерами.

Это не былъ просто революціонный листокъ, какъ „Земля и Воля“, который предшествовалъ ему по времени.

Это не былъ призывъ къ мщенію, какъ нѣкоторыя изданія того времени. Она не обращалась даже исключительно къ соціалистической партіи, она все русское общество призывала къ сверженію правительства, требовала созыва учредительнаго собранія, какъ постояннаго представительнаго органа, и дѣлала это съ энтузіазмомъ, даже съ фанатизмомъ; но именно благодаря этому она и пользовалась въ свое время такой большой популярностью. Это былъ настоящій, огромный успѣхъ.

Успѣхъ этотъ былъ способенъ ободрить редакцію и всѣхъ другихъ партизановъ новой партіи.

Но работниковъ типографіи, этихъ незамѣтныхъ тружениковъ дѣла, которые лично даже были лишены возможности наблюдать его развитіе, на нихъ этотъ успѣхъ могъ дѣйствовать только посредственно.

Воодушевленіе отъ борьбы, радости побѣды—все это существовало для другихъ, они же имѣли въ утѣшеніе только тяжелый, монотонный трудъ. Съ ними никто не видѣлся, они не имѣли возможности почти никогда выходить изъ квартиры, никто не могъ приходить къ нимъ, кромѣ одного или двухъ лицъ, обязанныхъ снабжать типографію бумагой и уносить напечатанные номера.

Редакція журнала была совершенно независима отъ типографіи; члены ея не знали даже адреса типографіи и не имѣли съ нею никакихъ сношеній. Редактирован-

ныя уже статьи отдавались тому, на комъ лежала вся организація.

Положеніе редакціи также было не изъ легкихъ; за всѣми членами ея усиленно слѣдила полиція и постоянно ихъ преслѣдовала. Портфель редакціи былъ слѣдовательно портфелемъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ всѣ бумаги, статьи, корреспонденціи и пр. находились всегда при себѣ у членовъ редакціи. По поводу нѣкоторыхъ вопросовъ, требовавшихъ общаго обсужденія, собирались, гдѣ это было возможно: у кого-нибудь изъ редакторовъ, если это не было опасно, у кого-либо изъ друзей, въ ресторанѣ, и пр.

Редакція должна была подвергаться своего рода цензурѣ. Газета была органомъ партіи и хотя она была вполнѣ предоставлена усмотрѣнію редакціи, ее было необходимо подвергать на одобреніе тайной организаціи и принимать во вниманіе ея планы, взгляды и идеи. Конечно, организація „Народной Воли“ была тогда очень расположена сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ Россіи и, слѣдовательно, съ мнѣніемъ редакціи, которая имѣла непосредственныя сношенія съ обществомъ. Но все же цензура оставалась цензурой.

Жизнь типографщиковъ была всегда скучна и однообразна.

Вставали очень рано; одна изъ женщинъ принималась за хозяйство, остальные становились на работу. Женщины хозяйничали по очереди и, тяготясь этимъ скучнымъ дѣломъ, иногда упрекали мужчинъ, что они не хотятъ имъ помочь.

— Да вѣдь мы же убрали наши постели, объявлялъ Бухъ своимъ флегматическимъ тономъ.

— Этотъ Бухъ поистинѣ отчаянный лѣнтяй.

На самомъ же дѣлѣ это былъ работникъ выше всякой похвалы. Типографъ - артистъ, также какъ и его товарищъ Любкинъ, котораго звали по просту „Птица“, онъ былъ прямо влюбленъ въ свою работу. Оба они были готовы всѣ дни и часы проводить въ установкѣ своихъ инструментовъ, пресса, кассъ, шрифта.

Благодаря только этой влюбленной усидчивости, революціонныя изданія этой поистинѣ бѣдной типографіи всегда были даже изящны.

Ничто не могло доставить Буху большаго удовольствія, какъ протоколы о происшедшихъ тамъ и сямъ конфискаціяхъ революціонныхъ изданій.

Въ большинствѣ случаевъ эти протоколы говорили, что захваченныя изданія были прекрасной работы и что машины типографіи должны быть очень хороши.

— Какъ, какъ? повторите, что они говорятъ, я не вполнѣ разслышалъ! — просилъ, обыкновенно, Бухъ.

Онъ работалъ усидчиво, какъ художникъ, увлекающійся своимъ предметомъ, но онъ былъ человѣкъ слабый и болѣзненный.

Сынъ очень высокопоставленнаго чиновника, племянникъ дядей-сенаторовъ, привыкшій къ богатой жизни— онъ не имѣлъ той привычки къ труду, которая отличаетъ человѣка рабочаго по происхожденію.

Если у него выпадала свободная минута, онъ предпочиталъ провести ее растянувшись на постели, тѣмъ болѣе, что онъ былъ натурою крайне флегматичной.

Самый простой разговоръ составлялъ для него уже нѣкоторый трудъ. Онъ былъ молчаливъ, какъ хорошо воспитанный индѣецъ; если же было необходимо сказать что-либо, онъ всегда предпочиталъ сказать одно слово вмѣсто двухъ.

Никогда во всей его жизни, я думаю, онъ не выходилъ изъ себя: это былъ человѣкъ всегда спокойный, флегматичный, молчаливый, съ неподвижностью настоящаго англійскаго джентельмена, внѣшность котораго кстати онъ и имѣлъ: худой, слабый, съ свѣтлорусой бородой, но очень приличный и поистинѣ красивый. Если онъ выходилъ изъ дому, онъ одѣвался безупречно; если же былъ въ квартирѣ, то, говоря правду, платье и не стоило того, чтобы тратить время на его чистку, да и не было ли основательнѣе вмѣсто этого молчаливо помечтать о чемъ попало, любуясь кольцами дыма отъ своей папироски?

Другой, Любкинъ, былъ или казался совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, почти мальчикомъ, съ черной шевелюрой и такими же только что появившимися усами и бородой.

Для него, очень дѣятельнаго, очень нервнаго и мечтательнаго, быть можетъ, было бы лучше не осуждать

себя на это заключеніе, которое несомнѣнно болѣе свойственно человѣку постарше его. Однако же онъ не жаловался, будучи преданъ своей работѣ, которой онъ посвятилъ два года изъ своей очень короткой жизни. Чрезвычайно скромный онъ никогда не говорилъ, а можетъ быть даже и не думалъ о себѣ. Многіе изъ товарищей даже не знали его настоящаго имени и послѣ, когда уже онъ умеръ, имъ было очень трудно вспомнить, какъ его звали, чтобы вписать и его имя въ общій мартирологъ.

Но въ типографіи было еще одно лицо, которое не только не тяготилось ею съ большимъ или меньшимъ терпѣніемъ, какъ другіе, но которое даже увеселяло ее и, очевидно, чувство валосебя счастливымъ. Это былъ Цукерманъ, русскій еврей, прожившій всю жизнь за границей.

Онъ очень плохо зналъ русскій языкъ, но это не мѣшало ему работать очень хорошо. Онъ былъ по ремеслу наборщикъ и этимъ трудомъ жилъ въ Германіи, съ тѣхъ поръ какъ разочаровался въ другомъ своемъ призваніи. Передъ тѣмъ онъ очень много и долго изучалъ талмудъ, чтобы сдѣлаться раввиномъ и пріобрѣлъ въ этой области очень солидныя знанія.

Жизнь въ Берлинѣ была тяжела, и соціалдемократическія убѣжденія Цукермана сблизили его съ революціонерами на-половину забытаго имъ отечества. Онъ охотно принялъ предложеніе возвратиться въ Россію, чтобы работать въ типографіи „Народной воли“.

Гораздо старше, чѣмъ его товарищи, мнѣ кажется, онъ долженъ былъ питать и менѣе счастливыя мечты о своей жизни. Иногда онъ бывалъ настоящимъ поэтомъ, и увѣряютъ, что онъ былъ даже очень извѣстный поэтъ на еврейскомъ языкѣ.

Цукерманъ былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ, находилъ трудъ полезнымъ, своихъ товарищей и собственное существованіе надежнымъ; всегда добродушный, наивный, насколько можно быть такимъ только въ Германіи, всегда довѣрчивый и въ общемъ очень милый малый, онъ забавлялъ всю мастерскую.

Онъ работалъ въ типографіи и помогалъ дамамъ на кухнѣ, любилъ говорить о политикѣ и особенно объ

иностранной; это былъ единственный человѣкъ въ типографіи, который прилежно читалъ газеты: онъ зналъ всегда, что говорили Бисмарки, Гамбетты, Гладстоны, что они сдѣлали или предполагали дѣлать.

— Ну, Цукерманъ, подсмѣивались товарищи, значитъ, вы думаете, что произойдетъ война между такими-то державами?

И Цукерманъ, тотчасъ же воодушевившись и совсѣмъ не замѣчая ироніи, начиналъ объяснять самые сокровенные планы державъ этого міра.

Были или нѣтъ мужчины расположены помогать дамамъ, все же послѣднія должны были сами заниматься хозяйствомъ. Утромъ въ кухню входили чужіе люди: дворникъ приносилъ дрова, уносилъ помои, потомъ приносили разную провизію, значитъ, нужно было, чтобы видѣли какъ женщины исполняютъ свои обязанности. Эта необходимость заниматься хозяйствомъ была, конечно, очень трудна для нихъ.

Софья Иванова, какъ и всѣ русскія барышни, не понимала ровно ничего въ этой области; она не умѣла сказать продавцамъ, что собственно ей было нужно, не умѣла приготовить супа, а дѣлать что-нибудь въ кухнѣ было необходимо прежде всего, чтобы не привлечь вниманія дворника, а затѣмъ и для того, чтобы прокормить рабочихъ. Такимъ образомъ, худо ли, хорошо ли, въ кухнѣ стряпали, иногда умирая при этомъ отъ смѣха при видѣ собственнаго невѣдѣнія, которое необходимо было скрыть.

Иванова была крайне симпатичной личностью въ партіи.

Товарищи и подруги называли ее просто „Ваничкой", заимствовавъ это прозвище изъ ея фамиліи, такой она была живой, горячей и веселой. Съ ея бравурной беззаботностью какого-нибудь молодого офицера она соединяла золотое сердце и самую привлекательную женскую веселость.

Столь молодая, юная,—ей было не больше двадцати лѣтъ,—она насчитывала уже четыре года политической борьбы. Два раза она судилась и была сослана въ Кемь, одинъ изъ самыхъ сѣверныхъ городовъ Европы на Бѣломъ морѣ, близъ Полярнаго круга.

Эта ссылка была невыносима для нея, она бѣжала и съ тѣхъ поръ отдалась самой горячей революціонной борьбѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ всего послѣ ея побѣга мы и застаемъ ее въ этой типографіи.

Немногое могу сказать объ ея подругѣ—Грязновой. Это была молоденькая дѣвушка, очень нервная, больная и очень несчастная въ теченіе всей своей жизни. Она не была высоко образована, но ея искреннія убѣжденія поставили ее на этотъ опасный постъ.

Въ то время, какъ женщины занимались хозяйствомъ въ кухнѣ, мужчины принимались за свою работу, и такъ продолжалось до обѣда. Затѣмъ обѣдали, если было чѣмъ пообѣдать, потому что организація не всегда могла снабжать свою типографію достаточнымъ количествомъ денегъ. Послѣ обѣда пили чай, и это было моментомъ настоящаго отдыха, разговоровъ, шутокъ. Можно было бы представить себѣ, что въ тайной типографіи жизнь обитателей идетъ грустно и безпокойно при мысли о постоянной опасности; ничуть не бывало, это была какъ бы жизнь на войнѣ, гдѣ ничего не боялись, потому что не думали объ опасности; но и это не совсѣмъ такъ, ибо здѣсь нерѣдко даже позволяли себѣ шутить именно надъ этой опасностью.

Типографія въ случаѣ нашествія рѣшила защищаться, о чемъ иногда между ея работниками шли бесѣды.

— Какъ вы думаете, спрашивали дамы, могутъ ли повѣсить женщинъ?

— О, нѣтъ! Это было бы слишкомъ скандально. Правительство никогда не рѣшится на такую мѣру.

— Тогда, значитъ, мы будемъ стрѣлять въ полицію, когда она явится, потому что мы внѣ опасности, смѣясь замѣчали дамы.

Понятно, что это была только шутка.

Михайловъ посѣщалъ типографію, обыкновенно, во время обѣда. Его встрѣчали съ большой радостью, такъ какъ онъ приносилъ извѣстія о томъ, что происходило на остальномъ свѣтѣ.

— Какъ идутъ дѣла? Что говорятъ въ обществѣ? Какъ ведетъ себя полиція?

Михайловъ считалъ своимъ долгомъ приносить сюда

какъ можно чаще и какъ можно больше разнообразныхъ извѣстій. Это былъ его принципъ.

Было необходимо, чтобы людямъ по возможности жилось весело и чтобы они были довольны своимъ положеніемъ.

Послѣ чая снова принимались за работу и не оставляли ее очень часто до двухъ или трехъ часовъ ночи.

Такъ проходили всѣ дни, похожіе другъ на друга, какъ двѣ капли воды.

Четвергъ, впрочемъ, составлялъ нѣкоторое исключеніе. Въ этотъ день приходили полотеры и надо было основательно приготовиться къ ихъ посѣщенію. Начиналась всеобщая сутолока. Въ прихожей былъ огромный стѣнной шкафъ и туда прятали кассы и всѣ части пресса. Полы тщательно выметались, чтобы ни одна какая-нибудь затерявшаяся буква шрифта не выдала типографію. Такая работа была тѣмъ непріятнѣе, что ее нужно было производить въ молчаніи, безъ всякаго шума. Для сосѣднихъ жильцовъ было бы очень странно, если бы они слышали этотъ шумъ каждый разъ передъ приходомъ полотеровъ. Переноска тяжелаго цилиндра составляла особенную непріятность, такъ какъ на рукахъ унести его не могли. Приходилось катить этотъ цилиндръ по полу, употребляя всѣ усилія, чтобъ эта масса свинца не производила шума.

Спрятавъ всѣ слѣды преступленія, жильцы выгоняли изъ дому Любкина и Цукермана. Волей неволей имъ приходилось каждый четвергъ посвящать этимъ обязательнымъ прогулкамъ и возвращаться домой только послѣ ухода полотеровъ; но эти четверги были единственными днями въ недѣлю, когда Любкинъ и Цукерманъ выходили изъ своего убѣжища, чтобы излишними выходами не обращать на себя вниманія дворника или кого-нибудь изъ сосѣдей.

Такая однообразная жизнь нашихъ типографовъ волновалась чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ очень рѣдко.

Одинъ разъ, напримѣръ, праздновали именины Александровъ. Это былъ день Александра Невскаго, тезоименитство императора, и поэтому весь Петербургъ былъ полонъ шумомъ официальнаго празднества. Квятковскій, Михайловъ и Баранниковъ, третье лицо, имѣвшее

сношенія съ типографіей, всѣ носили имя Александра. Это было достаточнымъ поводомъ, чтобы устроить небольшое развлеченіе типографскимъ муравьямъ. Эта блестящая идея устроить праздникъ всѣхъ Александровъ пришла Ивановой, и это было для нея тѣмъ болѣе пріятно, что со времени устройства типографіи она могла видѣть своего мужа только изрѣдка и всего на нѣсколько минутъ, когда онъ приходилъ по дѣламъ въ типографію.

Разъ Иванова была весела—всѣ кругомъ нея вынуждены были также веселиться, и благодаря этому праздникъ въ присутствіи трехъ Александровъ прошелъ очень оживленно: пировали настоящимъ образомъ, пили здоровье каждаго, даже предлагали стаканъ портрету Александра II, который лично, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, не могъ присутствовать на этомъ торжествѣ.

Первые дни ноября внесли въ жизнь типографіи большую тревогу.

6-го ноября былъ арестованъ Квятковскій. Нужно было приготовиться ко всему, чтобы какое-нибудь несчастіе не могло захватить врасплохъ. С. Иванова не плакала особенно передъ товарищами, но ея мрачный видъ выдавалъ степень понесеннаго ею удара.

Никто однакожъ не зналъ, что арестъ Квятковскаго былъ какъ бы memento mori для самой типографіи.

Иванова уходила въ свою комнату и старалась заглушить крики своего сердца удвоеннымъ трудомъ. Ея товарищи, два дня спустя, были наоборотъ очень обрадованы тѣмъ, что имъ пришлось пріютить у себя двѣ другія симпатичныя жертвы того же дня 6-го ноября.—

Арестъ кого-либо изъ главъ партіи всегда влечетъ за собою болѣе или менѣе многочисленные аресты, какъ прямое свое слѣдствіе. Двое изъ такихъ жертвъ имѣли счастье удачно ускользнуть въ самый же день ареста и благодаря ихъ важной роли въ партіи они нашли убѣжище въ типографіи. *)

*) Двое пришедшихъ въ типографію, послѣ ареста Квятковскаго, были Н. Морозовъ и О. Любатовичъ, жившіе до тѣхъ поръ вмѣстѣ нелегально и вынужденные скрыться, удачно избѣгнувъ ареста.

Прим. пер.

Здѣсь они были желанными гостями, какими, обыкновенно, бываютъ новые заключенные для аборигеновъ тюрьмы. Типографы иногда даже забывали свою работу, ради разговоровъ съ своими гостями.

Въ это время весь Петербургъ увлекался идеей спиритизма; рѣшительно всѣ приходили въ экстазъ передъ танцующими столами и ихъ отвѣтами на вопросы. Всѣ души, существующія или нѣтъ въ мірѣ, вызывались этимъ путемъ нервными обитателями Петербурга.

Типографы были слишкомъ отсталыми людьми, чтобы подвергнуться вліянію этой моды, но ихъ гости только что испытывали ее на себѣ и повторяли собою петербургскіе салоны. Въ долгую зимнюю ночь, однажды, послѣ печальнаго и тяжелаго разговора о погибшихъ друзьяхъ, они, смѣясь, предложили, чтобы сбросить съ себя мрачныя грезы, которыя ихъ окутывали, вызвать духъ Александра Соловьева *).

Духъ былъ вызванъ, но, казалось, о будущемъ онъ зналъ не больше, чѣмъ тѣ, которые его допрашивали. Его спросили, погибнетъ ли когда-нибудь императоръ?

Духъ отвѣчалъ, что это произойдетъ или черезъ десять мѣсяцевъ или черезъ десять недѣль, не помню.

— Кто совершитъ это?

— Четыре человѣка, отвѣчалъ онъ

— Какимъ орудіемъ это будетъ сдѣлано?

— Ядомъ...

* * *

Неожиданное пребываніе этихъ гостей въ типографіи продолжалось всего нѣсколько дней, послѣ чего они удалились, чтобы снова приняться за свое дѣло, и типографія опять погрузилась въ ея невозмутимую и безцвѣтную жизнь, отнюдь не предполагая, что и она отживала послѣдніе дни и была уже наканунѣ дня нападенія на нее полиціи.

Арестъ Квятковскаго вызвалъ нѣсколько другихъ арестовъ такихъ лицъ, сношенія съ которыми Квятков-

---

*) Соловьевъ за покушеніе на жизнь Александра II (2/IV 79 г.) казненъ 14 апр. 79 г. *(Авт.)*.

скаго полиція могла такъ или иначе прослѣдить. Между этими послѣдними былъ одинъ молодой человѣкъ, у котораго при обыскѣ нашли кучу разныхъ бумагъ. Очевидно, это было нѣчто въ родѣ архива конспираторовъ. Въ этихъ бумагахъ отыскали маленькую записку съ именемъ и фамиліей Лысенко. Этого было достаточно. Можно предположить, что изготовляя паспортъ Лысенко, забыли уничтожить маленькую замѣтку о немъ, черновикъ, а затѣмъ уже и совершенно забыли объ ея существованіи.

Но полиція постаралась, конечно, собрать свѣдѣнія объ этомъ таинственномъ персонажѣ и скоро узнала, что изъ всѣхъ Лысенко въ Петербургѣ, тотъ который носилъ указанное въ запискѣ имя, жилъ въ Саперномъ переулкѣ.

Рѣшено было произвести обыскъ въ его квартирѣ.

Въ ночь 17 января 1880 года кто-то дернулъ звонокъ въ квартирѣ Лысенко.

— Кто тамъ?

— Телеграмма для г. Лысенко, отвѣчали изъ-за двери.

Ложь была очевидна, вѣдь типографія не могла получать телеграммъ.

— Подите къ черту!

Полиція была удивлена.

Полагали, что предстоитъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ обысковъ, которыми пугаютъ каждую ночь безъ особеннаго шума столько русскихъ гражданъ, и полиція явилась сюда только въ числѣ трехъ человѣкъ, не считая дворника.

Если они и употребили нѣкоторую хитрость, то это было сдѣлано просто по привычкѣ, какъ это дѣлалось всегда. Ни въ какомъ случаѣ полиція не могла предположить, что этимъ шагомъ она дѣлала такое важное „открытіе“.

— Откройте дверь, повторялъ частный приставъ.

Отвѣтомъ ему послужилъ выстрѣлъ изъ револьвера, сперва одинъ, потомъ другой, третій...

Пули, выпускаемыя наугадъ изъ окна въ прихожей ударялись въ лѣстницу.

Полиція, испуганная этой неожиданной атакой, сбѣ-

жала внизъ и помѣстилась на площадкѣ перваго этажа, живо послав за подкрѣпленіемъ.

Въ самой же типографіи все мигомъ пришло въ движеніе.

Начали уничтожать знаки безопасности, для вящшей предосторожности разбили даже стекла во всѣхъ видимыхъ со стороны улицы окнахъ, и сожгли спрятанныя въ комодѣ бумаги. Увѣряютъ, что именно здѣсь погибли среди другихъ тетради съ замѣтками и сообщеніями извѣстнаго контръ-шпіона Клѣточникова. Полиція нашла только груду чернаго пепла, въ которой уже нельзя было разобрать ни единой строчки.

Прошло нѣсколько минутъ. Явилось подкрѣпленіе и полиція пошла на приступъ; началась живая перестрѣлка. Можно полагать, что съ обѣихъ сторонъ было выпущено болѣе шестидесяти выстрѣловъ.

Совершенно мирная до сихъ поръ улица была разбуждена громомъ пальбы, и обыватели ея не знали, что подумать. Едва проснувшіеся, полуодѣтые люди бросились на улицу; разсказывали, что кто-то внезапно разбуженный, думая, что въ Петербургѣ уже вспыхнула революція, схватилъ свой револьверъ, живо сошелъ съ лѣстницы и попалъ прямо въ руки полиціи.

Любопытнымъ однакожъ никому не удалось попасть въ домъ, потому что прибывшіе съ поспѣшностью солдаты оцѣпили его кордономъ.

Сопротивленіе продолжалось почти полчаса и такъ какъ подойти къ выходной двери было невозможно, полицейскіе атаковали дверь съ кухни.

Защищать ее не представлялось никакой возможности, и вся толпа осаждающихъ скоро хлынула въ кухню.

Это уже былъ конецъ.

Произошелъ неописуемый безпорядокъ; всѣ присутствующіе сдались:

Vae victis!

Не могли найти только одного „Птицу“.

Только что толпа побѣдителей въ лицѣ полиціи вошла въ дверь, онъ убѣжалъ въ послѣднюю комнату.

Если бы кто-нибудь былъ способенъ прислушиваться въ эту минуту, онъ могъ бы услышать выстрѣлъ.

Черезъ нѣсколько секундъ „Птицу“ нашли лежащимъ на полу въ лужѣ крови.

Онъ застрѣлился...

VIII.

Шпіоны и контръ-шпіоны.

На Невскомъ проспектѣ, противъ вокзала, въ 1878 году были меблированныя комнаты г-жи Кутузовой.

Увѣряли, что эта почтенная дама нѣкогда знала лучшіе дни; она тогда болѣе или менѣе успѣшно выполняла обязанности не простаго шпіона въ юбкѣ, а принимала на себя нерѣдко почти дипломатическія миссіи.

Такъ, утверждаютъ, что разъ ей было поручено обольстить одного виднаго представителя какого-то европейскаго двора, чтобы выманить у него нѣсколько политическихъ документовъ чрезвычайной важности.

Очень красивая, необычайно ловкая, эта авантюристка пользовалась тогда полнымъ довѣріемъ Третьяго Отдѣленія.

Позднѣе, постарѣвъ и подурнѣвъ, она уже не была способна на свое ремесло и обратилась къ мирной жизни почтенной дамы средней руки и состоянія. Ея услуги были хорошо вознаграждены, но г-жа Кутузова все-таки продолжала держать собственный салонъ, чтобы не оставаться совсѣмъ праздною.

Меблированныя комнаты не имѣли никакой связи съ полиціей, но ихъ хозяйка поддерживала дружескія отношенія съ старыми товарищами изъ Третьяго Отдѣленія, и они всегда принимались здѣсь съ открытыми объятіями.

Въ этихъ-то меблированныхъ комнатахъ въ концѣ 1878 года появился новый жилецъ. Его звали Николаемъ Клѣточниковымъ.

Это былъ человѣкъ около 35 лѣтъ, съ благородными и симпатичными чертами лица. Глубокія складки бороздили его высокій лобъ. Нѣсколько сѣдыхъ волосъ уже

замѣтныхъ въ его темно-каштановыхъ волосахъ и въ великолѣпной бородѣ, выраженіе нѣкоторой усталости, отпечатлѣвшееся въ чертахъ его дѣйствительно красиваго лица, все указывало въ немъ человѣка хорошо знавшаго жизнь и много выстрадавшаго; при всемъ этомъ онъ былъ очень вѣжливъ и сильно понравился m-me Кутузовой. Скоро они сдѣлались почти друзьями.

За чашкой кофе или съ картами въ рукахъ она разсказывала ему эпизоды своей полной приключеній жизни. Онъ же не любилъ говорить о своемъ прошломъ, но охотно посѣщалъ свою хозяйку съ тою снисходительностью, характеризующею глубоко разочарованныхъ людей, для которыхъ всѣ сношенія одинаково безразличны. Г-жа Кутузова, я думаю, глубоко жалѣла его.

Онъ разсказывалъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ подыскать себѣ какое-нибудь мѣсто; раньше этого онъ былъ чиновникомъ въ Крыму, но по какой-то случайности потерялъ тамъ свою должность. Теперь же онъ не имѣетъ никакого успѣха, и всѣ его попытки найти что-нибудь остаются безплодными.

Тронутая такими неудачами г. Кутузова однажды спросила у него, не имѣлъ ли онъ чего-нибудь противъ вступленія на службу въ Третье Отдѣленіе; она имѣла еще достаточно вліянія, чтобъ попытаться найти тамъ для него что-нибудь.

— Вы много обязали бы меня, отвѣчалъ онъ; и г. Кутузова принялась устраивать это дѣло черезъ посредство начальника III-го отдѣленія—Кирилова.

Скоро Клѣточникову въ самомъ дѣлѣ предложили мѣсто... мѣсто плохое—простого шпіона.

Онъ все-таки принялъ его.

Разумѣется, со стороны Третьяго Отдѣленія это было скорѣе испытаніе, чѣмъ серьезное предложеніе. Можно было думать также, что его новое начальство рѣшило сперва собрать надлежащія свѣдѣнія о прошломъ Клѣточникова. Если эта предосторожность, дѣйствительно, имѣла мѣсто, то Третье Отдѣленіе должно было скоро удовлетвориться своими справками. Клѣточниковъ былъ извѣстенъ на своей родинѣ, какъ человѣкъ выдающійся, но въ Россіи, вѣдь, всѣ люди выдающіеся! Во всякомъ случаѣ, онъ никогда не дѣйствовалъ противъ правитель-

ства, даже, наоборотъ, всѣ революціонеры изъ одного съ нимъ мѣста считали его человѣкомъ слишкомъ боязливымъ и упрекали его за его буржуазную жизнь. И правда, онъ былъ очень тонкій знатокъ въ винахъ, столь обильныхъ и прекрасныхъ въ Крыму; онъ игралъ въ карты и пр. Но самая лучшая аттестація для Клѣточникова была та, что онъ, очевидно, совершенно не водилъ знакомства съ революціонерами.

Итакъ, свѣдѣнія, если только ихъ старались собрать, могли быть лишь благопріятны для Клѣточникова.

* * *

Русское революціонное движеніе изобилуетъ примѣрами настоящаго героизма и самопожертвованія, оно богато замѣчательными талантами въ области пропаганды и агитаціи; но въ немъ не хватаетъ настоящаго духа конспираціи; качества необходимыя для обдуманной и систематической конспираціонной работы здѣсь рѣдки.

Въ 1878—1879 годы,—періодъ, когда появилась неопредѣленная пока идея возстанія, появилось много людей, считавшихъ себя пригодными къ этой дѣятельности, но число истинныхъ конспираторовъ, конспираторовъ, дѣйствительно, способныхъ и въ это время увеличилось очень слабо.

Клѣточникову, который и самъ въ этомъ смыслѣ представлялъ изъ себя замѣчательный экземпляръ, посчастливилось найти себѣ товарищемъ человѣка, стоящаго безконечно выше своей среды, какъ конспираторъ и какъ организаторъ. Это былъ Александръ Михайловъ. Онъ питалъ надежды на осуществленіе обширнаго проекта могущественной организаціи, которая должна была свергнуть правительство. Но для этой цѣли были между прочимъ неизбѣжны такіе революціонеры, которые сумѣли бы пробраться и устроиться въ самомъ центрѣ русской политической полиціи.

Онъ посовѣтовалъ Клѣточникову поискать мѣста именно здѣсь. Быть можетъ, онъ-то и указалъ ему меблированныя комнаты Кутузовой.

Служба мелкаго шпіона не нравилась обоимъ друзь-

ямъ. Мелкій шпіонъ, даже довѣренный агентъ, отнюдь не можетъ знать ничего больше одного какого-нибудь опредѣленнаго дѣла, которое ему поручено, и при этомъ онъ совсѣмъ не посвящается въ цѣли своихъ даже ближайшихъ начальниковъ. Съ другой стороны, онъ непремѣнно долженъ что-нибудь открывать, о чемъ нибудь доносить подъ страхомъ быть прогнаннымъ со службы за неспособность или какъ подозрительный.

— Не можете ли дать мнѣ что-нибудь для васъ не существенное, не важное, о чемъ я могъ бы имъ донести?

Но только что этотъ вопросъ сорвался съ его языка, какъ Клѣточниковъ сію же минуту взялъ назадъ свое предложеніе. Онъ понималъ, что и на этой почвѣ былъ бы для полиціи не важенъ и не замѣтенъ и выбралъ другой способъ поведенія, рѣшившись завоевать, дѣйствительно, полезное положеніе или быть изгнаннымъ. Онъ выказалъ большую ревность къ дѣлу, но въ то же время и большую неловкость; открыть хоть что-нибудь онъ никогда не могъ.

— Какъ я могу быть полезенъ на такой службѣ при моей близорукости? Говорилъ онъ, а онъ былъ, дѣйствительно, въ высшей степени близорукимъ.

— Да кромѣ того эти революціонныя теоріи просто противны мнѣ. Я не могу серьезно говорить объ нихъ, какъ же я могу привлечь къ себѣ довѣріе этихъ людей?

Такого рода размышленія Клѣточниковъ избѣгалъ высказывать прямо, но старался внушить ихъ своимъ начальникамъ и товарищамъ. Очень скоро его постоянныя неудачи принудили начальство объявить ему, что онъ не можетъ болѣе оставаться на службѣ.

Клѣточниковъ, казалось, былъ очень огорченъ и спрашивалъ не могутъ ли дать ему какое-нибудь другое дѣло, болѣе подходящее къ его способностямъ. Ему предложили мѣсто переписчика и на этотъ разъ онъ былъ въ восторгѣ—это было его дѣло, то что ему было нужно.

* * *

Съ этого момента Клѣточниковъ употребилъ всѣ усилія, чтобы заслужить благорасположеніе своего на-

чальства. Онъ обладалъ великолѣпнымъ почеркомъ, работалъ чрезвычайно усидчиво, первымъ являлся на службу и послѣднимъ оставлялъ ее.

Зданіе Третьяго Отдѣленія, гдѣ нѣкогда разыгрывалось столько драмъ, было очень большое; нынѣ тамъ пребываютъ лишь остатки политической полиціи, я думаю, именно то, что называютъ охраннымъ отдѣленіемъ Его Величества, потому что это отдѣленіе обязано наблюдать за личной безопасностью Императора и оно владѣетъ собственной тайной полиціей. Остальная часть зданія занята, какъ мнѣ кажется, департаментомъ полиціи министерства внутреннихъ дѣлъ и архивами тайной полиціи.

Во время Клѣточникова знаменитое зданіе у Цѣпного моста было еще полно таинственной жизни и приводило въ трепетъ всю Россію. Сплошная линія невысокихъ домовъ тянулась по набережной Фонтанки и выходила съ другой стороны на Пантелеймоновскую улицу. Внутри было три большихъ двора, гдѣ и помѣщались всѣ учрежденія, какъ-то конторы, камеры для одиночнаго заключенія и даже зала пытокъ, какъ утверждаетъ народная легенда, чему однако же нѣтъ никакихъ основаній довѣрять.

Легенда утверждаетъ, что въ Третьемъ Отдѣленіи существовала спеціальная комната, приспособленная для допросовъ съ пристрастіемъ. Заключенный шелъ по паркету; вдругъ полъ подъ нимъ разверзался, и бѣдняга погружался куда-то до высоты груди; тогда являлись жандармы и вверху и внизу; вверху вели правильный допросъ, а внизу—наказывали...

Правда это или ложь? Реакціонная и революціонная поэзія однакожъ прославляетъ палку Третьяго Отдѣленія:

А для этихъ людей, Государь Пантелей, палки
Ты не жалѣй суковатыя...

говоритъ Алексѣй Толстой, раздраженный нигилистами.

Поэтъ революціонный заставляетъ разговаривать Москву и Петербургъ на эту же тему; Петербургъ хвастается:

У царя у нашего
Все такъ политично.

Вотъ хоть у Тимашева
Выпорютъ отлично.

———

Влепятъ въ наказаніе
Такъ, ударовъ со сто,
Будешь помнить зданіе
У Цѣпного моста!

———

Оскорбленная старая Москва возражаетъ:

У царя у нашего
Все такъ политично,
Что и безъ Тимашева
Выпорютъ отлично.

———

И къ чему тутъ зданіе
У Цѣпного моста;
Выйдетъ приказаніе,—
Отдерутъ и просто!

Въ этомъ обширномъ мірѣ, который спитъ въ тѣни столь славныхъ воспоминаній, Клѣточниковъ поначалу имѣлъ успѣхъ только въ своей конторѣ, гдѣ онъ могъ узнать лишь очень немногое. Ему еще не довѣряли дѣлъ, имѣвшихъ какую-нибудь важность, но все же иногда онъ слышалъ разговоры, которые ему бывали небезполезными. Онъ видѣлъ мало агентовъ; если бы у него было больше свободнаго времени, онъ могъ бы расширить свои знакомства среди нихъ въ трактирахъ, гдѣ они собирались, такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ учрежденій служили для нихъ въ своемъ родѣ штабъ-квартирой. Но онъ былъ очень занятъ, да и общество это, чтобы вращаться въ немъ сверхъ необходимаго времени, было ему очень противно.

Сначала Клѣточниковъ серьезно предполагалъ встрѣтить въ этой средѣ людей въ своемъ родѣ убѣжденныхъ, но на самомъ дѣлѣ нашелъ только самыя грубыя, оскотинившіяся существа, мечтающія лишь о полученіи денегъ, которыя тутъ же истрачивались съ погибшими представительницами женскаго пола.

Эти-то люди и охотились на революціонеровъ и либераловъ, на всѣхъ безъ разбора, отнюдь не задаваясь вопросомъ, поступаютъ они хорошо или дурно.

Бывали среди нихъ такіе, которые любили свое ре-

месло, какъ охотники любятъ охоту. Ихъ глаза блестѣли. когда они разсказывали о своихъ усиліяхъ открыть то или другое дѣло, но въ общемъ они имѣли видъ авантюристовъ безъ вѣры и закона.

Другіе были только рептиліями, лишенными даже чисто животныхъ добродѣтелей. Таковы, по крайней мѣрѣ, впечатлѣнія Клѣточникова, который долго не могъ привыкнуть къ ихъ глупымъ и пошлымъ, лишеннымъ всякаго смысла, разговорамъ. Изъ боязни выдать свое отвращеніе, онъ еще больше погружался въ свои бумаги, самъ говорилъ очень мало, но зато всегда прислушивался къ тому, что могло дать ему хоть какія-нибудь полезныя свѣдѣнія.

Лѣность его коллегъ по конторѣ доставляла ему иногда случай узнать кое-что. Часто, покончивъ свою работу, онъ замѣчалъ, что кто-нибудь изъ его сослуживцевъ бросалъ перо и позѣвывалъ.

— Вы кончили?

— Кой чертъ, нѣтъ еще. Развѣ можно когда-нибудь кончить эти дѣла? Я хочу смертельно покурить, а тутъ надо торопиться.

— Идите, я кончу за васъ...

Тотъ оставлялъ ему свои бумаги и, посмѣиваясь, уходилъ:

— Вы очень трудолюбивы и ревностны; тѣмъ лучше для меня!

Клѣточниковъ проводилъ много времени въ канцеляріи; иногда оставшись одинъ, онъ отваживался даже перелистывать дѣла на столахъ и въ шкафахъ и этимъ способомъ больше и больше обогащалъ свои свѣдѣнія.

Наконецъ, его усердіе было замѣчено. Этотъ скромный, исполнительный человѣкъ, который такъ прекрасно писалъ и понималъ то, что ему объясняли, съ перваго слова, привлекъ къ себѣ вниманіе начальства. Ему начинали давать работы болѣе сложныя, и онъ исполнялъ ихъ всегда великолѣпно.

Часто случается, что чиновникъ, умѣющій хорошо работать, скоро дѣлается и довѣреннымъ лицомъ у своего начальства.

Производится, напримѣръ, какой-нибудь не особенно важный арестъ. Нужно вмѣстѣ съ рапортомъ объ арестѣ

представить начальству экстрактъ всего дѣла, которое при этомъ всегда имѣется. Эта работа очень трудная, сдѣлать ее при этомъ нужно очень быстро. Клѣточниковъ же, мало того, что писалъ какъ каллиграфъ, былъ еще очень уменъ и усидчивъ. Никто не сумѣлъ бы такъ скоро ознакомиться съ огромнымъ дѣломъ, чтобъ сдѣлать изъ него краткій и существенный докладъ. Такую работу охотно поручали ему, а это давало ему доступъ къ самымъ конфиденціальнымъ даннымъ.

При этимъ поведеніе Клѣточникова не возбуждало рѣшительно никакихъ подозрѣній. Онъ имѣлъ видъ самаго ревностнаго чиновника, который думаетъ только о своей службѣ. И онъ въ свою очередь не могъ жаловаться на свое начальство; ему много разъ выдавали денежныя награды, а нѣсколько позднѣе онъ получилъ орденъ св. Станислава. Начальство кончило даже тѣмъ, что начало приглашать его на свои вечера.

Мало-по-малу ему стали довѣрять самыя важныя работы. Такъ, нѣкоторое время онъ составлялъ ежедневные рапорты о политическихъ событіяхъ въ провинціи по депешамъ и донесеніямъ жандармскихъ управленій. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на него возложена была задача еще болѣе важная: составлять рапорты о событіяхъ, имѣющихъ мѣсто въ самомъ Петербургѣ.

Разумѣется, при этомъ всѣ свѣдѣнія, которыми владѣло Третье Отдѣленіе, всегда были къ его услугамъ. Клѣточниковъ тѣмъ легче пользовался каждымъ такимъ случаемъ, что былъ очень тонкимъ наблюдателемъ и обладалъ феноменальной памятью. Онъ никогда ничего не записывалъ въ конторѣ и ежедневно уносилъ домой въ своей памяти изобильную жатву именъ, цифръ, адресовъ. Во время своихъ свиданій съ Михайловымъ онъ диктовалъ ему или писалъ самъ записки со множествомъ фамилій, улицъ и пр. Онъ всегда зналъ ихъ наизустъ и почти никогда не ошибался. Благодаря этому въ рукахъ конспираторовъ мало-по-малу скопилось множество чрезвычайно полезныхъ данныхъ о поднадзорныхъ, подозрѣваемыхъ, агентахъ...

Послѣднихъ Клѣточниковъ изучалъ съ особеннымъ интересомъ и усердіемъ и его замѣтки о нихъ похожи на памятную книжку талантливаго романиста. Онъ

записывалъ не только имена и псевдонимы агентовъ, а умѣлъ сдѣлать портретъ каждаго изъ нихъ, удивительно удачно обрисованный немногими словами. Онъ описывалъ ихъ физіономіи, ихъ характеръ, ихъ привычки.

Понятно, разумѣется, какимъ могущественнымъ орудіемъ могли быть эти свѣдѣнія въ рукахъ ловкихъ конспираторовъ. Я убѣжденъ, что страшное, неслыханное распространеніе революціонной организаціи въ 1879—1880 годахъ обязано прежде всего Клѣточникову.

Вотъ нѣсколько фактовъ, способныхъ, я полагаю, подтвердить эту мысль.

* * *

Въ 1878 году нѣкій Рейнштейнъ былъ очень извѣстенъ въ московскихъ революціонныхъ кружкахъ.

Пріѣхавъ изъ Петербурга, этотъ человѣкъ выдавалъ себя за рабочаго, преслѣдуемаго полиціей. Николка, какъ его называли, очаровалъ всѣхъ, сталкивавшихся съ нимъ своимъ привлекательнымъ характеромъ и своей безграничной ревностью къ общему дѣлу. И правда, нѣкоторыя мысли Николки поражали своей силой. Такъ, онъ предлагалъ что-то (не помню что именно) очень близкое къ ложнымъ убійствамъ, какъ способу достать денегъ для дѣла; но прибѣгать къ такого рода средствамъ никто не имѣлъ ни малѣйшаго расположенія. Николка пожалъ плечами.

— Эти интеллигенты всегда останавливаются на полдорогѣ. Мы, рабочіе, лишены этихъ глупыхъ предразсудковъ!—Тѣмъ не менѣе пришлось сообразоваться съ предразсудками и ограничиться только одной революціонной пропагандой.

Очень дѣятельный Николка зналъ всю революціонную Москву, какъ свой карманъ и, конечно, имѣлъ много и друзей и враговъ.

Въ Петербургѣ въ это время былъ рабочій О... одно изъ замѣчательныхъ лицъ рабочаго движенія. Онъ былъ очень образованъ, очень уменъ и очень дѣятеленъ; прошло уже восемь лѣтъ, какъ онъ всего себя отдалъ соціалистической пропагандѣ и организаціи рабочаго класса.

Этотъ-то рабочій О... любилъ одну женщину, которую онъ причислялъ вполнѣ къ „своимъ“ и жилъ съ нею въ маленькой квартиркѣ на Пескахъ, въ Петербургѣ. Но эта дама была не что нибудь другое, какъ законная супруга Николки изъ Москвы. Достойные супруги оба были на службѣ Третьяго Отдѣленія и раздѣлили между собою очень благоразумно ихъ общее дѣло. Жена сдѣлалась любовницей О..., который обѣщалъ хорошую жатву, потому что имѣлъ хорошія связи съ революціоннымъ міромъ. Мужъ отправился въ Москву.

Все обѣщало имъ цѣнный успѣхъ. Николка очаровалъ Москву, дама очаровала О..., страстно въ нее влюбленнаго и безусловно ей довѣрявшаго.

Здѣсь однако вмѣшивается обстоятельство, которое совершенно не было предусмотрѣно первоначальнымъ планомъ.

M-me Рейнштейнъ мало-по-малу привязалась сама къ своей жертвѣ и кончила тѣмъ, что полюбила его поистинѣ сумасшедшей любовью. Ея положеніе сдѣлалось безвыходнымъ. Послѣ долгой борьбы, сходя съ ума отъ горя и тоски, она стала часто ходить въ Третье Отдѣленіе, умоляя о милости своему любовнику. Она клялась служить полиціи самымъ ревностнымъ образомъ, обѣщала выдать сколько угодно новыхъ жертвъ, но умоляла оставить ей одного О...

Въ Третьемъ Отдѣленіи сильно сердились на этотъ неожиданный романъ и много смѣялись надъ его несчастной героиней. Она сдѣлалась предметомъ шутокъ для агентовъ и чиновниковъ, такъ какъ въ своемъ отчаяніи не могла уже сдерживаться и скрываться. Клѣточниковъ тоже видѣлъ ее и слышалъ объясненіе этой дамы съ начальникомъ тайной полиціи.

Эта исторія тянулась довольно продолжительное время. Чтобы бѣшеная женщина не испортила такъ хорошо начатаго дѣла, ее старались успокоить разными сказками и обѣщали пощадить ея любовника. Она успокаивалась на нѣкоторое время, но скоро недовѣріе вновь возгоралось въ ней и тогда она опять приходила въ Третье Отдѣленіе, надоѣдала своему начальству обычными угрозами и мольбами.

Благодаря Клѣточникову эта исторія, значеніе ко-

торой трудно было даже представить себѣ, стала извѣстна партіи и всѣ члены ея были поражены ужасомъ.

Благодаря большимъ связямъ О. и Николки опасность угрожала положительно всѣмъ. Но, спрашивается, какъ же гарантировать себя отъ этой опасности? Предупредить О.? Да онъ никогда бы не повѣрилъ подобнымъ сообщеніямъ объ его женѣ. Предупредить москвичей? Они скорѣе приняли бы за шпіоновъ тѣхъ, кто сталъ бы по ихъ мнѣнію клеветать на Николку. Наконецъ, и самъ Николка, видя что онъ открытъ, чтобы не возбудить подозрѣній противъ себя, убѣжалъ бы и выдалъ бы сотни людей, которымъ онъ пока еще только угрожалъ.

Самый шумъ и толки, происшедшіе отъ открытія измѣны г-жи Рейнштейнъ и ея супруга, сами по себѣ, не могли ли компрометировать еще столь непрочнаго положенія Клѣточникова?

Въ концѣ концовъ рѣшились предупредить О., но уже было слишкомъ поздно. Сумасшедшее поведеніе г-жи Рейнштейнъ принудило Третье Отдѣленіе поторопить ходъ вещей. О... не имѣлъ времени спастись и его арестовали. Г-жа Рейнштейнъ, взбѣшенная, прибѣжала въ III Отдѣленіе и наговорила своимъ начальникамъ массу оскорбленій и упрековъ. Ее выгнали, предварительно объявивъ, что она была слишкомъ наивна, если воображала, что столь рѣшительный врагъ существующаго порядка могъ быть прощенъ ради прекрасныхъ глазъ первой попавшейся шлюхи.

Со времени этого ареста положеніе москвичей сдѣлалось еще болѣе ужаснымъ. Тогда нѣсколько человѣкъ членовъ партіи рѣшили кончить дѣло разомъ, уничтоживъ столь вреднаго Рейнштейна.

Это и имѣло мѣсто 26 февраля 1879 года въ одной изъ московскихъ гостиницъ.

Конспираторы, занявшіе тамъ номеръ, вызвали къ себѣ Николку, увѣдомивъ его, что у нихъ его ожидаетъ одинъ изъ друзей, котораго онъ очень желалъ видѣть. Николка съ радостью пришелъ въ гостиницу, откуда больше уже не вышелъ. Черезъ нѣсколько дней лакеи гостиницы, удивленные, что не видятъ ихъ жильцевъ, рѣшились взломать дверь. Они никого не нашли въ

номерѣ, но тамъ лежалъ на полу трупъ съ разбитой головой и нѣсколькими ранами кинжала на тѣлѣ. Въ этомъ трупѣ полиція узнала своего тайнаго агента Николая Рейнштейна.

* * *

Другой разъ дѣло шло о динамитной мастерской.

Одна молодая дѣвушка, назовемъ ее, Марія, жила въ мастерской и имѣла въ городѣ стараго знакомаго, скажемъ, Ивана. Когда-то они были членами одного и того же кружка, но потомъ обстоятельства раздѣлили ихъ и каждый пошелъ своею дорогою. Съ тѣхъ поръ, какъ связи молодой дѣвушки въ революціонномъ мірѣ упрочились настолько, что привели ее къ участію въ динамитной мастерской, она совершенно перестала встрѣчать Ивана.

Какъ могло случиться, что Иванъ сдѣлался шпіономъ—я этого не знаю, но онъ предложилъ свои услуги политической полиціи, обѣщая выдать Марію. Такъ какъ полиція для пользы своего дѣла всегда по возможности должна скрывать своихъ сторонниковъ, было понятно, что Иванъ долженъ былъ лишь устроить свиданіе съ Маріей и указать ее агентамъ, лично держась въ сторонѣ.

Какъ только узналъ объ этомъ Клѣточниковъ, сію же минуту узнала все и партія. Марію извѣстили, что черезъ нѣсколько времени она получитъ записку отъ Ивана, въ которой онъ будетъ просить у нея свиданія.

Несмотря на то, что это было крайне неблагоразумно она все-таки рѣшилась повидаться съ нимъ, быть можетъ просто для того, чтобы убѣдиться въ его измѣнѣ, быть можетъ по другимъ и болѣе важнымъ причинамъ; наконецъ, вѣроятно, она была убѣждена, что ее не арестуютъ тутъ же на мѣстѣ, чтобы тѣмъ самымъ не компрометировать Ивана. Что же касается до преслѣдованій, то она разсчитывала легко избавиться отъ нихъ. Итакъ, она отправилась въ назначенное мѣсто, тщательно наблюдая за всѣмъ тѣмъ, что происходило вокругъ нея.

Иванъ, казалось, чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко. Чтобы мотивировать требованіе свиданія у Маріи, онъ

долженъ былъ выдумать что-нибудь, и Маріи было не трудно замѣтить, какъ искусственность этого мотива, такъ и нѣсколько подозрительныхъ лицъ, которые бродили около нихъ, и неловкіе маневры Ивана, чтобы указать имъ на нее.

Когда они разстались и Марія направилась домой, она замѣтила, что за ней уже слѣдило нѣсколько шпіоновъ.

Она сдѣлала тысячу обходовъ, но это было безполезно; она начала уже впадать въ отчаяніе. Прошло, такимъ образомъ, два или три часа. Наступила ночь, свѣтлая сѣверная лѣтняя ночь, въ какую также ясно, какъ днемъ, можно различать всѣ предметы; улицы дѣлались все пустыннѣе, и задача скрыться отъ шпіоновъ, которые прятались, не теряя изъ вида своей жертвы, становилась съ каждымъ шагомъ труднѣе. Марія, выбившись изъ силъ, все-таки замѣчала, что съ каждымъ кругомъ, который она дѣлала, число преслѣдующихъ ее уменьшалось.

Наконецъ, остался одинъ, самый упорный. Ободренная такимъ успѣхомъ она собрала всѣ свои силы, снова помчалась и скрылась. Наконецъ, въ одной маленькой улицѣ, какъ ей казалось, она была уже навѣрное одна; обрадовавшись и для увѣренности сдѣлавъ еще нѣсколько круговъ по улицамъ, она, наконецъ, возвратилась домой, торжествующая и свободная отъ преслѣдователей.

Не знаю, какъ приняли ее товарищи послѣ такого страннаго приключенія, но во всякомъ случаѣ, въ концѣ концовъ, и они успокоились: все хорошо, что хорошо кончается. Не прошло однакоже и одного часа, какъ конспираторы были разбужены внезапнымъ звонкомъ. Встревожившись, подошли къ двери, но здѣсь были слышны условленные постукиванія!

Это былъ другъ, но онъ принесъ мало утѣшительныя новости.

Въ Третьемъ Отдѣленіи въ эту ночь много волновались; тамъ нисколько не сомнѣвались, что этотъ случай долженъ былъ дать имъ въ руки очень важный секретъ. Правда, о существованіи мастерской и не подозрѣвали, но Маріи приписывали чрезвычайно важную роль въ партіи и потому для выслѣживанія ея откомандировали самыхъ лучшихъ шпіоновъ.

Начальникъ ихъ, самъ старый шпіонъ, сохранившій страсть къ этого рода приключеніямъ, лично руководилъ дѣломъ. Но такъ какъ онъ былъ уже старъ, то почувствовалъ себя скоро утомившимся и возвратился въ свою штабъ-квартиру, гдѣ и ожидалъ донесеній своихъ агентовъ.

Новости были не важны. Два или три агента уже возвратились, сознавшись, что потеряли слѣдъ своей жертвы. Дѣло казалось погибшимъ, такъ какъ на охотѣ остался всего одинъ шпіонъ. Онъ долго не приходилъ и, наконецъ, явился совершенно измученный, зато радостный, и, смѣясь, объявилъ, что эта дьявольская женщина выбила его изъ силъ. Все-таки ему удалось скрыться въ дверяхъ одного дома, когда она остановилась посреди улицы, чтобы посмотрѣть не идетъ ли кто-нибудь сзади ея. Очевидно, онъ остался незамѣченнымъ. Тогда женщина, успокоившись, пошла медленнѣе, уже не такъ утомляя его, и онъ дошелъ за нею вплоть до такой-то улицы и такого-то дома, куда она и вошла. Онъ долго еще высматривалъ ее, но напрасно, очевидно, она жила именно тутъ.

Я не хотѣлъ производить шума, прибавилъ шпіонъ, и рѣшилъ не будить швейцара, чтобы потребовать у него объясненій. Будетъ проще, притти туда утромъ и продолжать надзоръ.

Разсужденіе было бы правильно, если бы не считаться съ присутствіемъ въ Третьемъ Отдѣленіи Клѣточникова. Онъ тоже совершенно не зналъ о существованіи мастерской, но видя торжествующую радость своихъ коллегъ, онъ заключилъ, что дѣло это должно быть очень важно; вслѣдствіе этого онъ поторопился увѣдомить своихъ друзей.

Утромъ мастерская была уже пуста.

* * *

Только одно счастливое вмѣшательство Клѣточникова могло предупредить ужасные удары, которые угрожали революціонной организаціи въ случаяхъ аналогичныхъ только что разсказаннымъ.

Очень часто, благодаря своевременнымъ даннымъ о

поднадзорныхъ, подозрительныхъ и объ агентахъ, революціонеры могли даже и не подходить къ опасности. Они могли просто прекратить посѣщенія человѣка, попавшаго подъ надзоръ, могли парализовать дѣятельность агентовъ, предупреждая ихъ жертвы, могли даже извлечь нѣкоторую пользу изъ близкаго сосѣдства съ шпіономъ. Такъ, одинъ агентъ, указанный Клѣточниковымъ, поселился однажды въ меблированныхъ комнатахъ рядомъ съ студентомъ, чтобы слѣдить за нимъ. Студентъ, будучи объ этомъ предупрежденъ и пользуясь отсутствіемъ своего сосѣда, проникъ въ его комнату, обыскалъ ее, нашелъ замѣтки этого агента для рапорта и такимъ образомъ спасъ многихъ изъ своихъ товарищей.

Очень часто революціонеры, во время предупрежденные, могли въ свою очередь учредить надзоръ за какимъ-нибудь агентомъ, увеличить такимъ образомъ свои свѣдѣнія, узнать мѣсто ихъ свиданій и даже узнать кое-кого изъ агентовъ, неизвѣстныхъ самому Клѣточникову.

Словомъ, революціонная организація могла всегда оставаться невидимой и неуловимой для полиціи. Ея члены умѣли пользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ очень ловко. Но не кто другой, какъ Клѣточниковъ, былъ дѣйствительнымъ базисомъ, былъ душею этого въ высшей степени удачнаго положенія и онъ могъ считать свои усилія увѣнчавшимися настоящимъ успѣхомъ.

Впослѣдствіи, передъ судомъ, онъ особенно настаивалъ на своемъ желаніи быть сколько-нибудь полезнымъ для безчисленныхъ жертвъ Третьяго Отдѣленія и въ этомъ смыслѣ онъ могъ считать себя удовлетвореннымъ. Онъ спасъ очень многихъ людей отъ сѣтей агентовъ-провокаторовъ; многіе агенты были опубликованы въ революціонныхъ изданіяхъ, жертвы другихъ были тайно предупреждены...

Онъ купилъ эти свѣдѣнія очень дорогой цѣной; его жизнь была жизнью мученика. Глубочайшая тайна, какою было необходимо окутать даже его существованіе, совершенно изолировала его отъ людей единомышляющихъ, удаляла его отъ всего честнаго и достойнаго

общества, за исключеніемъ двухъ-трехъ человѣкъ, которые не могли его компрометировать, по мнѣнію Михайлова. При томъ же эти люди видѣлись съ нимъ хотя и ежедневно, но свиданія, по большей части, были чисто дѣловыя, назначались, обыкновенно, въ садахъ, ресторанахъ и въ рѣдкихъ случаяхъ у кого-нибудь изъ знакомыхъ, стоящихъ внѣ подозрѣній полиціи.

Несмотря на полнѣйшую увѣренность въ немъ, Михайловъ не посвящалъ его во всѣ детали революціонной дѣятельности, и самъ Клѣточниковъ вполнѣ одобрялъ такой образъ дѣйствій.

— Съ такой предосторожностью я буду чувствовать себя гораздо спокойнѣе, говорилъ онъ.

Итакъ, почти всегда онъ оставался въ средѣ людей, которыхъ онъ презиралъ и ненавидѣлъ, но съ которыми онъ вынужденъ былъ вѣчно играть ненавистную ему роль ихъ сообщника и единомышленника.

Это положеніе производило самое ужасное впечатлѣніе на Клѣточникова.

Большой пессимистъ вообще, съ каждымъ днемъ онъ становился таковымъ больше и больше.

Конечно, и въ своей канцеляріи онъ могъ наблюдать иногда величайшіе примѣры мужества и преданности дѣлу, но каждый изъ нихъ тонулъ въ грудѣ примѣровъ противоположнаго свойства.

Количество доносовъ, въ большинствѣ случаевъ ложныхъ, особенно подавляло его. Друзья, жены, мужья, дѣти и родители, рѣшительно всѣ доносили другъ на друга самымъ постыднымъ образомъ. Количество ложныхъ доносовъ было такъ огромно, что Третье Отдѣленіе привыкло придавать имъ значеніе только посредственное.

Самъ Клѣточниковъ былъ спасенъ однажды отъ большой опасности благодаря именно такому отношенію Третьяго Отдѣленія къ ложнымъ доносамъ.

Разъ императоръ получилъ лично изъ-за границы увѣдомленіе, что въ Третье Отдѣленіе его канцеляріи проникъ его врагъ.

Императоръ отправилъ это увѣдомленіе въ III Отдѣленіе, съ такой резолюціей: „найти измѣнника и запереть его навсегда въ крѣпость“.

Полиція осталась въ увѣренности, что доносъ этотъ не заслуживалъ никакого вниманія. Клѣточниковъ тоже не былъ нисколько обезпокоенъ этимъ фактомъ, такъ какъ доносчикъ, очевидно, ничего не зналъ, и по существу дѣла весь этотъ доносъ былъ просто брошенъ наудачу.

Чрезмѣрное обиліе зла, въ концѣ концовъ, этимъ самымъ обиліемъ смягчило и уничтожило опасность. Но мораль отсюда не утратила своего значенія.

— Можно ли ожидать чего-либо хорошаго отъ общества, которое породило эти легіоны рептилій?—спрашивалъ себя Клѣточниковъ съ горькимъ чувствомъ.

Онъ состарился подъ тяжестью этого печальнаго знакомства съ извращеніемъ человѣческой природы. Онъ болѣе никогда не улыбался...

* * *

Такъ прошло больше двухъ лѣтъ.

Благоразуміе самого Клѣточникова, предосторожности, которыми его окружалъ Михайловъ, создали почти невозможное: государственная полиція оказалась въ рукахъ полиціи революціонной.

Знаменитый полицейскій глава—Судейкинъ, который мстилъ за неудачи своихъ предшественниковъ нѣсколько лѣтъ позднѣе, имѣлъ основаніе провозгласить аксіому: „Я всегда разсчитываю на человѣческую слабость".

И правда, какъ бы кто ни былъ силенъ, всегда кончитъ слабостью.

Михайловъ, этотъ желѣзный человѣкъ, негодовавшій при одной только мысли о небрежности или неблагоразуміи, что онъ называлъ деморализаціей, самъ кончилъ тѣмъ, что былъ арестованъ самымъ нелѣпымъ образомъ, по мельчайшему поводу, какъ слѣдствіе крайняго неблагоразумія.

Клѣточниковъ былъ пораженъ. Онъ страшно уважалъ и любилъ Михайлова за его искренность, преданность дѣлу и замѣчательныя способности.

Это было только первое предостереженіе и не влекло еще за собою непосредственно ничего дурного, но было причиною того, что конспирація, такъ прекрасно заду-

манная и работавшая въ теченіе двухъ лѣтъ, уменьшила свою бдительность. Конспираторы были уже достаточно испорчены постоянными успѣхами, слишкомъ утомлены постояннымъ напряженіемъ силъ.

Всегда случается такъ, что терпятъ пораженіе именно въ тотъ моментъ, когда совершенно забываютъ объ его возможности.

Годомъ раньше конспираторы не могли бы себѣ и представить, чтобы Клѣточниковъ могъ приходить въ квартиру нелегальнаго человѣка, человѣка разыскиваемаго полиціей.

25 января 1881 года Клѣточниковъ отправился къ Баранникову. Онъ посмотрѣлъ на знакъ безопасности, но все было въ порядкѣ. Онъ входитъ, условленнымъ образомъ звонитъ. Дверь открываютъ агенты полиціи.

Можно представить себѣ сцену, которая произошла вслѣдъ за этимъ!

Баранниковъ былъ арестованъ случайно, днемъ раньше, на квартирѣ одного товарища, и по несчастной случайности Клѣточниковъ ничего объ этомъ не зналъ.

IX.

Взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ.

До 1879 года Степанъ Халтуринъ былъ извѣстенъ, какъ пропагандистъ и какъ неутомимый организаторъ рабочаго класса въ Петербургѣ.

Самъ рабочій, столяръ, онъ умѣлъ пріобрѣсти огромное вліяніе на умы своихъ товарищей. Революціонную пропаганду онъ началъ въ 1873 году и потому имѣлъ достаточно времени, чтобы стать человѣкомъ внѣ закона—нелегальнымъ.

Уже много лѣтъ онъ жилъ по фальшивому паспорту, всегда умѣя избѣжать полицейскихъ розысковъ, что не только не вредило его популярности среди рабочихъ, но, наоборотъ, поднимало ее еще выше.

Степанъ, какъ попросту звали его, былъ лично извѣстенъ сотнямъ рабочихъ и однакожъ никогда и ни-

кѣмъ изъ нихъ не былъ указанъ полиціи. Самъ онъ всегда сохранялъ къ рабочимъ самое безграничное довѣріе.

— Да, это шпіонъ,—говорилъ онъ о какомъ-нибудь выдававшемъ рабочемъ, но онъ на меня не донесетъ, а будетъ искать жертвъ въ другомъ мѣстѣ.

И такое довѣріе къ рабочимъ никогда его не обманывало.

Съ этой удивительной популярностью, человѣкъ сильный, умный и энергичный, какъ Халтуринъ, могъ разсчитывать что-нибудь сдѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, сѣверный союзъ рабочихъ, организованный имъ въ свое время, до сихъ поръ остается самой сильной попыткой рабочей организаціи.

Между рабочими большихъ русскихъ городовъ есть не мало соціалистовъ и революціонеровъ, но рабочія организаціи между ними были только не многочисленны и маловажны.

Сѣверный союзъ забралъ многія сотни рабочихъ въ тайную организацію и, казалось, обѣщалъ сдѣлаться страшною силой. Но и это было только на одинъ моментъ; полиція арестовала самыхъ энергичныхъ его членовъ, остальные должны были разсѣяться.

Та же судьба постигла тайную рабочую типографію, основанную Халтуринымъ. Она была уничтожена вмѣстѣ съ единственнымъ тайнымъ рабочимъ листкомъ, который былъ составленъ и редактированъ самими рабочими.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ неудачъ, постоянно наталкиваясь на царскую полицію, готовую разрушить всѣ его планы, Халтуринъ, раздраженный, рѣшилъ, что ничего болѣе не остается, какъ протестовать противъ самого царя, нападая на его жизнь.

Эта мысль о цареубійствѣ приходила тогда сама собою въ головы многихъ людей.

— Александръ II долженъ пасть отъ руки рабочаго,— говорилъ Халтуринъ;—пусть знаютъ всѣ цари, что и мы,—рабочіе,—не такіе глупые, что не можемъ оцѣнить достойно тѣ услуги, какія цари оказываютъ по отношенію къ народу.

Эта мысль, что царь—измѣнникъ народа—долженъ

погибнуть отъ руки его представителя, сдѣлалась настоящею idée fixe для Халтурина.

Говорятъ, что Халтуринъ по этому поводу совѣтовался съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей и получилъ отъ нихъ полное одобреніе. Онъ говорилъ даже одному лицу, что дѣйствовалъ по порученію рабочаго кружка.

Словомъ, осенью 1879 года Халтуринъ обратился къ Исполнительному Комитету революціонной партіи, предлагая ему свои услуги и даже представивъ ему готовый планъ убійства царя.

Поглощенный своей мыслью, Халтуринъ давно уже искалъ способъ осуществить ее. Какъ чрезвычайно хорошій столяръ и какъ человѣкъ имѣющій обширныя связи среди рабочихъ, Халтуринъ имѣлъ возможность проникнуть повсюду: въ казармы, монастыри и даже во дворцы.

Обшаривъ и осмотрѣвъ повсюду и все, что было можно, ему удалось найти, наконецъ, работу на одной изъ императорскихъ яхтъ, гдѣ нужно было сдѣлать и отполировать нѣсколько дверныхъ филенокъ. Халтуринъ кстати былъ замѣчательный полировщикъ и даже изобрѣтатель лака.

Однажды на яхтѣ онъ видѣлъ какое-то лицо изъ императорской фамиліи, быть можетъ, даже и самого императора, но это не имѣло для него большого значенія; зато работа на этой яхтѣ дала тотъ результатъ, что его, въ концѣ концовъ, стали считать за самаго хорошаго и ловкаго столяра. Поэтому-то ему не трудно уже было получить рекомендацію для постоянной работы и въ Зимнемъ Дворцѣ.

Разумѣется, эти люди, давшіе ему рекомендаціи, отнюдь не могли предполагать, что Халтуринъ былъ человѣкомъ нелегальнымъ и убѣжденнымъ революціонеромъ.

Только получивъ уже мѣсто столяра въ Зимнемъ Дворцѣ, Халтуринъ обратился къ Исполнительному Комитету партіи и просилъ у него помощи для производства взрыва во дворцѣ для всей царской семьи. Онъ просилъ для своего предпріятія дать ему только динамитъ и нѣкоторыя необходимыя техническія указанія.

Въ эту зиму Исполнительнымъ Комитетомъ былъ организованъ цѣлый рядъ покушеній на жизнь Александра II, за его массовыя казни политическихъ дѣятелей въ 1879 году.

Императоръ находился въ Крыму, въ своемъ великолѣпномъ имѣніи Ливадія. Зимою онъ долженъ былъ переселиться въ Петербургъ.

Исполнительный Комитетъ организовалъ подкопы съ динамитными минами на всѣхъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, по которымъ могъ проѣхать Императоръ на обратномъ пути, а именно: подлѣ Одессы, подлѣ Александровска и подлѣ Москвы.

Мина, подготовляемая Халтуринымъ, должна была быть четвертою въ качествѣ р е з е р в а.

Сколько я помню, Халтуринъ переѣхалъ въ Зимній Дворецъ въ октябрѣ 1879 года.

Довольно долго онъ занимался лишь тѣмъ, что старался оріентироваться въ этихъ новыхъ для него условіяхъ.

Благодаря отсутствію императора, за его дворцомъ слѣдили плохо и жили тамъ на полной свободѣ, ни о чемъ не заботясь.

Хитрость и повадки его новыхъ товарищей поражали Халтурина: прежде всего былъ удивителенъ общій безпорядокъ въ администраціи Двора.

Распущенность слугъ переходила всякія границы: они праздновали здѣсь свои свадьбы, собирали во дворцѣ своихъ друзей и пр.

Туда входили къ нимъ и выходили оттуда безъ всякаго надзора и контроля множество знакомыхъ низшихъ служащихъ при дворцѣ.

Парадныя двери открывались только съ большими предосторожностями даже передъ самыми высокопоставленными лицами, но черныя лѣстницы дворца и день и ночь были открыты для перваго входящаго, кто наканунѣ свелъ знакомство съ кѣмъ-нибудь изъ дворцовыхъ слугъ. Эти же люди очень часто проводили во дворцѣ и всю ночь, если выходить было поздно.

Воровство царило здѣсь широко, особенно въ царскихъ погребахъ. Хищеніе вина и припасовъ настолько укоренилось въ нравахъ, что Халтуринъ самъ былъ обя-

занъ принять участіе въ этихъ экспедиціяхъ въ кухню и въ погреба. Въ противномъ случаѣ онъ рисковалъ навлечь на себя подозрѣніе. Нужно прибавить, что слуги имѣли для себя нѣсколько смягчающихъ ихъ вину обстоятельствъ: они получали очень мало денегъ. Можно ли было думать, что камердинеры русскаго царя получали несчастное жалованье въ 15 руб. въ мѣсяцъ? Однако, это было дѣйствительнымъ фактомъ.

Халтуринъ, имѣвшій паспортъ крестьянина Олонецкой губерніи, старался играть роль человѣка невѣжественнаго и маловоспитаннаго.

Онъ изумлялся всему что видѣлъ, обо всемъ распрашивалъ; его старались научить принятымъ во дворцѣ обычаямъ, умѣнью держаться, манерамъ. Все лакейство покатывалось отъ смѣха при видѣ его неловкихъ и грубыхъ манеръ; его особенно находили смѣшнымъ съ его крестьянской привычкою почесывать за ухомъ въ затруднительныхъ случаяхъ.

— Да этого, дружище, нельзя дѣлать! Ты прекрасно полируешь разныя филенки, такъ что на нихъ и блоха не прыгнетъ *), но ты ровно ничего не понимаешь въ хорошихъ манерахъ.

И эти знатоки манеръ и умѣнья жить, держать себя, были очень довольны, что поражали невѣжественнаго мужика своимъ знаніемъ дворцовой жизни, а Халтуринъ тѣмъ временемъ собралъ массу свѣдѣній рѣшительно обо всемъ, включая сюда и самихъ хозяевъ дворца.

Что касается зданія дворца, то Халтуринъ узналъ его очень скоро.

Съ большимъ интересомъ онъ осматривалъ аппартаменты царя, смотрѣлъ на всѣ эти безчисленныя богатства, видѣлъ комнату, гдѣ были собраны золотыя и серебряныя вещи, также и драгоцѣнные камни. Онъ смотрѣлъ на все и удивлялся, что всѣ эти драгоцѣнности не расхищались при такомъ небрежномъ надзорѣ.

Узнавъ хорошенько дворецъ, Халтуринъ увидалъ, что комната въ подвальномъ этажѣ, гдѣ жили столяры

---

*) Выраженіе нашихъ столяровъ; на хорошо отполированной филенкѣ, увѣряютъ они, ножка блохи скользитъ, и она не можетъ прыгать. Это лучшая похвала среди полировщиковъ.

и вмѣстѣ съ ними онъ, находилась какъ разъ подъ столовой царя.

Эта комната столяровъ въ вертикальномъ направленіи отдѣлялась отъ столовой кордегардіей, въ которой помѣщалась ежедневная стража дворца.

Обстоятельства были очень благопріятны для намѣреній Халтурина, но онъ еще не могъ ничего предпринять, такъ какъ во дворцѣ начиналась общая чистка и разнаго рода ремонтъ. Ожидали прибытія царя, и поэтому все было въ движеніи. Халтурину также приходилось много работать. Какъ лучшій столяръ, онъ работалъ преимущественно въ особыхъ комнатахъ, въ кабинетѣ царя, а также въ столовой, которую онъ имѣлъ намѣреніе взорвать. Но благодаря этой спѣшной работѣ онъ не могъ выходить изъ дворца и, слѣдовательно, не могъ начать приготовленіе своей мины.

Такимъ образомъ, резервная мина даже не существовала еще, когда императоръ уже выѣхалъ изъ Крыма. Онъ поѣхалъ черезъ Александровскъ и Москву.

Оказалось, что конспираторы совершенно напрасно минировали линіи желѣзныхъ дорогъ: подъ Александровскомъ взрыва не произошло, такъ какъ проводъ электрическаго аппарата случайно былъ перерѣзанъ самими устроителями дѣла, а въ Москвѣ ошибочно былъ взорванъ багажный императорскій поѣздъ.

Въ первыхъ числахъ ноября императоръ, здоровый и благополучный, вошелъ въ свой дворецъ, единственное мѣсто, гдѣ онъ былъ увѣренъ въ своей личной безопасности.

Съ этого момента Халтуринъ при помощи друзей лихорадочно принялся за свою работу. Теперь дворецъ уже не былъ резервомъ, это было единственное мѣсто, гдѣ можно было выполнить задуманное.

Положеніе Халтурина, довольно уже двусмысленное само по себѣ, сдѣлалось еще болѣе опаснымъ именно въ этотъ моментъ, благодаря одной случайности.

6-го ноября 1879 года въ Петербургѣ арестовали Квятковскаго, о которомъ уже говорилось въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Это былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и самыхъ важныхъ лицъ революціоннаго міра и именно онъ велъ сношенія съ Халтуринымъ.

Полиція нашла въ его полусожженныхъ бумагахъ планъ Зимняго Дворца. Столовая на этомъ планѣ была отмѣчена краснымъ крестомъ.

Внезапно полиція какъ бы очнулась.

Съ какой стати у Квятковскаго оказался этотъ планъ, откуда онъ могъ его достать, и что, наконецъ, означалъ этотъ красный крестъ?

Квятковскій не давалъ ровно никакихъ объясненій, но этотъ инцидентъ и безъ того былъ очень подозрителенъ.

Политическая полиція (Третье Отдѣленіе) такъ же точно, какъ и дворцовая полиція (есть такая спеціальная полиція) потеряли голову. Обыскали всѣ комнаты рядомъ съ столовой, комнаты надъ и подъ нею и ничего не нашли.

Дворецъ, до сихъ поръ такой спокойный, теперь сталъ ареною постоянныхъ подозрѣній. Внутренняя полиція была увеличена; ея глава, полковникъ, имя котораго мнѣ не извѣстно, организовалъ систему неожиданныхъ розысковъ, какъ днемъ, такъ и ночью.

Однажды, когда Халтуринъ и его три товарища уже спали въ своемъ подвалѣ, двери ихъ помѣщенія внезапно открылись и вошелъ полковникъ въ сопровожденіи жандармовъ. Бряцанье шпоръ, стукъ сабель. Повелительный голосъ полковника приказываетъ всѣмъ встать, и столяры торопливо вскакиваютъ.

Халтуринъ счелъ себя погибшимъ, такъ какъ онъ не имѣлъ понятія объ этой вновь принятой системѣ, въ эту минуту практиковавшейся въ первый разъ. Онъ долженъ былъ по всѣмъ даннымъ предположить, что это ночное посѣщеніе имѣетъ въ виду именно его; а у него подъ подушкою было какъ разъ спрятано довольно порядочное количество динамита.

Однакожъ дѣло объяснилось. Жандармы очень поверхностно обыскали ящики рабочихъ, торопливо заглянули туда, сюда, во всѣ углы, и удалились съ такимъ же шумомъ, съ тѣмъ же бряцаніемъ сабель, чтобы продолжить розыскъ въ другихъ комнатахъ дворца.

Только, видя какъ они уходили, Халтуринъ вздохнулъ спокойно и понялъ, что онъ еще не открытъ.

Съ этихъ поръ такія посѣщенія, всегда неожиданныя,

повторялись болѣе или менѣе часто. Но такъ какъ эти обыски были очень поверхностны, они и не внушали Халтурину большого страха.

Гораздо болѣе его стало безпокоить то обстоятельство, что начали систематически обыскивать всѣхъ рабочихъ, которые входили во дворецъ, послѣ даже очень непродолжительнаго отсутствія. Какимъ образомъ при этихъ условіяхъ пронести динамитъ? Свобода входа и выхода изъ дворца, какой пользовались служителя еще не такъ давно, теперь совершенно уничтожена. Всѣ дворцовые рабочіе и слуги обязаны были носить въ карманѣ мѣдную бляху и представлять ее по требованію каждаго часового и стража. Эта бляха носила на себѣ государственный гербъ (двуглавый орелъ) съ буквами Д. С.—иниціалы словъ: дворцовый служитель. Каждый выходъ отмѣчался, посѣщенія дворца людьми чужими стали невозможны.

Несмотря на всѣ эти препятствія было необходимо продолжать переносить динамитъ.

Желябовъ, знаменитый организаторъ большинства покушеній на жизнь царя, замѣнилъ Квятковскаго и страшно торопилъ работу Халтурина.

Однакожъ дѣло подвигалось съ трудомъ. Динамитъ можно было переносить только небольшими кусочками, каждый разъ изобрѣтая способъ обмануть надзоръ или избѣжать осмотра стражи; кромѣ того, Халтурину было невозможно часто выходить изъ дворца.

При всемъ его страстномъ желаніи, какъ можно скорѣе окончить это невыносимое существованіе, онъ только очень медленно могъ устанавливать свою мину. Собственно говоря это не была даже мина, потому что въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находился Халтуринъ, онъ почти ничего не могъ сдѣлать, чтобы по желанію направить всю силу удара. Свой динамитъ онъ хранилъ у себя подъ подушкою и потому страдалъ ужасными головными болями. Это было дѣйствіе нитроглицерина или, быть можетъ, какого-нибудь газа, испускаемаго динамитомъ. Когда его набралось уже достаточно, онъ помѣстилъ его въ свой сундукъ, гдѣ сохранялось его имущество. Этотъ сундукъ онъ подвинулъ какъ можно ближе въ уголъ двухъ капитальныхъ стѣнъ, чтобы при своемъ взрывѣ онъ больше всего разрушилъ столовую.

Конспираторы, помогавшіе Халтурину въ его предпріятіи, рѣшили взорвать динамитъ при помощи трубокъ, наполненныхъ составомъ, способнымъ горѣть даже и въ пустотѣ. Длина трубки была разсчитана на нѣсколько минутъ, которыя были необходимы на то, чтобы Халтуринъ могъ выйти изъ Дворца.

Правда, это устройство было вполнѣ примитивно, но только его и можно было примѣнить въ настоящихъ условіяхъ. Такъ какъ Халтуринъ жилъ въ комнатѣ не одинъ, а съ тремя другими столярами дворца, и жандармы сильно слѣдили за ними, было невозможно даже сколько-нибудь пробить стѣну, чтобы заложить или просто задвинуть туда мину.

Положеніе Халтурина становилось труднѣе день ото дня и требовало всей силы и напряженія его духа. Онъ долженъ былъ внимательно слѣдить за всѣмъ, что происходило кругомъ него, и въ то же время сохранять беззаботный видъ человѣка, которому нечего прятать. По натурѣ Халтуринъ былъ человѣкомъ крайне впечатлительнымъ и очень нервнымъ. Чахотка, все болѣе и болѣе развивавшаяся у него, только увеличивала его нервозность, а постоянные переходы отъ подозрѣній къ надеждѣ еще болѣе разстраивали его нервы; такимъ образомъ, онъ вынужденъ былъ употреблять всѣ силы своей воли, чтобы чѣмъ-нибудь не обнаружить своего волненія и своей внутренней борьбы. Одинъ только онъ могъ по достоинству оцѣнить, что стоила ему эта игра и насколько дорого она ему досталась!

Въ концѣ концовъ онъ выполнилъ свою роль удивительно.

Несмотря на то, что во дворцѣ повсюду пробудились подозрѣнія, ничто не привлекало всеобщаго вниманія и рѣшительно никто не имѣлъ никакого подозрѣнія по отношенію къ Халтурину—онъ неизмѣнно продолжалъ внушать къ себѣ крайнія симпатіи, не исключая и того жандарма, который жилъ вмѣстѣ съ столярами.

Этотъ жандармъ, вообще человѣкъ не злой, особенно старался о томъ, чтобы научить Халтурина „джентельменскимъ манерамъ“.

— За коимъ чертомъ ты царапаешь свой затылокъ,

мужикъ ты этакій! Господинъ полковникъ обращается къ тебѣ, а ты запускаешь пальцы въ волосы! Нужно, другъ, умѣть держать себя съ благородными людьми.

Жандармъ имѣлъ на него свои особенные виды; онъ искалъ приличную партію для своей дочки и остановилъ свой выборъ на молодомъ столярѣ, дѣлая ему разнаго рода авансы, почти предложенія. Халтуринъ не очень-то поощрялъ эти аллюры старика, но и не говорилъ ему положительно—„нѣтъ“, такъ какъ такое расположеніе было ему очень на руку.

Такимъ образомъ, Халтуринъ завоевалъ себѣ репутацію надежнаго человѣка во всѣхъ этажахъ дворца, и ему привыкли довѣрять трудную работу даже въ частныхъ комнатахъ царя, хотя это бывало, обыкновенно, только во время отсутствія его.

Но случилось однажды, что императоръ возвратился домой нѣсколько раньше, чѣмъ его ожидали; поторопились было убрать скорѣе грязнаго рабочаго изъ царскаго кабинета, но было уже слишкомъ поздно, и императоръ прошелъ бокъ о бокъ со своимъ смертельнымъ врагомъ.

Это была единственная встрѣча Халтурина съ Императоромъ, но она имѣла тотъ результатъ, что ясно доказывала ему, насколько онъ стоялъ внѣ всякихъ подозрѣній.

Служителя и рабочіе дворца иногда бесѣдовали между собою о соціалистахъ.

Жандармы часто напоминали рабочимъ о планѣ дворца, найденномъ у Квятковскаго, указывая на то, что необходимо было быть на сторожѣ.

— Ужъ навѣрное не даромъ поставили они красный крестъ на столовой; крамола прячется гдѣ-нибудь здѣсь.

Эти таинственные и неуловимые соціалисты сильно интриговали служителей.

— Какъ бы я хотѣлъ увидать хоть одного изъ нихъ, часто говорили они; и какая досада, что мнѣ не удается встрѣтить никого изъ нихъ на улицахъ.

— Да какъ же вы узнали бы ихъ, заявлялъ Халтуринъ, вѣдь у нихъ ничего не написано на лбу.

— Узнали бы! Эхъ, ты—мужикъ! Ихъ можно узнать

сразу. Небось легко узнаешь человѣка, готоваго сейчасъ же ударить ножемъ. Онъ голову держитъ высоко, вотъ такъ... Человѣкъ, рѣшившійся на все, ни о чемъ не думаетъ... Нечего и толковать, ихъ можно узнать сразу...

По такому портрету однакожъ не легко было узнать Халтурина. Онъ пользовался всеобщимъ довѣріемъ и на праздникъ Рождества получилъ даже 100 рублей награды.

Его предпріятіе приходило къ концу: ящикъ былъ набитъ 60 кило динамита; вожаки конспираціи полагали, что именно это количество необходимо для того, чтобы взорвать столовую, не причинивъ безполезнаго вреда въ остальной части дворца.

Все время работы Желябовъ, на долю котораго выпало помогать, уславливаться и контролировать Халтурина, былъ озабоченъ одной мыслью—на сколько возможно уменьшить количество жертвъ. Халтуринъ же, напротивъ, не хотѣлъ и думать объ этомъ.

— Количество жертвъ фатально должно быть огромнымъ,—говорилъ онъ. Человѣкъ 500 будетъ убито навѣрное, поэтому нечего щадить динамита, лишь бы эти люди не погибли безполезно и отъ удара, направленнаго съ опредѣленной цѣлью, не ускользнулъ тотъ, кому онъ предназначается, лишь бы не пришлось передѣлывать дѣла заново.

Тотъ постоянный рискъ, которому подвергался самъ Халтуринъ каждый разъ, когда онъ переносилъ во дворецъ динамитъ, однако же не позволялъ увеличить количество его сверхъ необходимой, точно высчитанной цифры; кромѣ того, во дворцѣ стали поговаривать о переводѣ столяровъ въ другое помѣщеніе. Все это вмѣстѣ дало преимущество мнѣнію Желябова и было рѣшено учинить взрывъ съ 60 кило динамита при первомъ представившемся случаѣ.

Для успѣха дѣла необходимо было соблюденіе двухъ условій. Во 1-хъ, чтобы императоръ находился въ столовой, и во 2-хъ, чтобы Халтуринъ въ это время былъ въ своей комнатѣ безъ свидѣтелей.

Императоръ ежедневно отправлялся въ столовую почти въ одинъ и тотъ же часъ, съ колебаніями не бо-

лѣе получаса. Что же касается до столяровъ и жандармовъ, то ихъ присутствіе или отсутствіе опредѣлялось ихъ ежедневной службой и часто бывало совершенно случайнымъ.

Въ теченіе многихъ дней, благодаря этому, Халтуринъ никакимъ образомъ не могъ выбрать благопріятнаго момента. Обстоятельства совершенно неожиданно каждый разъ мѣшали ему.

Тогда было условлено, чтобы каждый день, въ часъ, назначенный для императорскаго обѣда, Халтуринъ имѣлъ свиданіе съ Желябовымъ, увѣдомлялъ его о ходѣ дѣла и, въ случаѣ успѣха, былъ бы немедленно уведенъ Желябовымъ въ надежное убѣжище, заранѣе для него приготовленное. Они встрѣчались на площади, въ вечернія сумерки, часто притворяясь совершенно незнакомыми.

Мрачный и злой Халтуринъ большими шагами проходилъ мимо Желябова.

— Не удалось... Невозможно... — бросалъ онъ ему тихимъ и нервнымъ голосомъ.

Много дней подрядъ Желябовъ слышалъ только одни эти скрытныя фразы.

5 февраля Халтуринъ совершенно спокойно и беззаботно шелъ прямо на встрѣчу Желябову. Онъ поздоровался съ нимъ и произнесъ самую обыкновенную разговорную фразу:

— Готово!

Желябовъ, самъ человѣкъ необыкновенно мужественный, былъ въ восторгѣ отъ его хладнокровія.

Черезъ какую-нибудь секунду раздался ужаснѣйшій трескъ и подкрѣпилъ утвержденіе Халтурина. Это былъ взрывъ.

Всѣ огни Зимняго Дворца потухли моментально, и темное пространство Адмиралтейской площади сдѣлалось еще мрачнѣе.

Что же скрывали эти тѣни на другомъ концѣ площади? Былъ ли живъ тотъ, ради смерти котораго пожертвовано столькими жизнями?

Лихорадочное любопытство сжигало Халтурина и Желябова, но было рѣшительно неблагоразумно ожидать объясненій.

Люди со всѣхъ сторонъ бѣжали къ дворцу. Пріѣхали

пожарные. Нѣсколько отдѣльныхъ огоньковъ показалось въ окнахъ дворца.

Видны были люди, вытаскивающіе оттуда что-то тяжелое и большое: это были убитые и раненые. Въ темнотѣ, окружавшей площадь, казалось, что ихъ было безчисленное множество.

Халтуринъ и Желябовъ поторопились уйти и скоро достигли заранѣе приготовленнаго убѣжища. Только при входѣ сюда натянутые нервы Халтурина не выдержали; онъ чувствовалъ себя утомленнымъ, больнымъ настолько, что не могъ держаться на ногахъ.

— Есть ли здѣсь оружіе, былъ его первый вопросъ, я ни за что не отдамся живымъ!

Его успокоили тѣмъ, что въ квартирѣ были снаряженныя динамитныя бомбы.

Извѣстіе о томъ, что и на этотъ разъ императоръ благополучно избѣгъ смерти, страшно огорчило Халтурина; онъ сильно заболѣлъ и только свѣдѣнія о впечатлѣніи, произведенномъ дѣломъ 5 февраля во всей Россіи, нѣсколько успокоили его.

Онъ не могъ забыть своей неудачи и никогда не хотѣлъ простить Желябову то, что онъ называлъ его ошибкой.